

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

**ЮРИДИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**
САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**JURIDICAL
JOURNAL**
OF SAMARA UNIVERSITY

ISSN 2542-047X Print
ISSN 2782-2990 Online

ТОМ 9 • №2 • 2023 ГОД

Подписной индекс 80309
ISSN 2542-047X

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 9 • № 2 • 2023 ГОД

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
IURIDICHESKIY VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA
JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С. П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА ЛАНЬ CROSSREF

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 30.11.2017

Журнал издается с 2015 г. Выходит 4 раза в год 2023, Т. 9, № 2

Миссия журнала: отражение результатов оригинальных фундаментальных и прикладных исследований права на общетеоретическом, межотраслевом и отраслевом уровнях для целей совершенствования правотворчества и правоприменения; поддержание научного диалога и дискуссий представителей отечественных и зарубежных научных школ по актуальным вопросам права.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки
- 5.1.5. Международно-правовые науки

Главный редактор

А. Г. Безверхов, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

О. В. Климанова, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

В. Э. Волков, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,
ул. Академика Павлова, 1.
Тел.: +7(846) 3379963, 3379936
E-mail: Jjournal@inbox.ru
www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Издатель: Самарский университет

Адрес издателя:

Центр периодических изданий Самарского университета
443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,
Московское шоссе, 34, корп. 22а, 312 б.

Литературное редактирование, корректура

Т. А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Т. А. Мурзинова

Информация на английском языке

М. С. Стрельников

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер серии ПИ № ФС 77-68026 от 13 декабря 2016 г.

Подписной индекс в объединенном интернет-каталоге «Пресса России» 80309

ISSN 2542-047X

Прежнее название – «Юридический вестник Самарского государственного университета»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-62511 от 27 июля 2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. ISSN 2410-8707

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Подписано в печать 07.07.2023. Дата выхода в свет 14.07.2023

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 13.

Тираж 200 экз. (первый завод – 70 экз.). Заказ №

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,
Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

С 2015 г. полнотекстовая версия журнала размещается на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

С 2015 г. журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Редакционная коллегия:

А. Х. Абашидзе, д-р юрид. наук, проф. (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, РФ)

А. И. Абдуллин, д-р юрид. наук, проф. (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, РФ)

Д. Б. Абушенко, д-р юрид. наук, доц. (Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, РФ)

А. А. Аубакирова, д-р юрид. наук, доц., академ. проф. (Алматинская Академия МВД имени Макана Есбулатова, Алматы, Республика Казахстан)

С. Ф. Афанасьев, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

Драган Боланча, д-р права, проф. (Сплитский университет, Сплит, Хорватия)

Г. А. Василевич, д-р юрид. наук, проф., засл. юрист Республики Беларусь (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь)

Л. В. Головкин, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Е. Ю. Грачева, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

В. В. Долинская, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

С. А. Дробышевский, д-р юрид. наук, проф. (Сибирский федеральный университет), Красноярск, РФ)

Н. Г. Жаворонкова, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

А. В. Иванчин, д-р юрид. наук, доц. (Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, РФ)

Т. В. Кленова, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Борис Кривокапич, д-р права, ординарный профессор (Университет «Унион – Никола Тесла», Белград, Сербия)

В. А. Лазарева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

П. П. Ланг, д-р юрид. наук, доц. (Самарский государственный экономический университет), г. Самара, РФ)

С. В. Липень, д-р юрид. наук, доц. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

В. В. Полянский, канд. юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С. Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц., гл. научный сотрудник (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, РФ)

В. Д. Рузанова, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

К. А. Савельев, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ю. В. Самович, д-р юрид. наук, проф. (Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казань, РФ)

Е. А. Трещева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Н. А. Шевелева, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ)

И. В. Шестерякова, д-р юрид. наук, доц. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

А. В. Юлин, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Т. Ф. Ящук, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, РФ)

© Самарский университет, 2023

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

Subscription Index 80309
ISSN 2542-047X

**JURIDICAL
JOURNAL
OF SAMARA UNIVERSITY**

Vol. 9 • № 2 • 2023

JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (SAMARA UNIVERSITY)

Indexing in databases: LIBRARY.RU RINTS LAN CROSSREF KIBERLENINKA

The Journal is included by the HAC in the *List of leading scientific editions*, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published,
from 30.11.2017

Journal is published since 2015. It is published 4 times a year 2023, V. 9, no. 2

Mission of the journal: reflection of the results of original fundamental and applied research of law at the general theoretical, intersectoral and sectoral levels for the purpose of improving law-making and law enforcement; maintaining a scientific dialogue and discussions of representatives of domestic and foreign scientific schools on pressing issues of law.

The journal publishes articles on scientific specialties of group 5.1 «Law» (Legal sciences)

- 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences
- 5.1.2. Public Law (State Law) sciences
- 5.1.3. Private law (civilistic) sciences
- 5.1.4. Criminal Sciences
- 5.1.5. International legal sciences

Chief editor

A. G. Bezverkhov, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Deputy chief editors

O. V. Klimanova, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Executive editor

V. E. Volkov, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Address of editorial staff:

1, Acad. Pavlov Str., Samara, 443011, Samara Region, Russian Federation.

Tel.: +7(846) 337-99-63, 337-99-36

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher:

Centre of Periodical Publications of Samara University

312 b, building 22 a, 34, Moskovskoye shosse,
Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation.

Literatory editing, proofreading T. A. Murzinova

Computer makeup, dummy T. A. Murzinova

Information in English M. S. Strelnikov

Certificate of registration of mass media

III № ФС № 77-68026 dated 13 December 2016, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Subscription Index in the «Press of Russian»

Catalogue of Internet 80309

ISSN 2542-047X

Previous title – «Juridical Journal of Samara State University»

Certificate of registration of mass media III № ФС 77-62511 dated 27 July 2015, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

ISSN 2410-8707

Business model: funded by the founder.

0+ Free price

Authors articles do not necessarily reflect the views of the publisher

Passed for printing 07.07.2023.

Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print.

Print. sheets 13.

Circulation 200 copies (first printing – 70 copies).

Order №

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Since 2015 the full-text version of the journal is placed on the site of **Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU**.

Since 2015 the Journal is included in the **Russian Science Citation Index**.

Editorial Board:

D. B. Abushenko, Dr. of Law, associate professor (Ural State Law University, Ekaterinburg, RF)

A. Kh. Abashidze, Dr. of Law, professor (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, RF)

A. I. Abdullin, Dr. of Law sciences, professor (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, RF)

A. A. Aubakirova, Dr. of Law, associate professor, academic professor (The Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan)

S. F. Afanasiev, Dr. of Law, professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

Dragan Bolancha, Dr. of Law, professor (University of Split, Split, Croatia)

G. A. Vasilevich, Dr. of Law, professor, honored layer of the Republic of Belarus (Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus)

L. V. Golovko, Dr. of Law, professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, RF)

E. Yu. Gracheva, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

V. V. Dolinskaya, Dr. of Law, professor (Moscow, Kutafin Moscow State Law University, RF)

S. A. Drobyshevskiy, Dr. of Law, professor (Siberian Federal University, Krasnoyarsk, RF)

N. G. Zhavoronkova, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

A. V. Ivanchin, Dr. of Law, associate professor (Yaroslavl State University, Yaroslavl, RF)

T. V. Klenova, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Boris Krivokapich, Dr. of Law, professor (University «Union – Nikola Tesla», Beograd, Serbia)

V. A. Lazareva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

P. P. Lang, Dr. of Law, associate professor (Samara State University of Economics, Samara, RF)

S. V. Lipen, Dr. of Law, associate professor (Moscow, Kutafin Moscow State Law University, RF)

V. V. Polyanskiy, Candidate of Legal Sciences, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

S. B. Rossinskiy, Dr. of Law, associate professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, RF)

V. D. Ruzanova, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

K. A. Saveliev, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Yu. V. Samovich, Dr. of Law, professor (Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, RF)

E. A. Treshcheva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

N. A. Sheveleva, Dr. of Law, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, RF)

I. V. Shesteryakova, Dr. of Law, associate professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

A. V. Yudin, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

T. F. Yashchuk, Dr. of Law, professor (Dostoevsky Omsk State University, Omsk, RF)

© Samara University, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЯ

Иванов В. В., Янченко И. П. Юридическая клиника Самарского университета отметила 20-летие со дня создания 7

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Бредихин А. Л. Эволюция идеологических доминант современной России 11

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Исмаилов Д. А., Репетева О. Е. Роль и значение дисциплинарной ответственности в уголовно-процессуальной деятельности сотрудников органов внутренних дел 18

Колосова Н. М. Конституционно-правовые гарантии общественного контроля 26

Лобачев Д. А. Законность уменьшения нормативной обеспеченности многоквартирных домов парковочными местами как предмет прокурорского надзора 34

Осетров С. А. Система нормативного регулирования в Российской Федерации: современные тенденции развития 40

Процевский В. А., Очкуренко С. В., Никитина А. П., Горлов Е. В. Особенности реализации правовых предписаний, предусматривающих коллективно-договорное регулирование в сфере труда 49

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Крюкова Е. С., Кудашева П. С. Социально-медицинские услуги в аспекте учета индивидуальных особенностей пациента: тенденции правового регулирования 60

Останина Е. А. Биобанк как правовая категория 65

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Благов Е. В. О стадиях квалификации обстоятельств, исключаящих преступность деяния 71

Нуркаева Т. Н. Противоречия закона, теории и судебной практики по отдельным вопросам квалификации убийства и насильственных половых преступлений, преступлений против свободы и личной неприкосновенности 79

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Самович Ю. В. О безопасности киберпространства: Киберпанк 202..? 85

Трибуна молодого ученого

Мамедов Э. Э. Частное определение суда первой инстанции в гражданском судопроизводстве и ответственность за его неисполнение 90

Паверников Р. А. Принцип гласности в доктрине и законодательстве о гражданском судопроизводстве 96

Требования к оформлению статей 103

CONTENTS

EVENTS

- Ivanov V. V., Yanchenko I. P.** Legal clinic of Samara University celebrated the 20th anniversary of its creation 7

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- Bredikhin A. L.** Evolution of ideological dominants of modern Russia 11

PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

- Ismailov D. A., Repeteva O. E.** Role and importance of disciplinary responsibility in the criminal procedural activities of employees of internal affairs bodies 18
Kolosova N. M. Constitutional and legal guarantees of public control 26
Lobachev D. A. Legality of reducing the regulatory provision of apartment buildings with parking spaces as a subject of prosecutor's supervision 34
Osetrov S. A. System of normative regulation in the Russian Federation: current development trends 40
Protsevskiy V. A., Ochkurenko S. V., Nikitina A. P., Gorlov E. V. Features of the implementation of legal instructions providing collective-agreement regulation in the sphere of labor 49

PRIVATE (CIVIL) SCIENCES

- Kryukova E. S., Kudasheva P. S.** Social and medical services in the aspect of taking into account the individual characteristics of the patient: trends in legal regulation 60
Ostanina E. A. Biobank as a legal category 65

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

- Blagov E. V.** On the stages of qualification of circumstances excluding criminality of the act 71
Nurkaeva T. N. Contradictions of law, theory and judicial practice on certain issues of qualifying murder, violent sexual crimes, crimes against freedom and personal integrity 79

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

- Samovich Yu. V.** Cyberspace security: Cyberpunk 202..? 85

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

- Mamedov E. E.** Private determination of the court of the first instance in civil proceedings and responsibility for non-fulfillment of it 90
Pavernikov R. A. Principle of publicity in the doctrine and legislation of civil proceedings 96

- Requirements to the design of articles* 103

СОБЫТИЯ**EVENTS****Юридическая клиника Самарского университета
отметила 20-летие со дня создания****Legal clinic of Samara University celebrated
the 20th anniversary of its creation**

20 января 2023 года в зале заседаний Самарского университета состоялся всероссийский круглый стол «Клиническое образование в подготовке юристов», приуроченный к 20-летию со дня образования юридической клиники Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева.

В круглом столе приняли участие представители прокуратуры Самарской области, Управления Министерства юстиции РФ по Самарской области, Управления Судебного департамента в Самарской области, Самарской губернской думы, уполномоченного по правам человека в Самарской области, министерства социально-демографической и семейной политики Самарской области, Самарского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», Палаты адвокатов Самарской области, ГКУ СО «Государственное юридическое бюро по Самарской области», а также руководители юридических клиник вузов Самары и Самарской области, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Томска и АНО «Центр развития юридических клиник».

Заседание открыл проректор по учебной работе Самарского университета Гаврилов А. В., подчеркнув в своем приветственном слове важность клинического образования в подготовке студентов-юристов

Директор юридического института Безверхов А. Г. рассказал о появлении юридической клиники в Самарском государственном университете и важности применения клинических методов обучения в образовательном процессе студентов-юристов.

Руководитель юридической клиники Иванов В. В. в своем докладе сообщил о развитии и достижениях юридической клиники Самарского университета, отметив качественное оказание бесплатной юридической помощи населению, а также регулярные мероприятия, посвященные правому просвещению.

Председатель совета Самарского отделения АЮР Шевцов Ю. М. обратил внимание на то, что эксперимент по созданию системы органов бесплатной юридической помощи в середине 2000-х годов начинался в Самарской области и его положительный опыт послужил основой для разработки Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 324-ФЗ¹.

Терехов С. Н. от лица Управления Судебного департамента в Самарской области поздравил юридическую клинику и поблагодарил преподавательский состав за вклад в обучение и подготовку высококвалифицированных молодых специалистов.

¹ Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 324-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121887 (дата обращения: 15.03.2023).

Заместитель руководителя аппарата Самарской губернской думы Саусин А. В. отметил, что законодательство о бесплатной юридической помощи продолжает развиваться, и пожелал всем участникам клинической помощи успешного развития.

Президент Палаты адвокатов Самарской области Бутовченко Т. Д. подчеркнула, что переоценить значение клиник невозможно, потому что для студентов важна сама возможность испытать себя как будущего юриста, и здесь они совершают первые шаги в профессии, оказывая бесплатную юридическую помощь.

Директор АНО «Центр развития юридических клиник» Бабушкина А. А. и член правления Дранжевский М. Д. осветили проблему получения студентами преимущественно теоретических знаний, в то время как юридическое клиническое образование дает возможность познакомиться с практической деятельностью юриста.

Представитель Управления Минюста России по Самарской области Сизов А. Н. обратил внимание на то, что высокие показатели обращений в юридическую клинику говорят о востребованности бесплатной юридической помощи.

Заместитель начальника управления по надзору за исполнением федерального законодательства прокуратуры Самарской области Русских А. С. рассказал о взаимодействии в области организации правового просвещения прокуратуры Самарской области и юридических клиник.

Бортников С. П., директор института права, руководитель юридической клиники СГЭУ, поделился опытом организации работы клиники экономического университета и отдельно подчеркнул, что оказание бесплатной юридической помощи и образовательная деятельность неразрывно связаны.

Долонько Л. В. от лица Аппарата уполномоченного по правам человека в Самарской области рассказал о взаимодействии с юридическими клиниками и высоком уровне подготовки студентов-клиницистов, а также совместной практике выездных приемов граждан в сельских поселениях.

Заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Савельев К. А. отметил необходимость прививать студентам особый, юридический стиль мышления, для формирования которого нужны в том числе практические навыки и успешно применяемые образовательные методы юридических клиник.

Заместитель директора по программам стратегического развития юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, директор Центра клинических методов обучения Трубникова Т. В. подчеркнула, что потребности юридического образования постоянно меняются, появляются новые профессии, и работодатели формируют запрос на уже подготовленных опытных юристов – для успешного трудоустройства студентам необходимы как *hard-skills*, так и *soft-skills*: командообразование и тайм-менеджмент, которыми они овладевают в юридических клиниках.

Заместитель декана факультета права НИУ ВШЭ (Нижний Новгород) Мурзаков С. И. обозначил отличия юридических клиник и особенности взаимодействия юридических клиник с региональными и местными органами власти.

Участники пришли к единодушному мнению о важности использования клиницистских подходов в обучении студентов юридического института, что позволяет им выходить из вуза в профессию, имея не только достаточный багаж профессиональных знаний, но и навыки их применения, вследствие чего существенно повышается их востребованность на рынке труда.

25 декабря 2002 года юридическая клиника Самарского государственного университета приказом № 4592 Министерства образования Российской Федерации была включена в перечень вузов, осуществляющих подготовку юридических кадров, на базе которых предусмотрено открытие правовых консультаций для населения².

Первыми преподавателями клиники были О. О. Анищик, В. А. Яблоков и А. С. Таран, работавшие на кафедре уголовного процесса и криминалистики, а впоследствии О. В. Кленкина³. С 2014 года по настоящее время деятельностью юридической клиники Самарского университета руководит В. В. Иванов.

В настоящее время юридическая клиника представляет собой структурное подразделение университета со штатом преподавательского и учебного вспомогательного состава и дисциплинами, включенными в учебный план. Студенты старших курсов очной формы обучения проводят консультации граждан в рамках обучения по дисциплине «Консультирование в юридической клинике».

Наставниками юридической клиники являются преподаватели-кураторы, которые помогают студентам при проведении консультаций и следят за качеством оказываемой помощи.

Бесплатная юридическая помощь осуществляется в виде правового консультирования по вопросам различных отраслей права: семейного, трудового, жилищного, гражданского, админи-

² Приказ Минобразования РФ от 25 декабря 2002 г. N 4592 «О дополнении Перечня вузов, осуществляющих подготовку юридических кадров, на базе которых предусмотрено открытие правовых консультаций («правовых клиник») для населения (первая очередь), утвержденного приказом Минобразования России от 30.09.1999 № 433 // СПС «ГАРАНТ.РУ» [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/6333976> (дата обращения: 15.03.2023).

³ Юридическая клиника Самарского университета // Портал «Юридический институт Самарского университета» [сайт]. URL: <https://urlife.pro/yuridicheskaya-klinika-samarskogo-universiteta> (дата обращения: 15.03.2023).

стративного и иных (за исключением дел уголовной и предпринимательской направленности) – в устной и письменной форме, а также в виде составления документов правового характера⁴.

Прием населения ведется в том числе дистанционно с использованием видео-конференц-связи. Регулярно организуются выездные приемы в населенных пунктах Самарской области, которые удалены от районных центров и мест расположения органов власти, из-за чего жители зачастую не могут своевременно получить бесплатную и высококвалифицированную юридическую помощь.

12 октября 2017 года был подписан договор о сотрудничестве между Самарским национальным исследовательским университетом имени академика С. П. Королева и Центром развития юридических клиник⁵. Центр координирует деятельность юрклиник всех юридических факультетов и вузов России, устанавливает стандарты оказания бесплатной юридической помощи, а также определяет перспективные направления развития клиник и разрабатывает методики подготовки студентов.

В Центре развития юридических клиник сотрудники проходят повышение квалификации, а студенты ежегодно участвуют в зимних и летних Школах клиницистов и олимпиадах.

В 2019 году клиника Самарского университета вошла в список 20 лучших юридических клиник России по версии Фонда демократии Организации Объединенных Наций и МГУ им. М. В. Ломоносова. Руководителю юридической клиники В. В. Иванову была вручена награда в номинации «Лидер сообщества»⁶.

В ноябре 2021 года юрклиника стала организатором марафона по бесплатной правовой помощи

беженцам и лицам без гражданства на территории Самарской области, проводимого по инициативе Управления Верховного комиссара по делам беженцев Организации Объединенных Наций⁷.

На базе юридической клиники Самарского университета студенты приобретают необходимые юристу базовые профессиональные и практические навыки и познают будущую профессию, не только проводя консультации, но и принимая участие в постановочных судебных процессах, а также сами разрабатывают и проводят занятия с учащимися старших классов и студентами неюридических факультетов Самарского университета в рамках деятельности по правовому просвещению населения.

Хочется пожелать юридической клинике Самарского университета оставаться одним из флагманов клинического образования в России и успехов во всех направлениях деятельности!

*Руководитель юридической клиники
Самарского университета к.ю.н., доцент*

В. В. Иванов

*Head of legal clinic of
Samara University Candidate of Legal Sciences,
associate professor*

V. V. Ivanov

*Лаборант юридической клиники
Самарского университета*

И. П. Янченко

*Legal clinic laboratory assistant of
Samara University*

I. P. Yanchenko

⁴ Бесплатная юридическая помощь // Портал «Ассоциация юристов России» [сайт]. URL: <https://alrf.ru/activities/besplatnaya-yuridicheskaya-pomoshch> (дата обращения: 15.03.2023).

⁵ Договор о сотрудничестве между Федеральным государственным автономным образовательным учреждением высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» и Автономной некоммерческой организацией «Центр развития юридических клиник» [Текст : электронный] // Портал «Центр развития юридических клиник» [сайт]. URL: <https://codolc.com/files/7f/74/7f7450085f79853f967e6729aae89cbd.pdf> (дата обращения: 15.03.2023).

⁶ Юридическая клиника Самарского университета одержала победу в конкурсе «Лидер сообщества» [Текст : электронный] // Портал «Юридический институт Самарского университета» [сайт]. URL: <https://urlife.pro/yuridicheskaya-klinika-samarskogo-universiteta-oderzhala-pobedu-v-konkurse-lider-soobshhestva> (дата обращения: 15.03.2023).

⁷ Марафон бесплатной юридической помощи [Текст : электронный] // Портал «Самарский университет» [сайт]. URL: <https://ssau.ru/news/19725-marafon-besplatnoy-yuridicheskoy-pomoshchi> (дата обращения: 15.03.2023).

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-2-11-17

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 321.01

Дата поступления: 15.02.2023
рецензирования: 17.03.2023
принятия: 30.05.2023

Эволюция идеологических доминант современной России

А. Л. Бредихин

Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: axel_b@mail.ru

Аннотация: В статье автор исследует эволюцию идеологических доминант постсоветской России. В первую очередь дается само понятие идеологической доминанты как комплекса взглядов и идей, официально признаваемых государством, преобладающих в идеологической деятельности государства, политической жизни и общественном сознании. Отмечается симбиоз идеологических направлений, сформировавшихся в России после распада СССР, и прослеживаются изменения доминирующих установок. Так, переломными моментами называются: начало 2000-х, когда либеральные ценности начинают уходить на второй план перед идеей сильного государства; 2014 год как момент появления неразрешимых противоречий с Западом после конфликта на Донбассе; 2022 год – начало СВО и прямая конфронтация с Западом. В заключение отмечается начало нового периода в эволюции идеологических доминант и оформление тенденций разрыва с западной парадигмой развития страны; реализация идеи защиты традиционных ценностей; построение многополярного мира. Автор видит смену идеологических доминант в виде закономерного и естественного процесса.

Ключевые слова: идеология; идеологическая доминанта; современная Россия; идеологическая система; традиционные ценности; многополярный мир; либеральная идеология.

Цитирование. Бредихин А. Л. Эволюция идеологических доминант современной России // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 2. С. 11–17. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-11-17>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Бредихин А. Л., 2023

Алексей Леонидович Бредихин – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России, 198334, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.02.2023
Revised: 17.03.2023
Accepted: 30.05.2023

Evolution of ideological dominants of modern Russia

A. L. Bredikhin

Saint Petersburg University of the Russian Interior Ministry, Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: axel_b@mail.ru

Abstract: In the article, the author examines the evolution of ideological dominants of post-Soviet Russia. First of all, the very concept of an ideological dominant is given as a complex of views and ideas officially recognized by the state, prevailing in the ideological activity of the state, political life and public consciousness. The symbiosis of ideological trends that have formed in Russia after the collapse of the USSR is noted, and changes in the dominant attitudes are traced. Thus, the turning points are called: the beginning of the 2000-ies, when liberal values begin to fade into the background before the idea of a strong state; 2014, as the moment of appearance of insoluble contradictions with the West, after the conflict in Donbass; 2022 - the beginning of the NWO and a direct confrontation with the West. In conclusion, the beginning of a new period in the evolution of ideological dominants and the formation of tendencies for a break with the

Western paradigm of the country's development are noted; implementation of the idea of protecting traditional values; building a multipolar world. The author sees the change of ideological dominants as a regular and natural process.

Key words: ideology; ideological dominant; modern Russia; ideological system; traditional values; multipolar world; liberal ideology.

Citation. Bredikhin A. L. *Evolutsiya ideologicheskikh dominant sovremennoi Rossii* [Evolution of ideological dominants of modern Russia]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 2, pp. 11–17. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-11-17> [in Russian].

Conflict of interest information: author declares no conflict of interest.

© Bredikhin A. L., 2023

Aleksey L. Bredikhin – Candidate of Juridical Sciences, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg University of the Russian Interior Ministry, 1, Pilyutov Street, Saint Petersburg, 198334, Russian Federation.

Нами не раз отмечалось, что существующий конституционный строй России не допускает создания государственной или обязательной идеологии. Вместе с тем обсуждения государственной идеологии в политических, правовых и научных кругах не стихают.

Большинство участников дискуссий высказываются о необходимости государственной идеологии, зная о запрете таковой. Помня о неудачном советском опыте построения государства на основе одной идеологии, такое единодушие удивляет, тем более что содержательная сторона такой идеологической системы (конкретные идеи, ценности, цели, идеологические установки и т. д.) часто не называется. Следует предположить, что относительно конкретных параметров этой идеологии участники дискуссий прийти к согласию не смогут.

Таким образом, по факту имеется общественный запрос на государственную идеологию [1, с. 24–33], но законодательство и фактическая расстановка политических сил не позволит сформировать устраивающую всех государственную идеологию.

Вместе с тем нельзя назвать российскую ситуацию уникальной. Так, И. В. Стрельников справедливо отмечает, что классические идеологии переживают определенный кризис, вызванный, с одной стороны, «деструктуризацией классических идеологических систем», а с другой – разнобразием субъектов идеологического транслирования [2, с. 81–82]. Таким образом, идеология в классическом понимании становится нежизнеспособной в современном обществе. К этому результату привели различные факторы, напрямую связанные с изменением социально-экономических условий жизни общества. Впрочем, было бы удивительно, если бы за несколько столетий политическая жизнь не претерпела бы изменений и элементы политической системы остались бы статичными.

Нами отмечалось, что на смену религиозной картине мира, объяснявшей все события и явления действительности, на определенном этапе пришла светская идеологическая система с теми же функциями и задачами. Возможно, мы находимся на переломном этапе, когда идеологическая система в привычном нам понимании утрачивает свое значение и формируется новая форма абстрактно-мировоззренческого осмысления действительности и видения будущего.

Если перевести приведенные размышления в практическую и правовую плоскость, это будет означать, что за время функционирования политической и правовой системы накоплен значительный практический опыт, который приводит к исчерпанию потенциала основополагающих идей и принципов. Например, за время существования советского союза стал очевидным тупиковый путь движения в сторону коммунизма, а население не устроило и социализм; капитализм и либеральные принципы также утратили свою безусловную привлекательность ввиду существенного социального неравенства и социальной конфликтности. В связи с этим современные государства пытаются выстроить более универсальный характер государственности.

Достижения в гуманитарных и общественных науках, информатизация, развитие юридической техники, политические технологии делают процесс управления государством и обществом профессиональным и регламентированным, поэтому места для идей остается немного. Например, «всеобщие, равные, прямые выборы при тайном голосовании» обретают свои конкретные параметры в избирательном законодательстве, организационных документах и программных средствах. Иного расширительного толкования названных характеристик нет и быть не может, следовательно, «идейность» и «принципиальность» нивелируется конкретными механизмами.

Тем не менее нельзя списывать идеологическую сферу со счетов, и ее роль все еще важна, а идеологическая функция государства должна наполняться конкретными элементами и установками. Об источниках и механизме осуществления идеологической функции было сказано выше, и любые концепции, доктрины, стратегии и прочие подобные документы мы можем включить в состав «квазиидеологической системы» нашей страны. Вместе с тем не все идеологические положения имеют важное и основополагающее значение. В связи с этим предлагаем ввести в оборот понятие **идеологической доминанты**, т. е. наиболее выраженной и основополагающей идеологической установки, закрепленной в законодательстве либо официально признанной, определяющей направление идеологической деятельности государства.

Прежде чем выделить конкретные доминанты государственной политики, нужно обратить вни-

мание на смешанный и противоречивый характер идеологической деятельности Российского государства, связанный с коренными изменениями в общественно-политической жизни, которые мы переживаем и сейчас.

Так, советское правительство отвергло полностью многовековую линию развития страны, сформировало и закрепило государственную идеологию нерелигиозного характера. А с момента распада СССР, наоборот, взят курс на деидеологизацию и в некотором смысле на десоветизацию, но реально проведены во многом «косметические» преобразования. На последних этапах существования СССР наблюдаются попытки совмещения «западной» и социалистической системы. Примером попытки «совместить несовместимое» можно назвать понятие «социалистического правового государства» [3, с. 9–28], разрабатываемого отдельными учеными.

В 1990-е происходит также возвращение к до-революционной истории, возвеличиванию событий и институтов периода Российской империи, возвращение важного места Церкви в жизни общества.

Еще одним важным фактором следует назвать глубокое проникновение в государственную и общественную жизнь «западной» культуры, ценностей, идеалов, традиций, а также прямое проникновение проевропейских и проамериканских политических институтов в процесс управления государством (начиная от участия иностранцев в государственном управлении и до деятельности негосударственных фондов).

Таким образом, в течение первого постсоветского десятилетия произошло наложение и симбиоз различных идеологических направлений:

1. Просоветский взгляд. Он сохранился у значительного количества населения, в том числе у бывшей партийной верхушки, в части научной общественности, для которых распад СССР был нежелательным. Это население составило в последующем электорат вновь созданной Коммунистической партии Российской Федерации.

2. Прозападные силы. Были представлены как бывшими противниками советского государства, так и зарождающимся новым поколением, воспитываемым на новых ценностях. В политическую и общественную элиту вписались также отдельные возвратившиеся из-за рубежа бывшие советские граждане и т. п. Эти силы сплотились вокруг либеральных и праволиберальных партий.

4. Сторонники традиционной российской государственности. Здесь преобладают интересы Церкви и монархически настроенного электората, в том числе политической элиты и интеллигенции.

5. Бюрократия как «слои профессиональных управленцев» [4, с. 417], не имеющая определенных идеологических взглядов, но находящаяся в относительно замкнутой корпорации со своими интересами. Эта группа населения в новых политических условиях подстроилась под существующий

государственный строй, сменив в своей риторике коммунистические идеалы на принципы концепции прав и свобод человека.

Смена ориентиров общественно-политического дискурса новой России проходила очень активно во всех сферах общества. Довольно быстро произошло переформатирование законодательства, установившего свободу слова и экономической деятельности. Возросшие политические, экономические и общественные связи с иностранными, прежде всего западными, корпорациями, сформировали определенную деловую среду в России.

Религиозная свобода позволила возродить и расширить деятельность традиционных религиозных общин на территории России. Церковь получила доступ к первым лицам государства и региональным властям и стала официально привлекаться к государственным и общественным мероприятиям. Религиозные общины получили законодательные льготы и привилегии.

В то же время бюрократия продолжила существовать по сложившимся правилам, преемственность форм и процедур сохранилась. Декларируемые права и свободы нередко упирались в рамки и ограничения служебных регламентов и утвержденных форм, что существенно обесценивало завоевания демократического мира. Следовательно, население неоднозначно приняло новую государственность, где декларируемые права и свободы не обеспечены реальными механизмами, а уровень жизни катастрофически упал.

К началу 2000-х годов «очарование» либеральными ценностями остыло, так как полноценное гражданское общество не сформировалось, а механизмы общественного контроля не были действенными, чтобы обеспечить справедливость, безопасность и благосостояние граждан. Поэтому возникает запрос на сильную государственную власть, но с сохранением демократических институтов.

В силу ряда причин, в том числе высокой стоимости энергоресурсов на внешних рынках, происходит довольно быстрый экономический рост. Резко снижается безработица, и растет благосостояние граждан. Политические предпочтения также смещаются к провластным партиям (в первую очередь, Единая Россия), а левые (Коммунистическая Партия России) и либеральные («Яблоко», «Союз Правых Сил») теряют свои позиции.

Несмотря на запрет официальной идеологии, попытки создать некую систему политических ценностей властями предпринимались. Довольно широко разрабатывалась идея «суверенной демократии», предложенная видным политическим деятелем В. Ю. Сурковым еще в 2005 г. [5, с. 97–102]. Но дальше научной полемики эта идея не ушла, хотя в целом передавала суть политики того времени.

По линии партии «Единая Россия» в 2005 году был создан Центр социально-консервативной политики (ЦСКП) «как антикризисный центр для выработки позиции партии парламентского боль-

шинства по ключевым вопросам социально-экономического развития страны»¹, на базе которого шла разработка концепции «российского консерватизма». Центр социально-консервативной политики существует до сих пор и проводит различные мероприятия²: форумы, круглые столы, образовательные проекты и т. п. Тем не менее сказать о его большой значимости в деле формирования идеологических предпочтений нельзя. Скорее он выступает как экспертный общественный совет и ничего более.

В этот же период создаются и общественные движения, действующие в фарватере официальной государственной политики (например, общественная организация «Молодая Гвардия Единой России»³). Задача этих движений – активное вовлечение людей разных возрастов и социальных групп в общественную жизнь и политические процессы, направление их энергии в созидательную деятельность. Тем самым достигается цель снижения протестного электората, формирование здорового консервативного общества и формирование ценностей у молодежи.

Таким образом, к 2010 году главными участниками общественно-политической жизни становятся общественные институты, созданные прямо или косвенно с участием официальной власти. Легальные оппозиционные партии в большинстве своем занимают схожие позиции и не вступают в противостояние с властью.

Отсутствие ярко выраженной оппозиции во властных структурах имело двоякое значение. С одной стороны, появилась стабильность политического курса без риска политического кризиса. С другой стороны нарушился принцип плюрализма, без которого либеральная идея теряет смысл. Это становится причиной появления т. н. «несистемной оппозиции», которая аккумулировала либерально и проевропейски настроенный электорат. Деятельность оппозиционных движений (легальных и нелегальных) стала носить радикальный и экстремистский характер, вскрывались многочисленные схемы участия иностранных сил в финансировании политических акций, а также непосредственном руководстве такими действиями. Усложняются и международные отношения, враждебность к России нарастает, со стороны западного мира поощряется русофобия в соседних странах под прикрытием демократических идей, устанавливаются марионеточные режимы, образованные в результате «цветных» революций. Это привело к прямому вовлечению России в международные конфликты. Так, в 2008 году спровоцировано нападение Грузии на непризнанные республики Абхазия и Южная Осетия, а в 2014 г. – гражданскую войну на Украине.

После 2014 года явно оформляются неразрешимые противоречия российской государственности и американско-европейского миропорядка, посте-

ленно приобретающие характер цивилизационного конфликта. Россия подвергается санкционному давлению, дискриминации и враждебным выпадам со стороны отдельных стран и международных организаций. Разногласия становятся неразрешимыми, и многолетние старания России по вступлению в европейскую семью теряют перспективу, а многочисленные уступки, ослабившие по факту суверенитет России, становятся вредными для страны. В том числе речь идет об идеологических, культурных и морально-нравственных аспектах, которые привели к дезорганизации российского общества, утрате национальной идентичности, формированию ложных (ничтожных) ценностей и приоритетов. Попытки совместить традиционные российские ценности, патриотизм и либеральную идею, предпринимавшиеся с начала 1990-х годов, потерпели крах, фактически сделав нежизнеспособной господствующую государственную идеологическую систему.

Запрос как государства, так и общества на формирование суверенной государственной идеологии встал очень остро, но возникла и проблема сочетания идеологической работы с принципами, заложенными в Конституции РФ. Конституционные (и либеральные по сути) ценности концепции прав человека уже воспринимаются не как безусловные цели и ориентиры, а как ограничения проводимой государственной политики. Происходит и раскол в обществе между либерально настроенной «элитой» и остальным населением, поддерживающим официальный курс страны, что активно стало «подогреваться» иностранными институтами. Тем не менее тренд на смену идеологических доминант обозначился в направлении ухода от Европоцентризма в сторону уникальности российской цивилизации.

Отдельные аспекты данного разворота нашли отражение в Конституции РФ по итогам внесенных поправок в 2020 г. В первую очередь в этих поправках усиливается значимость обеспечения государственного суверенитета, в том числе и устанавливается верховенство Конституции РФ по отношению к решениям международных органов. Определенное значение имеет и дополнение текста Конституции Российской Федерации статьей 67.1, в которой, в частности, указывается на полное международное правопреимство России от Союза ССР, исторически сложившееся государственное единство, почитание памяти защитников Отечества и воспитание патриотизма. В целом Россия здесь предстает в образе уникальной цивилизации, которая развивалась непрерывно, включая период существования Союза ССР, и не намерена растворяться в мировом сообществе с унифицированными ценностями и идеалами [6, с. 9–12]. В пункте 4 новой редакции статьи 68 Конституции РФ делается отсылка к культуре России, как «уникальному наследию ее многонационального народа», подчеркивается обязанность государства ее охранять.

¹ <http://old.cskp.ru/about>.

² <http://cskp.ru/category/novosti/page/2>.

³ <https://mger.ru/gvardiya>.

Внесенная в Конституцию РФ ст. 75.1 провозглашает создание условий для «устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность».

На основании изложенного можно сделать вывод, что с принятием поправок в 2020 г. концептуально и нормативно оформилась новая национальная идея Российского государства, которая обозначила следующие основные идеологические постулаты: а) гражданская идентификация граждан с самобытной российской цивилизацией и культурой; б) патриотизм и гордость граждан за историческое прошлое России; в) уважение человеческого достоинства и создание государством социальных гарантий для жизни и деятельности граждан; г) обеспечение суверенитета Российской Федерации. Сильное государство, основанное на названных выше принципах, видится как идеальный образ российского общества и формирует идейное единство граждан [7, с. 70–73].

Несмотря на это, российская экономика, политика, а также судьбы российской элиты оставались тесно связанными с Европой и Северной Америкой, сформировалось внутреннее противоречие между интересами конкретных лиц (граждан и компаний), целых отраслей экономики и интересами суверенного государства. Очевидно, что предприниматель, который получает прибыль, торгующий с Западом либо имеющий там имущество, не будет готов стать на патриотическую позицию, так как многим рискует. Да и сложившиеся за десятилетия хозяйственные и культурные связи с Западным миром обрывать слишком рискованно, это создает много неопределенностей, поэтому смена парадигмы развития не могла произойти одновременно и безболезненно.

Ключевым моментом, запустившим процесс укрепления суверенитета и самоидентичности русской цивилизации, следует считать начало специальной военной операции в феврале 2022 г. Правовая сторона события является предметом международного права, и напрямую оно уже не связано с происходящими внутривластными процессами.

Прежде всего реакция западных стран и контролируемых ими международных институтов показала истинное отношение к нашей стране и народу, стремление унижить, нанести максимальный ущерб и фактически уничтожить Россию. Либерально настроенная элита и фактически зависимые от Запада лица уехали из страны либо устранились из общественной жизни, тем самым снизив значение приверженности европоцентризму в общественном сознании.

Мы видим происходящую переоценку ценностей, смену парадигмы развития и освобождение от либерального догматизма. В этой связи, Указ

Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» уже воспринимается не так остро со стороны общественности и не считается посягательством на былую «святость» либеральных идей.

Санкционное давление на Россию и ограничение ее международной субъектности провоцирует нашу страну разорвать обязательства, ограничивающие суверенитет. Этим вызваны выход из состава Совета Европы и Европейского суда по правам человека, Парламентской ассамблеи Совета Европы, приостановка договоров о сокращении стратегических наступательных вооружений, выход из «болонской» системы образования и т. п.

В целом можно говорить об оздоровлении нашего гражданского общества, которое взяло на себя ответственность за судьбу страны и отказалось от навязанных ценностей и идеалов, показав искусственность западных ценностей, на основе которых все эти годы гражданское общество взращивалось.

Пока еще рано оценивать итоги наметившегося перелома в идеологической сфере России, но появился исторический шанс приобрести реальную самостоятельность и национальную идею, не требующую нормативного закрепления и навязывания.

Еще не окончен процесс формирования новых идеологических доминант современной России, но можно выделить несколько направлений их эволюции и трансформации.

1. Переход от концепции единства с Европой к идее уникальности русской цивилизации. Эта идея была уже выражена в статье 67.1 Конституции РФ, введенной в 2020 г., где часть 2 как раз и раскрывает цивилизационную сущность нашей страны: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство». На текущий момент эта тенденция продолжает нарастать с новой силой и получает общественное одобрение.

2. Развитие идеи традиционных ценностей [8, с. 72–76], которая охватывает многие стороны общественной жизни: культ семьи, защита детей, духовно-нравственное воспитание, патриотизм и т. п. Фактически государство, оставаясь светским, частично берет на себя функции духовно-нравственного воспитания, что несвойственно классической модели буржуазного государства с его безусловными свободами.

3. Продуцирование идеи «Многополярного мира». В многочисленных выступлениях высшего руководства страны критикуется гегемония англосаксонской системы и подчеркивается создание многополярного мира. Фактически это означает углубление политических и экономических связей со странами Востока и Азии, что в

конечном итоге должно привести к дефрагментации мировой системы. Нужно сказать, что такая дефрагментация – закономерный и неизбежный процесс, а не утопия. Степень развития государственности и экономики т. н. развивающихся стран позволяет выстроить вполне эффективную самодостаточную систему и позволит вовлечь в нее беднейшие страны и континенты, повысить их уровень благосостояния.

Нужно сказать, что формирование идеологических доминант должно происходить с опорой на реальную ценность, объективность и значимость тех или иных мировоззренческих ориентиров для общества. Это не должны быть искусственно выдуманные или чуждые элементы, они обязаны приниматься большинством населения положительно.

Долгое время у нас воспитывался культ денег, личного успеха и свобод человека. Безусловно, свобода мыслей и деятельности человека благоприятно влияет на государство и общество, но такая деятельность не всегда является созидательной, несущей безусловную пользу. Поэтому задача государства состоит в обеспечении сочетания возможности получения личной выгоды и общественной пользы.

Идеологическая доминанта представляет собой наиболее выраженный на конкретном историческом этапе комплекс взглядов и идей, официально признаваемый государством. В отличие от идеологических установок, идеологическая доминанта менее формализованна и более абстрактна. Она не исчерпывается закреплением в законодательстве и шире по своему объему.

Таким образом, говоря об идеологических доминантах, мы лишь обозначаем абстрактную модель, которая определяет ведущие идеологические предпочтения государства в целом на текущий момент и на перспективу. Смена идеологических доминант – это закономерный и естественный процесс, происходящий в общественном сознании и материализующийся в поведении и официальных актах органов власти и управления.

Указание в статье 80 Конституции РФ, что Президент РФ определяет основные направления внутренней и внешней политики, не означает его монопольного права на формирование идеологических доминант, а скорее право на придание официального значения объективно существующим закономерностям.

Библиографический список

1. Боброва Н. А. Государство без идеологии – это нонсенс // Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 24–33. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42723070>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tyevgi>.
2. Стрельников И. В. Процессы идеологической социализации российской молодежи в постсоветских условиях: на примере Краснодарского края: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Краснодар, 2016. С. 81–82. URL: [https://xn--d1alsn.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site119/document_file/Novaya_ideologicheskaya_socializaciya_\(1\)_\(ispravlennaya\).pdf](https://xn--d1alsn.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site119/document_file/Novaya_ideologicheskaya_socializaciya_(1)_(ispravlennaya).pdf).
3. Гавриленко Д. А. Правовое государство и дисциплина / под ред. д. ю. н. В. И. Шабайлова. Минск, 1991. 150 с.
4. Мухаев Р. Т. Политология: учебник для вузов. Издание второе. Москва: Приор-издат, 2003. 432 с.
5. Бредихин А. Л. Суверенная демократия как государственная идеология // Актуальные проблемы права на современном этапе развития российской государственности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 25–26 марта 2010 года. Ч. II. Уфа: Башкирский государственный университет, 2010. С. 97–102. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=96867>.
6. Бредихин А. Л. Поправки к Конституции Российской Федерации 2020 г. как фактор обеспечения государственного суверенитета России // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2021. № 1. С. 9–12. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46249414>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zdockr>.
7. Бредихин А. Л. Концепция национальной идеи в поправках к Конституции РФ 2020 г. // Экономика. Социология. Право. 2021. № 1. С. 70–73. URL: <http://profit-brgu.ru/wp-content/numbers/2021-N1/2021-N1.pdf>.
8. Ларионов А. Н. Историко-правовое осмысление понятия «традиционные семейные ценности» в условиях современного этапа общественно-экономического развития Российского государства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 2. С. 72–76. DOI: <http://doi.org/10.18522/2313-6138-2022-9-2-8>

References

1. Bobrova N. A. *Gosudarstvo bez ideologii – eto nonsens* [State without ideology – this is nonsense]. *Mir politiki i sotsiologii* [The World of Politics and Sociology], 2019, no. 7, pp. 24–33. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42723070>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tyevgi> [in Russian].
2. Strelnikov I. V. *Protsessy ideologicheskoi sotsializatsii rossiiskoi molodezhi v postsovetskikh usloviakh: na primere Krasnodarskogo kraia: dis. ... kand. sotsiol. nauk: 22.00.04* [Processes of the ideological socialization of Russian youth in post-Soviet conditions: on the example of the Krasnodar territory: Candidate's of Sociological Sciences thesis: 22.00.04. Krasnodar, 2016, pp. 81–82. Available at: [https://xn--d1alsn.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site119/document_file/Novaya_ideologicheskaya_socializaciya_\(1\)_\(ispravlennaya\).pdf](https://xn--d1alsn.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site119/document_file/Novaya_ideologicheskaya_socializaciya_(1)_(ispravlennaya).pdf) [in Russian].

3. Gavrilenko D. A. *Pravovoe gosudarstvo i distsiplina. Pod red. d.iu.n. V. I. Shabaylova* [Legal state and discipline; Shabaylov V.I. (Ed.)]. Minsk, 1991, 150 p. [in Russian].
4. Mukhayev R. T. *Politologiya: uchebnik dlia vuzov. Izdanie vtoroe* [Political science: textbook for universities. 2nd edition]. Moscow: Prior-izdat, 2003, 432 p. [in Russian].
5. Bredikhin A. L. *Suverennaia demokratiia kak gosudarstvennaia ideologiya* [Sovereign democracy as a state ideology]. In: *Aktual'nye problemy prava na sovremennom etape razvitiia rossiiskoi gosudarstvennosti: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ufa, 25–26 marta 2010 goda. Chast' II* [Topical issues of law at the present stage of development of Russian statehood: Proceedings of the All-Russian research and practical conference, Ufa, March 25–26, 2010. Part II]. Ufa: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet, 2010, pp. 97–102. Available at: <https://znanium.com/catalog/document?id=96867> [in Russian].
6. Bredikhin A. L. *Popravki k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii 2020 g. kak faktor obespecheniia gosudarstvennogo suvereniteta Rossii* [Amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 as a factor ensuring the state sovereignty of Russia]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye, obshchestvennye nauki* [Ivanovo State University Bulletin. Series: Natural, Social Sciences], 2021, no. 1, pp. 9–12. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46249414>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zdocrk> [in Russian].
7. Bredikhin A. L. *Kontsepsiia natsional'noi idei v popravkakh k Konstitutsii RF 2020 g.* [The concept of the national idea in amendments to the Constitution of the RF 2020]. *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo* [Economics. Sociology. Law], 2021, no. 1, pp. 70–73. Available at: <http://profit-brgu.ru/wp-content/numbers/2021-N1/2021-N1.pdf> [in Russian].
8. Larionov A. N. *Istoriko-pravovoe osmyslenie poniatii «traditsionnye semeinye tsennosti» v usloviakh sovremennogo etapa obshchestvenno-ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskogo gosudarstva* [Historical and Legal Understanding of the Concept of «Traditional Family Values» under the Conditions of the Current Stage of Socio-Economic Development of the Russian State]. *Vestnik iuridicheskogo fakul'teta Iuzhnogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of the Law Faculty, SFEDU], 2022, vol. 9, no. 2, pp. 72–76. DOI: <http://doi.org/10.18522/2313-6138-2022-9-2-8> [in Russian].

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-2-18-25

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.5

Дата поступления: 15.01.2023
рецензирования: 17.03.2023
принятия: 30.05.2023

Роль и значение дисциплинарной ответственности в уголовно- процессуальной деятельности сотрудников органов внутренних дел

Д. А. Исмаилов

Тольяттинский государственный университет,
г. Тольятти, Российская Федерация
E-mail: ismaskoldism@yandex.ru

О. Е. Репетева

Тольяттинский государственный университет,
г. Тольятти, Российская Федерация
E-mail: reol16@mail.ru

Аннотация: В настоящее время дисциплинарная ответственность играет важную роль в деятельности сотрудников органов внутренних дел. Сущность дисциплинарной ответственности заключается в применении работодателем (руководителем) к работнику (сотруднику) мер взыскания в связи с совершением им дисциплинарного проступка. При употреблении термина дисциплинарной ответственности складывается представление о его более широком применении в трудовых отношениях гражданской службы, нежели чем в правоохранительной. Однако это не совсем так. В связи с чем авторами предлагается рассмотрение указанного вида ответственности в области правоохранительной службы, а именно на примере структурного подразделения участковых уполномоченных полиции при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Также авторами предложены законодательные изменения, предусмотренные в специальном нормативном правовом акте, регламентирующем служебную деятельность в органах внутренних дел, отдельную правовую норму с перечнем смягчающих и отягчающих обстоятельств.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность; служебная дисциплина; участковый уполномоченный полиции; уголовно-процессуальная деятельность; дисциплинарное взыскание.

Цитирование. Исмаилов Д. А., Репетева О. Е. Роль и значение дисциплинарной ответственности в уголовно-процессуальной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 2. С. 18–25. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-18-25>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Исмаилов Д. А., Репетева О. Е., 2023

Дмитрий Альбертович Исмаилов – студент Института права, Тольяттинский государственный университет, 445010, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Олеся Евгеньевна Репетева – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право», Институт права, Тольяттинский государственный университет, 445010, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.01.2023
Revised: 17.03.2023
Accepted: 30.05.2023

Role and importance of disciplinary responsibility in the criminal procedural activities of employees of internal affairs bodies

D. A. Ismailov

Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation
E-mail: ismaskoldism@yandex.ru

O. E. Repeteva

Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation
E-mail: reol16@mail.ru

Abstract: Currently, disciplinary responsibility plays an important role in the activities of employees of internal affairs bodies. The essence of disciplinary responsibility consists in the application by the employer (manager) to the employee (employee) of penalties in connection with the commission of a disciplinary offense by him. When using the term disciplinary responsibility, one gets an idea of its wider application in the labor relations of the civil service, rather than in law enforcement. However, this is not quite true. In this connection, the authors propose to consider this type of responsibility in the field of law enforcement service, namely, by the example of a structural subdivision of district police commissioners in the implementation of criminal procedural activities. The authors also proposed legislative changes, providing for a list of mitigating and aggravating circumstances in a special regulatory legal act regulating official activity in the internal affairs bodies, adding a separate legal norm.

Key words: disciplinary responsibility; service discipline; district police commissioner; criminal procedural activity; disciplinary punishment.

Citation. Ismailov D. A., Repeteva O. E. *Rol' i znachenie distsiplinarnoi otvetstvennosti v ugovolno-protsessual'noi deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del* [Role and importance of disciplinary responsibility in the criminal procedural activities of employees of internal affairs bodies]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 2, pp. 18–25. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-18-25> [in Russian].

Information on the conflict of interest: authors declare no conflict of interest.

© Ismailov D. A., Repeteva O. E., 2023

Dmitry A. Ismailov – student of the Institute of Law, Togliatti State University, 57, Ushakova Street, Togliatti, 445010, Russian Federation.

Olesya E. Repeteva – Candidate of Laws, associate professor of the Department of Business and Labor Law, Institute of Law, Togliatti State University, 57, Ushakova Street, Togliatti, 445010, Russian Federation.

Дисциплинарная ответственность является одним из самостоятельных видов юридической ответственности, занимающей важное место в общей теории права. Однако до настоящего времени многие исследователи продолжают изучать ее актуальность и значимость в разных сферах жизнедеятельности.

В условиях перехода к инновационным технологиям и глобализации российское законодательство постепенно трансформируется путем внесения изменений в нормы права, поскольку законодатель определяет ответственность как меру защиты прав и законных интересов граждан, общества и государства. Современное трудовое законодательство существенно изменилось в плане регламентации дисциплинарной ответственности по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Так, в период 1900–1920-х гг. правоприменителем в лице руководства Ставропольского отделения уездной милиции в отношении сотрудников применялись меры дисциплинарной ответственности, а именно: арест на определенное количество суток с исполнением служебных обязанностей и без исполнения, лишение оружия, лишение воинского звания, отстранение или увольнение со службы. Довольно часто должностные лица подвергались наказанию за неисполнение приказа руководства, манкирование службой, халатное отношение с оружием, некорректное отношение с начальником отделения уездной милиции, неявка на совещание и несвоевременную явку на строевое занятие, самовольный выход на службу, неподчинение и возращение, неотдачу рапорта, самовольное оставление без часового постов, упущение арестованного [1]. Наиболее распространенными видами дисциплинарной ответственности в период развития советской милиции являлся арест и увольнение со службы. Арест с исполнением служебных обязанностей предполагал продолжение исполнения сотрудником своих полномочий на рабочем месте. Однако в связи с появлением кадрового голода

в 1900-1920-е гг. в системе органов внутренних дел руководство было вынуждено принять решение о неприменимости строгих мер наказаний. Нельзя не отметить, что местные и надзорные органы власти в лице прокуратуры рекомендовали привлекать сотрудников милиции, совершивших преступление «не злостно, а по недомыслию», к ответственности, при этом назначать замечание, выговор, административный штраф, увольнение с работы как меры наказания [2, с. 38]. Стоит отметить, что применяемый вид ареста в период развития советского законодательства в настоящее время напоминает обязательные работы. Тем самым можно сделать вывод, что соотношение мер взыскания в советском и современном законодательстве претерпело изменения.

Реализация возложенных задач на сотрудников конкретного структурного подразделения, предусмотренных нормативными правовыми актами, возможна с соблюдением служебной дисциплины, а следовательно, необходимо применение мер дисциплинарного взыскания.

На доктринальном уровне отмечается, что термин «дисциплинарная ответственность в сфере правоохранительной службы» достаточно сложный и многоаспектный, так как необходимо изучить юридическую литературу, провести более детальный разбор нынешнего законодательства в исследуемой области, а также привести практический опыт применения дисциплинарной ответственности в отношении сотрудников органов внутренних дел [3, с. 216].

В юридической науке дисциплинарная ответственность включает две следующие категории: «дисциплина» и «ответственность», имеющие собственное значение и толкование. По мнению Р. Л. Хачатурова и Д. А. Липинского, ответственность характеризуется рядом следующих признаков: применение мер государственного принуждения, негативные последствия для лица, совершившего деяние, юридическая обязанность [4, с. 37].

Ю. П. Степнова рассуждает, что юридическая ответственность представляет собой «целостное правовое явление, включающее единство позитивного и негативного аспектов, различающиеся формой реализации» [5, с. 179]. Таким образом, юридическая ответственность – это применение мер государственного принуждения к виновному лицу за совершение правонарушения, то есть это обязанность лица отвечать за свои поступки и действия.

По утверждению В. М. Манохина, под дисциплиной в праве необходимо понимать выполнение должностными лицами организации, служащими установленных государством и учреждением, ведомством, организацией правил и конкретных предписаний, инструкций, за нарушение которых может быть применена соответствующая санкция [6, с. 11]. Аналогичного мнения придерживается В. С. Бялт, поясняя, что дисциплина – это соблюдение работниками организации установленных правил порядка трудового распорядка и процесса [7, с. 7]. С точки зрения социального подхода в правовой сфере Е. Н. Максакова указывает, что дисциплина – это «средство организации социальных связей в целях обеспечения совместного внутренне согласованного поведения участников общественных отношений» [8, с. 79]. А. А. Гогин предлагает трактовать ее как инструмент трудовых правоотношений, включающий в себя как общие, так и специальные правила поведения [9, с. 12]. По мнению Н. А. Сафоновой, дисциплина труда – это неотъемлемый элемент трудовых отношений, субъектами которых являются работодатель и работник, имеющие взаимный характер прав и обязанностей по соблюдению внутреннего распорядка организации [10, с. 129]. Рассуждая о деятельности органов внутренних дел, нельзя не отметить закрепление термина служебной дисциплины на ведомственном уровне в пункте 3 Дисциплинарного устава МВД России, согласно которому дисциплина труда заключается в «соблюдении сотрудником установленных законодательством Российской Федерации, Присягой сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, настоящим Уставом, контрактом, а также приказами и распоряжениями министра внутренних дел Российской Федерации, приказами и распоряжениями прямых и непосредственных руководителей (начальников) порядка и правил выполнения служебных обязанностей и реализации предоставленных сотруднику прав» [11]. Таким образом, все отмеченные понятия, а именно: юридическая ответственность, дисциплина и дисциплина труда, образуют один единый термин – дисциплинарная ответственность, являющаяся «средством обеспечения права работодателя требовать от работников надлежащего исполнения трудовых обязанностей» [12, с. 10]. Исследователи в области трудового права предлагают использование понятия дисциплинарной ответственности как определенной категории, которая в свою очередь объединяет два аспекта: субъективный и объективный. По мнению П. С. Бутова, дисциплинар-

ную ответственность в трудовом праве РФ необходимо понимать как «категорию, объединяющую в своем содержании как объективный, так и субъективный аспекты в ее понимании, а именно: дисциплинарная ответственность – это применение к виновному работнику в порядке и на условиях, предусмотренных трудовым законодательством, дисциплинарных взысканий в виде лишения личного или организационного характера» [13, с. 6].

В юридической науке выделяются общая и специальная дисциплинарная ответственность, о которых также надлежит отметить, что их правовое регулирование осуществляется нормативными правовыми актами, различающимися по субъектному составу, по мерам дисциплинарного взыскания и по способу обжалования. Общая дисциплинарная ответственность устанавливается правилами и требованиями внутреннего распорядка, которые должны соблюдать все сотрудники учреждения, предприятия или организации, кроме тех, для кого предусмотрена специальная ответственность. Специальная же дисциплинарная ответственность закрепляется непосредственно в отдельных нормативных правовых актах (уставы, приказы, распоряжения), при этом они обязательны для исполнения определенным кругом лиц или в отношении конкретного должностного лица. Как правило, к данной категории относятся военнослужащие и военнообязанные, сотрудники органов государственной власти и правоохранительных органов, которыми являются сотрудники органов внутренних дел, осуществляющие защиту прав и свобод человека и гражданина, раскрытие и расследование преступлений и правонарушений. Таким образом, в соотношении общих и специальных норм выражается единство и дифференциация трудового права. Единство проявляется в общих нормах, а дифференциация – в специальных. Общие нормы обязательны для всех собственников или уполномоченных ими органов, могут быть изменены только в сторону улучшения положения работников по сравнению с действующим законодательством. Специальные нормы конкретизируют общие, дополняют их, а в некоторых случаях отменяют изъятия из общих норм. Дифференциация проявляется в установлении особенностей приема и увольнения отдельных категорий работников; регулировании рабочего времени и времени отдыха; льгот и преимуществ в оплате труда; дополнительных оснований прекращения трудового договора; усилении дисциплинарной и материальной ответственности и ряде других особенностей. Дифференциация – это путь либо ко льготам, либо к ограничениям, поэтому обозначить ее объективные критерии очень важно. В трудовом законодательстве закреплен перечень мер, применяемых к работнику за неисполнение своих должностных полномочий, предусмотренных нормативными правовыми актами: замечание, выговор, увольнение по соответствующим основаниям. Однако список дисциплинарных взысканий, установленных в пункте 33 Дисциплинарного

устава МВД России, является более широким по сравнению с Трудовым кодексом РФ. Так, на сотрудников органов внутренних дел могут налагаться такие меры, как замечание (устное замечание), выговор (строгий выговор), предупреждение о неполном служебном соответствии, перевод на нижестоящую должность в органах внутренних дел, увольнение со службы в органах внутренних дел [14, с. 17].

Отметим, что участковый уполномоченный полиции как субъект уголовного судопроизводства является должностным лицом органов внутренних дел, выполняющим определенные полномочия по защите граждан от подготавливаемых и совершаемых противоправных посягательств, а также по охране общественной опасности на закрепленном за ним участке. Деятельность участковых уполномоченных полиции по проверке сообщений или заявлений граждан занимает особое место в правовой науке, поскольку устанавливается событие преступления, состав преступления, в том числе доказывается вина и первоначально квалифицируется состав противоправного деяния. После чего сотрудник рассматриваемого структурного подразделения принимает решение о передаче материала проверки в следственное подразделение или в отдел дознания для принятия решения о возбуждении уголовного дела. В соответствии с действующей нормой ст. 40 УПК РФ законодатель относит участкового уполномоченного полиции к органу дознания, который уполномочен принимать соответствующие решения по сообщению или заявлению гражданина: выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, передавать по подследственности или подведомственности для проведения проверки и принятия дальней-

шего процессуального решения. Однако анализ правовых норм уголовно-процессуального законодательства, в том числе и ведомственных нормативных правовых актов, показал, что участковый уполномоченный полиции как субъект уголовного судопроизводства, принимая решения в порядке ст. ст. 144, 145 УПК РФ, должен руководствоваться указаниями начальника органа дознания. Зачастую, как показывает практика, мер, способствовавших раскрытию преступлений, недостаточно, поскольку с каждым годом уровень преступности и профессионализма правонарушителей повышается, когда профессиональный подход сотрудников органов внутренних дел в лучшем случае стал снижаться [15, с. 131] за счет применения мер дисциплинарных взысканий в отношении должностных лиц.

На основании представленных статистических данных применения дисциплинарных взысканий можно отметить, что принятые дисциплинарные меры в отношении должностных лиц повышают эффективность и работоспособность в их уголовно-процессуальной деятельности, тем самым качество сбора материала проверки по доказыванию вины и расследованию преступлений повышается. Следует отметить, что в 2019 году руководителем структурного подразделения участковых уполномоченных полиции было принято решение о привлечении к дисциплинарной ответственности 92,1 % личного состава, когда качество по раскрытию и расследованию преступлений было увеличено. Однако в 2020 году было привлечено менее половины личного состава к дисциплинарной ответственности, при этом показатель уголовного судопроизводства остался прежним по сравнению с прошлым годом, поскольку часть сотрудников подразделения получила выговор (см. рис.).

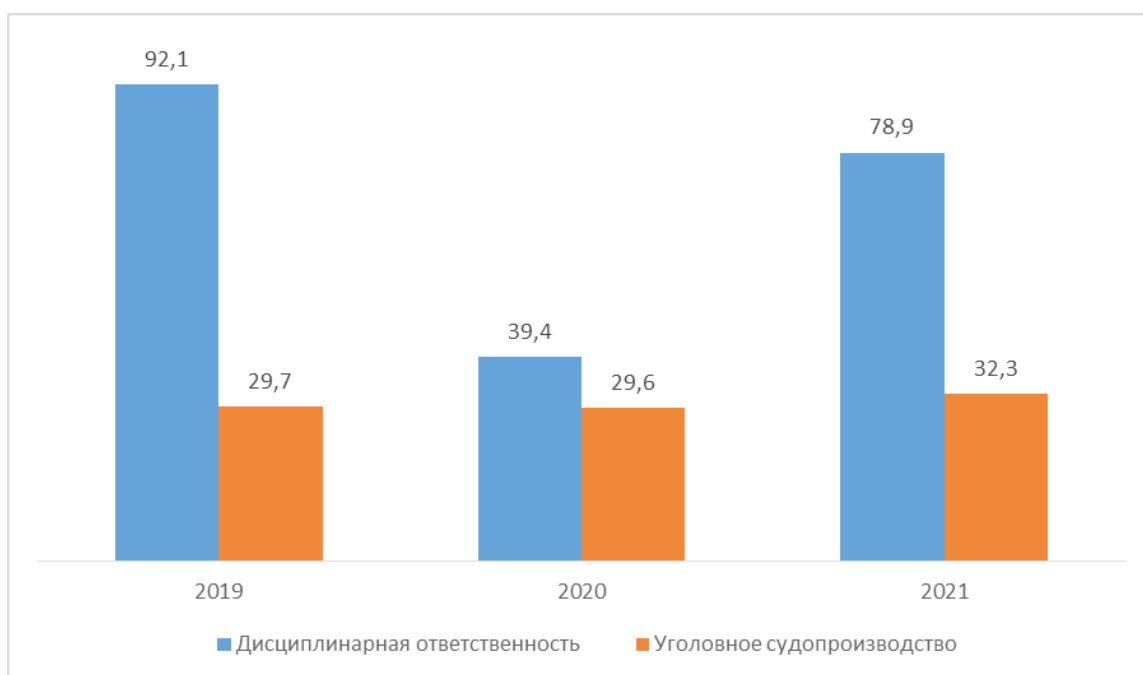

Рисунок – Статистика привлечения к дисциплинарной ответственности и ее влияние на уголовное судопроизводство

Figure – Statistics of bringing to disciplinary responsibility and its impact on criminal proceedings

Нельзя не отметить и меры поощрений, являющиеся позитивной санкцией дисциплинарной ответственности и назначаемые исключительно за добросовестное исполнение служебных обязанностей сотрудниками полиции в своей деятельности. Так, в ФЗ «О службе в органах внутренних дел» закреплено 13 мер поощрения, среди которых довольно часто применяются: объявление благодарности, выплата денежной премии, награждение ведомственными наградами, досрочное снятие ранее наложенного дисциплинарного взыскания на сотрудника. Следовательно, позитивная дисциплинарная ответственность достаточно влияет на деятельность сотрудников органов внутренних дел, поскольку за тяжелый труд сотрудник вправе получать стимулирование и компенсацию за ненормированный рабочий график.

Служба в правоохранительных органах, в частности, органах внутренних дел достаточно непростая, и, как показывает судебная практика, трудовых споров по увольнению сотрудников полиции возникает довольно немало. Прежде чем принять решение об увольнении должностного лица, в отношении него проводится служебная проверка, по итогам которой принимается решение о применении самой строгой меры дисциплинарной ответственности. Увольнение может быть произведено как по общим основаниям, так и по специальным. В последнее время достаточно часто стали увольнять за совершение проступка, порочащего честь и достоинство сотрудника полиции [16; 17]. Большинство уволенных сотрудников полиции обращаются в судебные органы для восстановления их на рабочих местах. В настоящее время Кодекс профессиональной этики и служебного поведения сотрудника органов внутренних дел не устанавливает понятие чести и достоинства. Однако в ранее действовавшем Кодексе профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел устанавливалось, что честь сотрудника полиции выражается в авторитете, заслуженной репутации, верности долгу, а также нравственным обязательствам. Как отмечает С. Слесарев, к проступкам, порочащим честь сотрудника органов внутренних дел, следует относить: фальсификацию данных при административном и уголовном производствах, сокрытие преступника или правонарушителя, использование служебного положения в корыстных целях, нарушение общественного порядка (драки, нецензурные ролики в сети Интернет) и т. д. [18, с. 37–42]. Из-за отсутствия единообразия в терминологическом понимании выявляются законодательные коллизии, соответственно, работодатели трактуют эти нормы своеобразно, тем самым допускают ошибки.

По мнению самих сотрудников подразделения участковых уполномоченных полиции, дисциплинарная ответственность достаточно значима в системе МВД России, поскольку виновные работники за нарушение служебной дисциплины несут определенные негативные последствия своего

поведения. Так, например, на службе в органах внутренних дел встречаются сотрудники-карьеристы, для которых внесение в личное дело записи о применении в отношении них дисциплинарной ответственности может существенно сказаться на их карьерном росте, а именно не исключается приостановление присвоения очередного специального звания, понижение в должности. Кроме того, при получении сотрудником выговора он лишается ежеквартальной и годовой премий на срок до момента снятия и погашения дисциплинарного проступка. Как отмечают представители правоохранительных органов, дисциплинарная ответственность является инструментом воспитания и управления личным составом и необходима в современных условиях развития общества [19].

Таким образом, подведем итоги проведенного исследования. Под дисциплинарной ответственностью в правоохранительных органах следует понимать в первую очередь государственное принуждение руководящим составом за совершение дисциплинарного проступка, предусмотренного разными уровнями нормативных правовых актов (федеральных, ведомственных и локальных), путем применения санкции в виде меры взыскания. Дисциплинарная ответственность как разновидность юридической ответственности значима в современном обществе и государстве, поскольку посредством применения мер дисциплинарного характера виновный сотрудник привлекается к ответственности и несет негативные последствия. Однако в настоящее время ни в одном из федеральных и ведомственных нормативных правовых актов не закреплены смягчающие и отягчающие обстоятельства, в том числе обстоятельства, исключающие привлечения к ответственности. По мнению Т. А. Малыхиной, это «необходимо для исключения различного, в том числе неправильного, толкования их субъектами, наделенными дисциплинарными полномочиями, и для определения критерия индивидуализации наказания на этапе принятия решения о наложении дисциплинарного взыскания и выборе вида взыскания» [20, с. 111–112].

В связи с отсутствием четкого представления о перечне смягчающих и отягчающих обстоятельств привлечения к дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел предлагаем внести в статью 53 главы 7 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел» перечня смягчающих и отягчающих обстоятельств. Так, к смягчающим обстоятельствам целесообразно отнести: раскаяние сотрудника, совершившего дисциплинарный проступок; добровольное сообщение сотрудником о совершении проступка руководителю структурного подразделения; добровольное возмещение причиненного ущерба или устранение причиненного вреда; совершение проступка в результате принуждения; совершение проступка при нарушении условий правомерности необходимой обо-

роны, крайней необходимости, задержании лица; нахождение лица в очередном отпуске. К отягчающим обстоятельствам следует отнести: продолжение совершения противоправного деяния, несмотря на требование руководителя прекратить его; повторное совершение аналогичного про-

ступка, совершенного ранее; совершение дисциплинарного проступка группой лиц. Тем самым включение данных обстоятельств в нормативный правовой акт позволит дифференцированно назначать меры дисциплинарной ответственности, повышая эффективность применения.

Библиографический список

1. Архивный отдел администрации г. о. Тольятти Самарской области. Ф. Р-137. Оп. 1. Л. 5–58.
2. Мигушенко О. Н. Укрепление служебной дисциплины сотрудников милиции в 20-е – 30-е годы XX века // Российский следователь. 2011. № 8. С. 37–39. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=nuzjar&ysclid=litvjoopcl123229278>. EDN: <https://elibrary.ru/nuzjar>.
3. Корниенко А. Н. Понятие дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э. А. Дидоренко. 2016. № 1 (1). С. 214–223. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28789159>. EDN: <https://elibrary.ru/yfzvdl>.
4. Хачатуров Р. Л., Липинский Д. А. Общая теория юридической ответственности: монография. Санкт-Петербург: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 950 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17912796>. EDN: <https://elibrary.ru/pbzqex>.
5. Степнова Ю. П. К вопросу о понятии юридической ответственности // Теория государства и права. 2019. № 4 (16). С. 173–183. DOI: <http://doi.org/10.25839/MATGIP.2019.16.4.021>. EDN: <https://elibrary.ru/oxfkr>.
6. Манохин В. М. Государственная дисциплина в народном хозяйстве. Москва: Юрид. лит., 1970. 206 с.
7. Бялт В. С. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011. 26 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004960762.pdf?ysclid=litwswgtby793229346.
8. Максакова Е. Н. Дисциплина в правовой сфере // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 79–83. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21072273>. EDN: <https://elibrary.ru/rtdgaj>.
9. Гогин А. А. Характеристика дисциплинарного проступка // Трудовое право. 2005. № 9. С. 12–17.
10. Сафонова Н. А. Понятие дисциплины труда // Правовые проблемы укрепления Российской государственности: сборник статей. Томск: Издательство Томского университета, 2013. Т. 56. С. 129–130. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22422199>. EDN: <https://elibrary.ru/swrhir>.
11. Указ Президента РФ от 14 октября 2012 г. № 1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» (ред. от 22.12.2021). Доступ из системы «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70142006/?ysclid=lddee6sytw700075574> (дата обращения: 29.09.2022).
12. Жукова Ю. А. Дисциплинарная ответственность работников как правовое средство обеспечения исполнения трудовых обязанностей: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. Пермь, 2005. 182 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/distsiplinamaya-otvetstvennost-rabotnikov-kak-pravovoe-sredstvo-obespecheniya-ispolneniya-t?ysclid=lity01hk2p62729436>.
13. Бутов П. С. Совершенствование материальных и процедурно-процессуальных норм о применении дисциплинарной ответственности работников по трудовому праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. Томск, 2006. 271 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/sovershenstvovanie-materialnykh-i-protsedurno-protsessualnykh-norm-o-primeneni-distsiplinar?ysclid=lity52i0rw221997509>.
14. Гончаров И. В. Юридическая ответственность сотрудников органов внутренних дел в Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1 (33). С. 14–19. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23864002>. EDN: <https://elibrary.ru/ucfpuh>.
15. Ищенко Е. П. О насущных проблемах раскрытия и расследования преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 3 (82). С. 129–138. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30102072>. EDN: <https://elibrary.ru/zisuxz>.
16. Решение Октябрьского районного суда г. Самары от 18.09.2020 по иску о признании незаконными заключения служебной проверки, признании незаконным приказа об увольнении, восстановление на службе, взыскании денежного довольствия за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда // Главное управление МВД России по Самарской области. URL: <https://63.mvd.pf/document/23225213> (дата обращения: 05.09.2022).
17. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда от 11.09.2018 по гр. делу № 33-10070/2018 об оспаривании заключения по результатам служебной проверки от 16 апреля 2018 года, пункта 27 приказа № л/с от 19 апреля 2018 года о расторжении (прекращении) контракта и увольнении со службы, о восстановлении на службе, взыскании денежного довольствия за время вынужденного прогула // Главное управление МВД России по Самарской области. URL: <https://63.mvd.pf/document/14884197> (дата обращения: 04.09.2022).
18. Слесарев С. Споры по увольнению силовиков // Трудовое право. 2020. № 4. С. 37–44. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PBI&n=265423&ysclid=ldepccr8m165095689>.
19. Материалы интервью с заместителем начальника ОУУП и ПДН ОП № 24 Управления МВД России по г. Тольятти подполковником полиции в 2017–2022 гг. Р. Х. Шарифудиновым. Личный архив автора.

20. Мальхина Т. А. Дисциплинарное производство в органах внутренних дел Российской Федерации: монография. Москва, 2017. 236 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28105682>. EDN: <https://elibrary.ru/xraynr>.

References

1. *Arkhivnyi otdel administratsii g. o. Tol'yatti Samarskoi oblasti* [Archival Department of the Administration of the urban district of Togliatti, Samara region] F. R-137. Op. 1. L. 5–58 [in Russian].
2. Migushhenko O. N. *Ukreplenie sluzhebnoi distsipliny sotrudnikov militsii v 20-e – 30-e gody XX veka* [Strengthening of service discipline of police officers in the 20-ies – 30-ies of the XX century]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2011, no. 8, pp. 37–39. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=nuzjar&ysclid=litvjoopcl123229278>. EDN: <https://elibrary.ru/nuzjar> [in Russian].
3. Kornienko A. N. *Ponyatie distsiplinarnoi otvetstvennosti sotrudnikov organov vnutrennikh del* [The concept of disciplinary liability police officers]. *Vestnik Luganskoi akademii vnutrennikh del imeni E. A. Didorenko* [The Journal Lugansk Academy of Internal Affairs named by E. A. Didorenko], 2016, no. 1 (1), pp. 214–223. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28789159>. EDN: <https://elibrary.ru/yfzvd1> [in Russian].
4. Khachaturov R. L., Lipinskii D. A. *Obshchaya teoriya yuridicheskoi otvetstvennosti: monografiya* [General theory of legal responsibility: monograph]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo R. Aslanova «Yuridicheskii tsentr Press», 2007, 950 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17912796>. EDN: <https://elibrary.ru/pbzqex> [in Russian].
5. Stepnova Ju. P. *K voprosu o ponyatii yuridicheskoi otvetstvennosti* [To the question of the concept of legal responsibility]. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law], 2019, no. 4 (16), pp. 173–183. DOI: <http://doi.org/10.25839/MATGIP.2019.16.4.021>. EDN: <https://elibrary.ru/oxfkr> [in Russian].
6. Manokhin V. M. *Gosudarstvennaya distsiplina v narodnom khozyaistve* [State discipline in the national economy]. Moscow: Yurid. lit., 1970, 206 p. Text: direct [in Russian].
7. Byalt V. S. *Distsiplinarnaya otvetstvennost' sotrudnikov organov vnutrennikh del: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Disciplinary responsibility of employees of internal affairs bodies: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2011, 26 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004960762.pdf?ysclid=litwswgtby793229346 [in Russian].
8. Maksakova E. N. *Distsiplina v pravovoi sfere* [Discipline in the legal field]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2013, no. 6, pp. 79–83. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21072273>. EDN: <https://elibrary.ru/rtdgaj> [in Russian].
9. Gogin A. A. *Kharakteristika distsiplinarnogo prostupka* [Characteristics of disciplinary misconduct]. *Trudovoe pravo*, 2005, no. 9, pp. 12–17. Text: direct [in Russian].
10. Safonova N. A. *Ponyatie distsipliny truda* [Concept of labor discipline]. In: *Pravovye problemy ukrepleniya Rossiiskoi gosudarstvennosti: sbornik statei* [Legal problems of strengthening Russian statehood: collection of articles]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2013, vol. 56, pp. 129–130. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22422199>. EDN: <https://elibrary.ru/swrhir> [in Russian].
11. *Ukaz Prezidenta RF ot 14 oktyabrya 2012 g. № 1377 «O Distsiplinarnom ustave organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii» (red. ot 22.12.2021)* [Decree of the President of the Russian Federation № 1377 dated October 14, 2012 «On the Disciplinary Statute of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation» (revised 22.12.2021)]. Retrieved from the system «Garant». Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70142006/?ysclid=lddee6sytw700075574> (accessed 29.09.2022) [in Russian].
12. Zhukova Yu. A. *Distsiplinarnaya otvetstvennost' rabotnikov kak pravovoe sredstvo obespecheniya ispolneniya trudovykh obyazannostei: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.05* [Disciplinary responsibility of employees as a legal means of ensuring the performance of labor duties: Candidate's of Legal Sciences thesis: 12.00.05]. Perm, 2005, 182 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/distsiplinarnaya-otvetstvennost-rabotnikov-kak-pravovoe-sredstvo-obespecheniya-ispolneniya-t?ysclid=lity01hk2p62729436> [in Russian].
13. Butov P. S. *Sovershenstvovanie material'nykh i protsedurno-protsessual'nykh norm o primenenii distsiplinarnoi otvetstvennosti rabotnikov po trudovomu pravu Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.05* [Improvement of material and procedural norms on the application of disciplinary liability of employees under labor law of the Russian Federation: Candidate's of Legal Sciences thesis: 12.00.05]. Tomsk, 2006, 271 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/sovershenstvovanie-materialnykh-i-protsedurno-protsessualnykh-norm-o-primenenii-distsiplinar?ysclid=lit52i0rw221997509> [in Russian].
14. Goncharov I. V. *Yuridicheskaya otvetstvennost' sotrudnikov organov vnutrennikh del v Rossiiskoi Federatsii* [Legal liability of employees enforcement bodies in the Russian Federation]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia], 2015, no. 1 (33), pp. 14–19. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23864002>. EDN: <https://elibrary.ru/ucfpuh> [in Russian].
15. Ishchenko E. P. *O nasushchnykh problemakh raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii* [On the present problems of disclosure and investigation of crimes]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii* [Vestnik Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation], 2017, no. 3 (82), pp. 129–138. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30102072>. EDN: <https://elibrary.ru/zisuxz> [in Russian].
16. *Reshenie Oktyabr'skogo raionnogo suda g. Samary ot 18.09.2020 po isku o priznanii nezakonnyimi zaklyucheniya sluzhebnoi proverki, priznanii nezakonnyim prikaza ob uvol'nenii, vosstanovlenie na sluzhbe, vzyaskanii denezhnogo*

dovol'stiya za vremya vynuzhdennogo progula, kompensatsii moral'nogo vreda [Decision of the Oktyabrsky District Court of Samara dated 18.09.2020 on the recognition of the conclusions of the official audit as illegal, the recognition of the dismissal order as illegal, reinstatement in service, the recovery of monetary allowances for the time of forced absenteeism, compensation for moral damage]. Retrieved from the official website of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Samara region. Available at: <https://63.mvd.rf/document/23225213> (accessed 05.09.2022) [in Russian].

17. *Apellyatsionnoe opredelenie Sudebnoi kollegii po grazhdanskim delam Samarskogo oblastnogo suda ot 11.09.2018 po gr. delu № 33-10070/2018 ob osparivanii zaklyucheniya po rezul'tatam sluzhebnoi proverki ot 16 aprelya 2018 goda, punkta 27 prikaza № 1/s ot 19 aprelya 2018 goda o rastorzhении (prekrashchenii) kontrakta i uvol'nenii so sluzhby, o vosstanovlenii na sluzhbe, vyzskanii denezhnogo dovol'stviya za vremya vynuzhdennogo progula* [Appeal ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Samara Regional Court dated 11.09.2018 on civil case № 33-10070/2018 on challenging the conclusion based on the results of the internal audit as of April 16, 2018, paragraph 27 of Order № 1/s as of April 19, 2018 on termination of the contract and dismissal from service, on restoration in service, collecting monetary allowances for the time of forced absenteeism]. Retrieved from the official website of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Samara region. Available at: <https://63.mvd.rf/document/14884197> (accessed 04.09.2022).

18. Slesarev S. *Spory po uvol'neniyu silovikov* [Disputes on the dismissal of security officers]. *Trudovoe pravo*, 2020, no. 4, pp. 37–44. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PBI&n=265423&ysclid=1depccr8m165095689> [in Russian].

19. *Materialy interv'yu s zamestitelem nachal'nika OUUP i PDN OP № 24 Upravleniya MVD Rossii po g. Tol'yatti podpolkovnikom politzii v 2017–2022 gg. R. Kh. Sharafutdinovym* [Materials of an interview with the deputy head of the OUP and PD OP № 24 of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Togliatti, police lieutenant colonel in 2017–2022 R.H. Sharafutdinov]. Retrieved from the personal archive of the author [in Russian].

20. Malykhina T. A. *Distsiplinarnoe proizvodstvo v organakh vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: monografiya* [Disciplinary proceedings in bodies of internal affairs of the Russian Federation]. Moscow, 2017, 236 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28105682>. EDN: <https://elibrary.ru/xraynr> [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.5

Дата поступления: 15.02.2023
рецензирования: 11.04.2023
принятия: 30.05.2023

Конституционно-правовые гарантии общественного контроля

Н. М. Колосова

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: Kolosova-law@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию конституционных предписаний в сфере общественного контроля в контексте выделения системы соответствующих гарантий. Проанализированы научные споры о понятии и классификации конституционно-правовых гарантий прав и свобод человека и гражданина применительно к праву каждого на общественный контроль. Так, автор отмечает, что конституционно правовые гарантии общественного контроля закреплены в нормах, положения которых предназначены для обеспечения эффективного функционирования его субъектов. При этом Конституция Российской Федерации создает основу общественному контролю, конкретизация которой происходит в российском законодательстве. Новизна исследования заключается в предложении автора о выделении трех групп конституционных норм, которые закрепляют гарантии-принципы, гарантии-права и гарантии-институты. Представленная классификация позволила выделить последние из названных выше гарантий общественного контроля в качестве наиболее эффективных. Исследована деятельность Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации в качестве гарантов общественного контроля, проанализированы их соответствующие нормативные правовые акты.

Ключевые слова: общественный контроль; гарантии; гражданское общество; народовластие; Конституция РФ; Президент РФ; Правительство РФ; информация; ответственность.

Цитирование. Колосова Н. М. Конституционно-правовые гарантии общественного контроля // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 2. С. 26–33. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-26-33>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Колосова Н. М., 2023

Нина Михайловна Колосова – доктор юридических наук, главный научный сотрудник отдела конституционного права, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.02.2023
Revised: 11.04.2023
Accepted: 30.05.2023

Constitutional and legal guarantees of public control

N. M. Kolosova

*The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*
E-mail: Kolosova-law@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the study of constitutional foundations of public control in the context of identifying a system of appropriate guarantees. Scientific disputes about the concept and classification of constitutional and legal guarantees of the rights and freedoms of man and citizen in relation to the right of everyone to public control are analyzed. The position has been expressed in accordance with which the constitutional and legal guarantees of public control are enshrined in the rules, the provisions of which are intended to ensure the effective functioning of its subjects. At the same time, the Constitution of the Russian Federation creates the basis for public control, the specification of which takes place in Russian legislation. The novelty of the study lies in the author's proposal to single out three groups of constitutional norms that enshrine guarantees-principles, guarantees-rights and guarantees-institutions. The proposed classification made it possible to single out the last of those named above as the most effective guarantees of public control. The activities of the President of the Russian Federation and the Government of the Russian Federation as guarantors of public control are studied; their respective regulatory legal acts are analyzed.

Key words: public control; guarantees; civil society; democracy; Constitution of the Russian Federation; President of the Russian Federation; Government of the Russian Federation; information; responsibility.

Citation. Kolosova N. M. *Konstitutsionno-pravovye garantii obshchestvennogo kontrolya* [Constitutional and legal guarantees of public control]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 2, pp. 26–33. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-26-33> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Kolosova N. M., 2023

Nina M. Kolosova – Doctor of Laws, scientific employee of the Department of Constitutional Law, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34, B. Cheremushkinskaya Street, Moscow, 117218, Russian Federation.

Несмотря на стремительное развитие общественного контроля в России, научный анализ его деятельности представляется недостаточным. Остаются дискуссионные проблемы. Особенно это применимо к конституционно-правовым гарантиям общественного контроля, что, в свою очередь, определяет актуальность исследования этой темы.

Конституция Российской Федерации создает основу общественного контроля, конкретизация которой происходит в российском законодательстве. Полагаем, что отсутствие в Конституции Российской Федерации права каждого на общественный контроль не исключает его доктринального признания, хотя данная проблема продолжает оставаться дискуссионной [1, с. 24]. Возникает, к примеру, сомнение в самостоятельном содержании названного права, так как трудно обнаружить отличие его, в частности, от права граждан РФ участвовать в управлении государством.

В юридической литературе высказаны разные научные позиции о понимании конституционно-правовых гарантий прав и свобод человека и гражданина.

Разными учеными-правоведами конституционно-правовые гарантии предлагается рассматривать как:

нормы и принципы конституционного права, осуществляющие обеспечительные функции;

свойства или способы, обеспечивающие возможности использования гражданами принадлежащих им прав;

совокупность юридических и неюридических условий и средств, обеспечивающих реализацию и защиту конституционных прав человека и гражданина;

фактические условия, обеспечивающие реальное осуществление прав и исполнение обязанностей;

правовые средства, обеспечивающие реализацию того или иного права человека и гражданина [2, с. 68–74].

Как представляется, наиболее обоснованно рассматривать конституционно-правовые гарантии в качестве средств, закрепленных конституционно-правовыми нормами, реализация которых обеспечивает реальность прав и свобод человека и гражданина.

В юридической литературе представлены разные подходы к классификации конституционно-правовых гарантий. Некоторые правоведы считают, что конституционно-правовые гарантии защиты, охраны, обеспечения и реализации прав и свобод человека и гражданина не тождественны гарантиям самих прав и свобод. При таком подходе под первой группой названных гарантий понимают закрепленные конституционно-правовыми нормами средства, реализация которых способна

нивелировать факторы, препятствующие функционированию государства в рамках обозначенных направлений его деятельности [3].

Раскрывая тему прав и свобод человека и гражданина, М. В. Баглай отграничивал гарантии правосудия и общие. Выделение способов обеспечения прав и свобод человека и гражданина, не имеющих отношение к правосудию, представляется обоснованным. Так, в соответствии с частью 1 статьи 45 Конституции Российской Федерации гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина, закрепляется обязанность государства по обеспечению защиты прав и свобод. Необходимо отметить, что помимо перечисленных конституционных государственных обязанностей человек имеет возможность самостоятельно защищать свои права и свободы любыми способами, не запрещенными законом: обжаловать действия должностных лиц в судебном и административном порядке, обращаться в общественные объединения, правозащитные организации, средства массовой информации.

Выделение гарантий правосудия можно подержать, но только в контексте реализации права каждого на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина. Полагаем, что представленная М. В. Баглаем классификация практически определяет судебные и внесудебные способы защиты прав человека, в том числе и право каждого на общественный контроль, что не позволяет содержать ее использовать.

Предлагаемое правоведом рассмотрение гарантий в узком и широком смысле основано на признании их источником или Конституции РФ, или всех актов конституционного законодательства. Считаю наиболее обоснованной позицию, в соответствии с которой конституционно-правовые гарантии предусмотрены Конституцией Российской Федерации, и только это превращает их в конституционно-правовые [4].

Представляется, что конституционно-правовые гарантии общественного контроля закреплены в нормах, положения которых предназначены для обеспечения эффективного функционирования его субъектов. Названное авторское понятие позволяет выделить конституционные нормы, способные в той или иной форме обеспечить общественный контроль.

Вопрос о природе рассматриваемого явления продолжает оставаться спорным. С одной стороны, можно признать элемент властных отношений при осуществлении общественного контроля, так как он призван обеспечить реализацию конституционных принципов народовластия и участия граждан в управлении государственными делами. С другой стороны, решениям субъектов общественного контроля присущ рекомендательный

характер. Конституционно-правовые гарантии общественного контроля до настоящего времени не обладают в полной мере признаком императивности, недостаточно разработан механизм реализации юридической ответственности за нарушение гарантий общественного контроля.

В этом контексте следует особо отметить важность института юридической ответственности в качестве необходимого элемента конституционно обусловленного механизма общественного контроля. Однако потенциал ответственности не используется в полной мере, что обусловлено во многом отсутствием в законодательстве конкретных мер юридической ответственности должностных и иных лиц, нарушающих требования законодательства об общественном контроле. Можно привести лишь один пример возможного привлечения к юридической ответственности за нарушение требований общественного контроля. Согласно ст. 19.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривается ответственность за воспрепятствование осуществлению общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания. При этом административная ответственность установлена исключительно в отношении должностных лиц пенитенциарной системы, что показывает некоторую ограниченность правовой защиты субъектов общественного контроля [5].

Следует также отметить, что предусмотренный действующим законодательством круг полномочий субъектов общественного контроля не может быть реализован в полном объеме в связи с отсутствием его конкретизации в иных нормативно-правовых актах. Таким образом снижается эффективность гарантий исследуемого института. Так, предусмотренное пунктом 7 части 1 статьи 10 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2018 г.) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 212-ФЗ) право субъектов общественного контроля обращаться в суд в защиту прав неопределенного круга лиц, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций в случаях, предусмотренных федеральными законами, не конкретизировано Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации или другими законами, которые призваны определить конкретный процессуальный механизм реализации названного права.

Указанные выше факторы создают препятствия для судебного обжалования решений, принятых в сфере общественного контроля, что негативно влияет на его результативность, которую призваны обеспечивать государственные органы в первую очередь. Однако это не только не исключает, но, наоборот, повышает значимость гарантий общественного контроля. Иначе общественный контроль может превратиться в фиктивный.

С учетом положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской

Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее – Закон Российской Федерации о поправке 2020) конституционная основа гарантий общественного контроля включает нормы, провозглашающие поддержание гражданского мира и согласия в стране, взаимное доверие государства и общества, осуществление мер государственной поддержки институтов гражданского общества и другое.

В Конституции Российской Федерации термин «общественный контроль» не используется. Вместе с тем можно определить нормы, предусматривающие гарантии-принципы, гарантии-права и гарантии-институты. Такого рода классификация является в определенной степени условной в силу взаимозависимости всех составляющих. Очевидно, что принципы как основные идеи конкретизируются в правах, реализация которых осуществляется при поддержке государственных институтов. Достоинство предлагаемой классификации заключается в том, что она позволяет определить особенности каждого вида гарантий и выделить наиболее эффективные.

Гарантии-принципы опосредованно влияют на общественный контроль, так как не обеспечивают деятельность конкретного субъекта общественного контроля. Вместе с тем для его функционирования создаются необходимые условия, к которым следует отнести в первую очередь принцип народовластия.

Реализация принципа народовластия должна обеспечивать единство органов государственной власти и эффективное взаимодействие всех ветвей власти, каждая из которых конституционно обязана представлять и защищать интересы народа, которые реализуются в деятельности субъектов общественного контроля. При этом необходимо взаимодействие всех органов государственной власти с институтами гражданского общества, атрибутивным свойством которого признается общественный контроль.

Общественный контроль является одной из форм управления делами государства наряду с выборами, референдумом и другими формами прямой демократии [6, с. 26]. Гарантии-права закреплены в части 1 статьи 32 Конституции Российской Федерации, предусматривающей избирательные права граждан, право граждан РФ участвовать в управлении государством, в части 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующей право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Названные конституционные нормы определяют не только право граждан избирать и быть избранными, но и право требовать от государственных органов информации об их деятельности и направлять свои рекомендации в целях улучшения функционирования конкретного государственного органа. В этом заключается конституционно-правовое содержание общественного контроля.

Указанные гарантии общественного контроля получают дальнейшее развитие в законодательстве. Так, норма статьи 7 Федерального закона № 212-ФЗ гарантирует открытый доступ к информации о деятельности субъектов общественного контроля, если иное не установлено федеральным законодательством. Статья 3 Федерального закона № 212-ФЗ [7], закрепляя право граждан на участие в осуществлении общественного контроля, гарантирует реализацию конституционного права граждан на управление делами государства, предусмотренное статьей 32 Конституции РФ.

Гарантии-институты связаны с деятельностью органов государственной власти. Именно они, несмотря на возможность быть порой одновременно объектом общественного контроля, создают условия для функционирования субъектов общественного контроля. Фундаментальными гарантиями общественного контроля следует признать Президента РФ, Правительство РФ, федеральные органы исполнительной власти и органы государственной власти субъектов РФ¹. Согласно подпунктам 1 и 4 части 9 Федерального закона № 212-ФЗ в круг субъектов общественного контроля также включаются Общественная палата Российской Федерации и общественные советы при федеральных органах исполнительной власти.

В рамках настоящей работы остановимся подробно лишь на деятельности Президента РФ и Правительства РФ. Именно они определяют порядок общественного контроля за деятельностью иных государственных органов. Так, по общему правилу общественные советы при федеральных органах исполнительной власти формируются на конкурсной основе, если иное не предусмотрено нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации. Порядок формирования общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, а также требования к кандидатам в указанные советы устанавливаются соответствующим федеральным органом исполнительной власти по согласованию с Общественной палатой Российской Федерации.

В юридической литературе отмечают особую роль Президента Российской Федерации в рассматриваемой сфере. Президент Российской Федерации, как отмечает С. А. Авакьян, воплощает гарантии внутреннего общественного благополучия в стране, поскольку в установленном Конституцией РФ порядке принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, поддерживает гражданский мир и согласие в стране, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти [8, с. 323].

¹ О деятельности органов государственной власти субъектов РФ и федеральных органов государственной власти в сфере общественного контроля см.: Гриб В. В. Постатейный научно-практический комментарий Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». М., 2015.

В соответствии с ч. 2 ст. 80 Конституции РФ Президент Российской Федерации поддерживает гражданский мир и согласие в стране, что можно распространить на деятельность Президента Российской Федерации в качестве гаранта общественного контроля.

Ю. А. Тихомиров, комментируя рассматриваемую конституционную норму, отмечает закономерность возникновения социальных конфликтов. Их важно не только определять, но и предвидеть для соблюдения оптимального баланса [9].

Системный анализ положений Конституции Российской Федерации и Федерального закона № 212-ФЗ позволяет признать целевую направленность деятельности Президента РФ по обеспечению гражданского мира и согласия и институтов общественного контроля по предупреждению и разрешению социальных конфликтов. В соответствии со ст. 83 Конституции Российской Федерации Президент РФ поддерживает гражданский мир и согласие посредством формирования им Совета безопасности РФ в рамках осуществления полномочий по вопросам защиты национальных интересов и безопасности личности, общества и государства, охраны суверенитета Российской Федерации. Функция по предотвращению социальных конфликтов реализуется субъектами общественного контроля.

При этом как Президент РФ, так и институты гражданского общества, достигая единую цель – поддержание гражданского мира и согласия, используют разные способы ее достижения.

Следует отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации признает наличие конституционных полномочий Президента РФ, прямо не предусмотренных Конституцией РФ. Например, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1999 г. отмечено, что Президент РФ не только вправе, но и обязан издать акт о временном отстранении Генерального прокурора РФ на период расследования возбужденного в отношении него уголовного дела от должности [10].

Итак, полномочия Президента РФ, в том числе и в сфере общественного контроля, могут дополняться как законодательно, так и путем принятия им соответствующих нормативных правовых актов. Важно определить границу, при пересечении которой законность политической дискреции может трансформироваться в конституционную нелегитимность. Представляется оптимальным законодательно закрепить фактические полномочия Президента Российской Федерации как гаранта общественного контроля, минимизировав при этом пределы политического усмотрения в форме указов Президента РФ.

Президент Российской Федерации как гарант общественного контроля участвует в процессе создания его субъектов. Это проявляется в формировании Общественной палаты Российской Федерации, что предусмотрено статьей 8 Федерального закона от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» [11].

Часть 5 статьи 13 Федерального закона № 212-ФЗ предусматривает, что Президент Российской Федерации вправе установить иной порядок формирования общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, отличный от порядка, предусмотренного названным выше федеральным законом.

Включение указанных положений в рассматриваемый федеральный закон обусловлено тем, что на момент его подписания Президентом Российской Федерации уже были изданы соответствующие указы. Например, Указ Президента Российской Федерации от 23 мая 2011 г. № 668, Указ Президента Российской Федерации от 4 августа 2006 г. № 842 и др.

Кроме того, Президент Российской Федерации вправе определять состав и основные функции общественных советов. Так, Указ Президента Российской Федерации от 23.07.2003 № 827 предусматривает создание Общественного совета по инвестированию средств пенсионных накоплений в целях обеспечения общественного контроля за формированием и инвестированием средств пенсионных накоплений, проведения анализа общедоступной информации, в том числе обращений граждан и публикаций в средствах массовой информации, затрагивающих вопросы инвестирования средств пенсионных накоплений.

Президент Российской Федерации также принимает решение по конкретным вопросам. Например, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 08.02.2012 № 150 была создана рабочая группа для подготовки предложений по формированию в Российской Федерации системы «Открытое правительство».

Таким образом, Президент Российской Федерации как гарант общественного контроля определяет стратегические цели и пути их достижения по развитию общественного контроля: участвует в формировании его субъектов; решает оперативные вопросы по развитию общественного контроля.

Рассмотрим роль Правительства Российской Федерации в развитии общественного контроля.

Законом Российской Федерации 2020 создаются условия для осуществления оптимального взаимодействия общества и государств, что означает дальнейшее развитие гарантий общественного контроля в качестве неотъемлемой составляющей институтов гражданского общества. Нормы-институты в качестве гарантий общественного контроля включены в текст Конституции Российской Федерации в соответствии с Законом Российской Федерации о поправке 2020 года, где впервые предусмотрены конституционные обязанности Правительства Российской Федерации по развитию общественного контроля. В соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации Правительство Российской Федерации осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в вы-

работке и проведении государственной политики. Названные выше положения следует признать гарантиями-институтами общественного контроля. Предусматривается конкретная конституционная обязанность Правительства РФ как органа государственной власти.

Норма статьи п. «е» ч. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации конкретизированы в соответствующем законодательстве для установления задач, форм, процедур общественного контроля. Следует отметить, что Федеральным законом № 212-ФЗ закрепляет перечень целей общественного контроля. Вместе с тем закрепление в Конституции Российской Федерации названной выше нормы увеличивает уровень гарантированности общественного контроля.

В настоящее время посредством инструментов общественного контроля возможно публичное обсуждение проектов федеральных законов, проектов актов Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти, проведение независимой антикоррупционной экспертизы, общественный контроль в таких важнейших сферах, как жилищно-коммунальное хозяйство, медицина, образование и пр. Субъекты общественного контроля вправе инициировать и организовывать соответствующие мероприятия, а также посещать органы государственной власти, органы местного самоуправления,

Правительство РФ конкретизирует законодательство, которое предусматривает формы учета мнения институтов гражданского общества при принятии решений органами публичной власти. В частности, к ним относятся: общественные (публичные) слушания, общественные обсуждения и т. д.

Так, с начиная 2013 г. функционирует Единый портал раскрытия информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения (далее – Единый портал). Единый портал создан в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 25 августа 2012 г. № 851, на основании которого федеральные органы исполнительной власти, являющиеся разработчиками проектов нормативных правовых актов, размещают их на официальном сайте regulation.gov.ru. Поступающие по ним предложения в обязательном порядке оцениваются и учитываются субъектами правотворческой инициативы.

Эффективность Единого портала подтверждается следующей статистикой по размещению проектов актов в 2022 году:

по процедуре раскрытия информации о подготовке проектов актов размещен 7001 проект актов, которые были рассмотрены пользователями Единого портала более 11 млн раз;

по процедуре оценки регулирующего воздействия размещено 1516 проектов актов, которые были просмотрены пользователями Единого портала 1,1 млн раз;

по процедуре независимой антикоррупционной экспертизы размещен 1221 проект актов, которые

были просмотрены пользователями Единого портала 1,7 млн раз;

по всем процедурам пользователями Единого портала оставлено 54 027 комментариев.

Для осуществления общественного контроля важен сбор информации и доступ к ней на едином открытом информационном ресурсе.

В связи с этим на указанном ресурсе размещается информация о решениях федеральных органов исполнительной власти, правительственных комиссий (в части инвестиционных программ), а также экспертные мнения субъектов естественных монополий (в части разногласий), Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации, советов потребителей и других органов и объединений.

Согласно пункту 2 Положения о федеральной государственной информационной системе общественного контроля в области охраны окружающей среды и природопользования (утверждено Постановлением Правительства РФ от 8 сентября 2017 г. № 1082) информационная система осуществляет сбор и обработку обращений граждан, общественных объединений и иных некоммерческих организаций, содержащих сведения, указывающие на наличие нарушения законодательства Российской Федерации в области охраны окружающей среды и природопользования. По итогам рассмотрения нарушения осуществляется информирование пользователя с использованием современных технологий.

Как нормативный инструмент государственной поддержки общественного контроля следует рассматривать, в том числе, государственные программы, федеральные и национальные проекты и, соответственно, бюджетные ассигнования, которые направляются на их реализацию.

Планы мероприятий в части взаимодействия с институтами гражданского общества утверждаются Правительством РФ, в том числе в форме распоряжений Правительства РФ, в положениях которых раскрываются концепция такого взаимодействия, а также его формы. Например, в рамках Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р [12], повышение уровня взаимодействия с институтами обще-

ственного контроля предполагается посредством:

расширения сотрудничества со всеми омбудсменами, ведущими свою деятельность на территории России, институтами гражданского общества и общественными объединениями;

расширения участия представителей институтов гражданского общества в работе по оказанию содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания;

налаживания взаимодействия с религиозными организациями в рамках духовно-нравственного просвещения и воспитания как осужденных, так и сотрудников уголовно-исполнительной системы и др.

Правительство Российской Федерации обеспечивает финансовую поддержку субъектов общественного контроля. В качестве примера реализации названного полномочия можно указать Постановление Правительства РФ от 4 декабря 2007 г. № 839 [13].

Таким образом, Правительство РФ содействует деятельности общественного контроля в различных формах. Речь идет о нормативном, финансовом и организационном обеспечении. Правительство Российской Федерации способствует развитию общественного контроля в Российской Федерации в первую очередь посредством осуществления нормотворческой деятельности.

Как уже было отмечено ранее, правовое взаимодействие Правительства РФ и институтов общественного контроля осуществляется при тесном сотрудничестве с федеральными органами исполнительной власти, должностными лицами. Вместе с тем следует признать ведущую роль Правительства Российской Федерации, так как его правовые акты определяют порядок взаимодействия субъектов общественного контроля с федеральными и региональными органами исполнительной власти.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что конституционно обусловленный механизм общественного контроля создает необходимые условия для его функционирования. При этом институционные гарантии общественного контроля наиболее эффективны, что обусловлено достаточной степенью дискреции государства в определении пределов и полномочий субъектов общественного контроля за деятельностью органов государственной власти.

Библиографический список

1. Авакьян С. А. Проблемы прямого действия и применения Конституции Российской Федерации 1993 года // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 18–26. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36574357>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yqhkqh>.
2. Иванов С. В. Понятие и сущность конституционно-правовых гарантий // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 2 (47). С. 68–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-konstitutsionno-pravovyh-garantiy?ysclid=liu4xqkys281595417>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26718524>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wmrslj>.
3. Малахов В. П., Лановая Г. М. Конституционно-правовые гарантии: сущность и роль в обеспечении прав и свобод человека и гражданина // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 2. С. 7–12. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/99613-konstitucionno-pravovye-garantii-sushhnost-obespechenii-prav-svobod?ysclid=liu55kazah533940742>. DOI: <http://doi.org/10.18572/1813-1247-2018-2-7-12>.

4. Никитина Е. А. Конституционно-правовые гарантии права на свободу совести в Российской Федерации: понятие, содержание, сущность // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 1 (42). С. 139–143. URL: [https://сибиюи.мвд.рф/upload/site1528/document_journal/1_Vestnik_1\(42\).pdf](https://сибиюи.мвд.рф/upload/site1528/document_journal/1_Vestnik_1(42).pdf).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1. URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002002001000&page=1&sort=position&limit=50&docid=98&volid=1002002001000>.
6. Гриб В. В. Постатейный научно-практический комментарий Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Москва, 2015. 530 с.
7. Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30. Ст. 4213. URL: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002014030000&page=1&sort=position&limit=50&docid=12&volid=1002014030000>.
8. Авакьян С. А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики: монография. Москва: Юстицинформ, 2022. 484 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48458179>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uwdmcc>.
9. Тихомиров Ю. А. О поправках к Конституции Российской Федерации. Лекция // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: офиц. сайт. URL: https://izak.ru/img_content/lekciya-tihomirova.pdf (дата обращения: 10.09.2022).
10. Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 51. Ст. 6364. URL: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1001999051000&page=2&sort=position&limit=50&docid=5671&volid=1001999051000>.
11. Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 15. Ст. 1277. URL: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002005015000&page=1&sort=position&limit=50&docid=11&volid=1002005015000>.
12. Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 20. Ст. 3397. URL: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002021020000&page=3&sort=position&limit=50&docid=106&volid=1002021020000>.
13. Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 50. Ст. 6301. URL: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002007050000&page=2&sort=position&limit=50&docid=73&volid=1002007050000>.

References

1. Avakyan S. A. *Problemy pryamogo deistviya i primeneniya Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii 1993 goda* [Issues of direct effect and application of the Constitution of the Russian Federation of 1993]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2018, no. 12, pp. 18–26. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36574357>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yqhkqh> [in Russian].
2. Ivanov S. V. *Ponyatie i sushchnost' konstitutsionno-pravovykh garantii* [The concept and essence of constitutional and legal guarantees]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»* [Herald of Omsk University. Series «Law»], 2016, no. 2 (47), pp. 68–74. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-konstitutsionno-pravovykh-garantii?ysclid=liu4xqkys281595417>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26718524>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wmrslj> [in Russian].
3. Malakhov V. P., Lanovaya G. M. *Konstitutsionno-pravovye garantii: sushchnost' i rol' v obespechenii prav i svobod cheloveka i grazhdanina* [Constitutional and legal guarantees: essence and role in securing human and civil rights and freedoms]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-government], 2018, no. 2, pp. 7–12. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/99613-konstitucionno-pravovye-garantii-sushchnost-obespechenii-prav-svobod?ysclid=liu55kazah533940742>. DOI: <http://doi.org/10.18572/1813-1247-2018-2-7-12> [in Russian].
4. Nikitina E. A. *Konstitutsionno-pravovye garantii prava na svobodu sovesti v Rossiiskoi Federatsii: ponyatie, sodержание, sushchnost'* [The constitutional legal guarantees of the freedom of conscience in the Russian Federation: definition, content, essence]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia], 2021, no. 1 (42), pp. 139–143. Available at: [https://сибиюи.мвд.рф/upload/site1528/document_journal/1_Vestnik_1\(42\).pdf](https://сибиюи.мвд.рф/upload/site1528/document_journal/1_Vestnik_1(42).pdf) [in Russian].
5. *Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ* [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses as of December 30, 2001 № 195-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2002, no. 1 (Part I), Article 1. Available at: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002002001000&page=1&sort=position&limit=50&docid=98&volid=1002002001000> [in Russian].
6. Grib V. V. *Postateinyi nauchno-prakticheskii kommentarii Federal'nogo zakona ot 21.07.2014 № 212-FZ «Ob osnovakh obshchestvennogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii»* [Article-by-article scientific and practical commentary of Federal Law № 212-FZ as of 21.07.2014 «On the basics of public control in the Russian Federation»]. Moscow, 2015, 530 p. [in Russian].

7. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2014, no. 30, Article 4213. Available at: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002014030000&page=1&sort=position&limit=50&docid=12&volid=1002014030000> [in Russian].
8. Avakyan S. A. *Predstavitel'stvo v konstitutsionnom prave: voprosy teorii i praktiki: monografiya* [Representation in constitutional law: issues of theory and practice: monograph]. Moscow: Yustitsinform, 2022, 484 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48458179>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uwdmcc> [in Russian].
9. Tikhomirov Yu. A. *O popravkakh k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii. Lektsiya* [On amendments to the Constitution of the Russian Federation. Lecture]. Retrieved from the official website of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Available at: https://izak.ru/img_content/lekciya-tihomirova.pdf (accessed 10.09.2022) [in Russian].
10. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1999, no. 51, Article 6364. Available at: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1001999051000&page=2&sort=position&limit=50&docid=5671&volid=1001999051000> [in Russian].
11. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2005, no. 15, Article 1277. Available at: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002005015000&page=1&sort=position&limit=50&docid=11&volid=1002005015000> [in Russian].
12. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2021, no. 20, Article 3397. Available at: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002021020000&page=3&sort=position&limit=50&docid=106&volid=1002021020000> [in Russian].
13. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2007, no. 50, Article 6301. Available at: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002007050000&page=2&sort=position&limit=50&docid=73&volid=1002007050000> [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.163

Дата поступления: 21.02.2023
рецензирования: 28.03.2023
принятия: 15.03.2023

Законность уменьшения нормативной обеспеченности многоквартирных домов парковочными местами как предмет прокурорского надзора

Д. А. Лобачев

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: lobachev.da@ssau.ru

Аннотация: В статье рассмотрена роль прокуратуры в обеспечении законности решений уполномоченных органов власти, разрешающих заинтересованным лицам (в частности, застройщикам) уменьшать количество обустроенных машино-мест при строительстве многоквартирных домов по отношению к нормативному параметру, предусмотренному градостроительным регламентом территориальной зоны, в которой находится осваиваемый земельный участок. Вопрос нехватки свободных парковочных мест всегда являлся одной из актуальных проблем любого мегаполиса. В связи с этим надлежащее исполнение закона при выдаче разрешений на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства требует отдельного внимания со стороны прокуратуры. В работе обосновывается, что указанные разрешения, несмотря на отсутствие четкости нормативно-правового регулирования, не могут приниматься исключительно на основании свободы усмотрения уполномоченного органа, без установления законных условий. Порою соблюдение публичной процедуры обсуждения вопроса о предоставлении соответствующего разрешения ошибочно рассматривается как достаточное основание для его выдачи. Поэтому при проверке исполнения закона органам прокуратуры не следует ограничиваться лишь изучением документов, подтверждающих соблюдение процессуального регламента действий уполномоченного органа, но и оценивать действия поднадзорного лица с точки зрения полноты исследования им наличия особых характеристик земельного участка, которые не позволяют выполнить нормативный параметр по количеству машино-мест.

Ключевые слова: парковочные места; машино-места; предельные параметры разрешенного строительства; прокуратура; надзор за исполнением градостроительного законодательства.

Цитирование. Лобачев Д. А. Законность уменьшения нормативной обеспеченности многоквартирных домов парковочными местами как предмет прокурорского надзора // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 2. С. 34–39. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-34-39>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Лобачев Д. А., 2023

Денис Александрович Лобачев – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 21.02.2023
Revised: 28.03.2023
Accepted: 15.03.2023

Legality of reducing the regulatory provision of apartment buildings with parking spaces as a subject of prosecutor's supervision

D. A. Lobachev

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: lobachev.da@ssau.ru

Abstract: The article considers the role of the prosecutor's office in ensuring the legality of decisions of authorized authorities that allow interested parties (in particular, developers) to reduce the number of equipped parking spaces during the construction of apartment buildings in relation to the regulatory parameter provided for by the urban planning regulations of the territorial zone in which the developed area is located. The issue of lack of free parking spaces has always been one of the urgent problems of any metropolis. In this regard, the proper implementation of the law when issuing permits for deviations from the maximum parameters of permitted construction requires special attention from the prosecutor's office. The article substantiates that these permits, despite the lack of clarity of legal regulation, cannot be accepted solely on the basis of the discretion of the authorized body, without establishing legal conditions. Sometimes compliance with the public procedure for discussing the issue of granting an appropriate permit is mistakenly considered as a sufficient basis for issuing it. Therefore, when checking the implementation of the law, the prosecution authorities should not be limited only to studying documents confirming compliance with the procedural regulations for the actions of the authorized body, but also evaluate the actions of the supervised person in terms of the completeness of the study

by him of the presence of special characteristics of the land plot that do not allow fulfilling the regulatory parameter as required the number of parking spaces.

Key words: parking spaces; limiting parameters of permitted construction; prosecutor's office; supervision of the execution of urban planning legislation.

Citation. Lobachev D. A. *Zakonnost' umen'sheniya normativnoi obespechennosti mnogokvartirnykh domov parkovochnymi mestami kak predmet prokurorskogo nadzora* [Legality of reducing the regulatory provision of apartment buildings with parking spaces as a subject of prosecutor's supervision]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 2, pp. 34–39. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-34-39> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Lobachev D. A., 2023

Denis A. Lobachev – Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Одной из проблем в населенных пунктах, имеющих высокую плотность застройки, является недостаточная обеспеченность многоквартирных жилых домов необходимым количеством парковочных мест. Полагаем, что каждый читатель сталкивался с ситуацией, когда он был вынужден оставлять свое транспортное средство за пределами территорий, прилегающих к дому, в том числе на проезжей части автодорог, а порою и в другом квартале по отношению к зданию. Нормативное требование к количеству парковочных мест всегда остро воспринимается застройщиками, как при комплексном освоении территории, так и при «точечном» строительстве, когда в границах застроенной территории, на «небольшом» по площади земельном участке необходимо разместить новый объект капитального строительства. Применение требования к минимальному количеству машино-мест в исходном значении, которое предусмотрено правилами землепользования и застройки, как правило, влечет за собой либо значительное удорожание проекта строительства из-за необходимости обустройства парковочных мест в виде паркинга, либо сокращение ценной площади земельного участка, которая могла бы быть использована для строительства других объектов. В связи с этим правообладатели земельных участков (застройщики) пытаются снизить нормативное требование к количеству машино-мест применительно к конкретному земельному участку.

В муниципальных образованиях рассматриваемый параметр строительства определяется поразному. Например, в городском округе Самара количество парковочных мест определяется пропорционально количеству квартир в будущем многоквартирном доме, преимущественно из расчета 1 парковочное место на 1 квартиру [1]; в городе Новосибирске – пропорционально количеству метров и количеству квартир, в частности, 1 машино-место на 105 квадратных метров площади квартиры, но не менее 0,5 машино-места на 1 квартиру [2]. Анализ выданных главами местной администрации разрешений на отклонение от предельных параметров в части парковочных мест свидетельствует о том, что нормативный показатель 1 квартиры – 1 машино-место уменьшается в среднем до показателей 0,7–0,3 парковочного места на 1 квартиру.

В соответствии со статьей 2 Градостроительного кодекса РФ (далее – ГрК РФ) строительство многоквартирных жилых домов, как и любых других объектов капитального строительства, должно осуществляться на основе документов территориального планирования, правил землепользования и застройки, а также документации по планировке территории.

Правила землепользования и застройки – это нормативно-правовой акт в области градостроительного зонирования, который утверждается органами власти местного или регионального уровня. В данном документе закрепляются территориальные зоны и градостроительные регламенты. Последние представляют собой определенные правила, которые должен соблюдать правообладатель земельного участка при его использовании, освоении, а также строительстве новых и реконструкции существующих объектов. В данных правилах кроме разрешенных видов использования земельных участков, ограничений в их использовании, также закрепляются предельные размеры земельных участков и предельные параметры разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства. К последним статья 38 ГрК РФ относит: максимальное количество этажей или максимальную высоту зданий; минимальные отступы от границ земельных участков, которые необходимо соблюдать при строительстве объектов; максимальный процент застроенности земельного участка. Перечень параметров разрешенного строительства не носит закрытого, исчерпывающего характера. Наряду с указанными параметрами в правилах землепользования и застройки конкретных муниципальных образований могут быть закреплены иные максимальные и минимальные параметры. В качестве последних в документах градостроительного зонирования отдельных муниципальных образований выделяется, в частности, требование к минимальному количеству машино-мест, подлежащих обязательному обустройству при строительстве многоквартирных домов. К подобным иным параметрам также относятся минимальная площадь игровых площадок, территорий для отдыха, занятий физкультурой и другие показатели.

Нередко имеющиеся в градостроительном регламенте установленные параметры разрешен-

ного строительства существенным образом ограничивают возможность строительства объектов. Законодатель, понимая, что в определенных случаях данные параметры могут по факту лишиться возможности владельца земельного участка использовать его в соответствии с разрешенными правилами землепользования и застройки видом использования, предусмотрел возможность получения разрешения от органа местного самоуправления на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства. В этом плане справедливо отмечено в литературе о том, что любые ограничения должны быть соразмерны конституционно одобряемым ценностям и допускаться в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц [3, с. 146–161].

Так, в силу части 1 статьи 40 ГрК РФ владельцы земельных участков вправе обратиться в уполномоченный орган за разрешениями на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства, если площадь земельного участка меньше установленных градостроительным регламентом минимальных размеров либо их форма, инженерные, геологические, иные характеристики неблагоприятны для строительства.

Проект решения уполномоченного органа местной власти, содержащий разрешение на отклонение от установленных регламентом территориальной зоны параметров строительства, в обязательном порядке проходит процедуру публичных обсуждений (слушаний), результаты которых в обязательном порядке должны учитываться при принятии соответствующего решения.

Отсутствие стабильной практики применения градостроительного законодательства приводит к тому, что органы власти порою издаются незаконные правовые акты, направленные на решение поставленных задач, вопреки или в ущерб публичным и частным интересам [4, с. 2].

В силу части 1 статьи 21 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» проверка правовых актов, издаваемых органами публичной власти, на предмет их соответствия требованиям закона является одним из направлений деятельности прокуратуры. В рассматриваемом случае в качестве проверяемого акта выступает постановление органа местного самоуправления о предоставлении разрешения на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства в отношении минимально необходимого количества машино-мест при использовании земельного участка для строительства многоквартирного дома.

По общему правилу прокурорам предписано в случае установления факта нарушения закона поднадзорными лицами опротестовывать противоречащие закону правовые акты, обращаться в суд или арбитражный суд с требованием о признании таких актов недействительными. В силу пункта 3 приказа Генерального прокурора РФ от 07.12.2007

№ 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» надзор за законностью правовых актов, издаваемых органами местного самоуправления, надлежит осуществлять независимо от поступления информации о нарушениях законности [5]. С учетом положений обозначенного приказа органам прокуратуры для выявления нарушений закона при выдаче разрешений на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства надлежит проявлять инициативу и проводить периодические проверки актов, принимаемых органами местного самоуправления.

Следует отметить, что понятие правового акта в действующем законодательстве не содержится. В пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 выделены признаки нормативно-правовых актов, к одному из которых относится наличие в указанных актах правовых норм, предназначенных для регулирования общественных отношений. Анализ содержания постановлений о предоставлении разрешений на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства не позволяет говорить о нормативном характере данного акта в связи с тем, что в нем отсутствуют правовые нормы. Кроме того, данные разрешения выдаются конкретным правообладателям и в отношении персонализированных земельных участков. Таким образом, рассматриваемые разрешения имеют характер индивидуальных (ненормативных) правовых актов. Индивидуальный правовой акт, в отличие от нормативного, распространяет свое действие на конкретных субъектов права, которые находятся в сфере правового регулирования [6, с. 29–30].

Отсутствие у постановления о предоставлении разрешения на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства характера нормативности не умаляет права прокурора принести на него протест, поскольку в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» в качестве предмета прокурорской проверки поименован именно правовой акт, без указания признака нормативности. Но в то же время указанное лишает возможности прокурора оспорить данный акт в порядке, предусмотренном для оспаривания нормативных правовых актов (глава 21 КАС РФ). В КАС РФ отдельно оспаривание ненормативных правовых актов не выделено, но в связи с тем, что они по своей сути являются решениями органов местного самоуправления, то их оспаривание должно осуществляться органами прокуратуры по правилам главы 22 КАС РФ [7].

Таким образом, в качестве основных средств прокурорского реагирования на незаконное постановление о предоставлении разрешения на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства выступают такие способы, как принесение протеста и обращение в суд с заявлением о признании соответствующего решения администрации незаконным. При выборе способа реагирования прокурору необходимо учитывать следу-

ющее. Согласно пункту 4.2 приказа Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» при выборе форм реагирования на выявленные незаконные правовые акты прокурор обязан безотлагательно принести протест на незаконный правовой акт, а в случае его отклонения – в установленном порядке обратиться с заявлением в суд. Следовательно, Генеральный прокурор РФ предусмотрел обязательный досудебный порядок реагирования на противоречащий закону правовой акт. Вместе с этим, исходя из смысла части 1 статьи 23 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», прокурор на противоречащий закону правовой акт вправе принести протест либо обратиться в суд в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством РФ. Согласно части 1 статьи 196 КАС РФ суд оставляет административное исковое заявление без рассмотрения в случае, если не соблюден досудебный порядок урегулирования административных споров, установленный федеральным законом для данной категории административных дел. Поскольку упомянутый приказ не относится к закону, то заявление прокурора об оспаривании правового акта, поданное в суд без предварительного принесения протеста, не может служить основанием для оставления заявления без рассмотрения.

Следует отметить, что в силу ст. 39 КАС РФ прокурор вправе обратиться в суд с административным иском заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а также в других случаях, предусмотренных федеральными законами. Таким образом, круг случаев, когда прокурор может обращаться в суд, достаточно широк и четко не определен. И в этом контексте справедливо отмечено, что примеры дел, в которых участвует прокуратура, свидетельствуют об определенной ее «всеядности» [8, с. 6–10]. Тем не менее прокурор, обращаясь в суд, должен быть готов доказать наличие у него процессуальных оснований для обращения в суд и не ограничиваться лишь заявлением о том, что он действует в интересах лиц, право защищать которые ему предоставлено процессуальным законом.

Полагаем, что прокурор, оспаривая решения органов власти, которые разрешили уменьшить нормативное количество машино-мест при осуществлении многоэтажной застройки на конкретном земельном участке, защищает интересы неопределенного круга лиц. К сожалению, понятие «неопределенный круг лиц» в законодательстве отсутствует. В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2004 г. содержится судебное толкование указанного понятия. Так, под неопределенным кругом лиц понимается такой круг лиц, который

невозможно индивидуализировать (определить), привлечь в процесс в качестве истцов, указать в решении, а также решить вопрос о правах и обязанностях каждого из них при разрешении дела [9]. Есть мнение о том, что интересы неопределенного круга лиц представляют собой разновидность публичных интересов [10], на страже которых должна стоять прокуратура.

На первый взгляд, когда идет речь о параметрах разрешенного строительства в пределах конкретного земельного участка, возникают сомнения в том, что отклонение от данных параметров может привести к нарушению прав неопределенного круга лиц. Как правило, данный круг лиц известен и это прежде всего смежные землепользователи и владельцы зданий, строений, сооружений. Однако данный подход, как представляется, не учитывает того факта, что отклонение от определенных параметров разрешенного строительства создает вероятность того, что могут быть нарушены права лиц, круг которых невозможно индивидуализировать в момент выдачи уполномоченным должностным лицом разрешения на отклонение от этих параметров. Незаконное уменьшение нормативного требования к минимальному количеству машино-мест при строительстве многоквартирных домов влечет за собой ситуацию, когда владельцы помещений в многоквартирном доме вынуждены оставлять свои транспортные средства на длительную парковку на территориях общего пользования (дорогах, газонах, бульварах и прочих подобных местах). Конституционный Суд РФ в Определении от 29 сентября 2016 г. № 1963-О указал, что земельные участки в границах территорий общего пользования по общему правилу находятся в государственной или муниципальной собственности как обеспечивающие комплексное социально-экономическое развитие территорий, реализацию права граждан на благоприятную окружающую среду, на комфортную среду обитания [11]. Кроме указанных прав, незаконное разрешение на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства в части машино-мест нарушает права неопределенного круга лиц на безопасные условия дорожного движения, которые закреплены в части 1 статьи 24 Федерального закона от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения».

В силу положений ст. 227 КАС РФ для признания незаконным постановления, предоставившего возможность заинтересованному лицу отклониться от предельных параметров разрешенного строительства, прокурору необходимо доказать не только нарушение прав неопределенного круга лиц, но и несоответствие указанного акта ГрК РФ. К сожалению, в нормах данного Кодекса не выделены четко условия, при наличии которых постановление администрации об отклонении от предельных параметров будет считаться законным. В части 1 статьи 40 ГрК РФ содержатся условия, при наличии которых может быть предоставлено указанное разрешение, но они сформулированы

чрезмерно широко. В частности, в этой норме сказано о том, что правообладатели земельных участков, размеры которых меньше установленных градостроительным регламентом минимальных размеров земельных участков либо конфигурация, инженерно-геологические или иные характеристики которых неблагоприятны для застройки, вправе обратиться за разрешениями на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства. То есть именно характеристики земельного участка, не позволяющие осуществить строительство, являются обязательным условием, без установления которого разрешение на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства не может считаться законным. Но используемая в законе расплывчатая терминология при описании условий выдачи данных разрешений, а также отсутствие их закрытого перечня способствует формированию практики, когда наличие указанных условий либо не проверяется уполномоченным органом, либо их наличие оценивается субъективно, без изучения документов, подтверждающих наличие перечисленных условий. ГрК РФ не возлагает прямо на правообладателя земельного участка обязанность прикладывать к заявлению о предоставлении разрешения какие-либо документы, обосновывающие наличие характеристик, препятствующих освоению земельного участка, не определяет их вид и содержание. И в этом видится пробел действующего законодательства, создающий предпосылки для расширения свободы усмотрения уполномоченного органа при принятии соответствующего решения. Но нечеткость правового регулирования не может служить обоснованием возможности принятия решения должностным лицом на основе лишь волеизъявления правообладателя земельного участка, без выяснения причин необходимости получения более «льготных условий» строительства много-

квартирного дома, чем предусмотрено в градостроительном регламенте конкретной территориальной зоны. При оценке законности указанного разрешения на отклонение от предельных параметров органам прокуратуры следует проверять не только соблюдение процедуры принятия акта, но и наличие доказательств того, что неблагоприятные для застройки характеристики земельного участка не позволяют осуществить строительство многоквартирного дома с соблюдением установленного параметра по количеству парковочных мест. В связи с этим в ходе прокурорской проверки законности разрешения на отклонение от такого параметра, как минимальное количество машино-мест, необходимо изучать, располагал ли уполномоченный орган проектом строительства многоквартирного дома, заключениями специалистов, подтверждающих наличие у земельного участка неблагоприятных характеристик для застройки, сведениями о количестве помещений в предполагаемом объекте, а также о том, какое количество парковочных мест может быть организовано в границах земельного участка. Возможность получения разрешения на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства – это не безусловное право застройщика выйти за минимальные требования градостроительного регламента. Указанное право не может быть реализовано уполномоченным органом на основании лишь заявления заинтересованного лица. Задача органов власти не только организовать процедуру рассмотрения данного вопроса в публичной плоскости, но и оценить действительное наличие препятствий для соблюдения существующего параметра по количеству машино-мест при застройке земельного участка. Последнее прямо влияет на законность предоставления разрешения на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства и должно учитываться при осуществлении прокурорского надзора.

Библиографический список

1. Постановление Самарской городской думы от 26.04.2001 № 61 «Об утверждении Правил землепользования и застройки городского округа Самара» // Самарская неделя. № 24. 16.06.2001. URL: <https://docs.cntd.ru/document/945005955>.
2. Решение совета депутатов города Новосибирска от 24 июня 2009 г. № 1288 «О правилах землепользования и застройки города Новосибирска». URL: https://novo-sibirsk.ru/upload/building2/PZZ_12072022.pdf.
3. Винницкий А. В., Харинов И. Н. Параметрирование строительства: модернизация регулирования и проблемы устранения избыточных ограничений // Российский юридический журнал. 2020. № 6 (135). С. 146–161. DOI: <http://doi.org/10.34076/2071-3797-2020-6-146-161>. EDN: <https://elibrary.ru/eyzrtz>.
4. Коряченцова С. И. Отдельные аспекты прокурорского надзора за исполнением градостроительного законодательства и возмещением ущерба от реализации градостроительных решений // Административное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 1–10. DOI: <http://doi.org/10.7256/2454-0595.2020.4.32596>. EDN: <https://elibrary.ru/fqncdh>.
5. Приказ Генпрокуратуры России от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // Законность. 2008. № 3. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rf-ot-07122007-n-195>.
6. Кудашкин А. В. К вопросу о предмете и объекте антикоррупционной экспертизы // Административное и муниципальное право. 2010. № 8 (32). С. 26–30. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/45857-voprosu-predmete-obekte-antikorrupcionnoj-ehkspertizy>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=19036423>. EDN: <https://elibrary.ru/qaoxxd>.
7. Смоляков П. Н. Оспаривание ненормативных правовых актов // СПС «КонсультантПлюс». 2023.

8. Терехова Л. А. Обращения прокурора в защиту неопределенного круга лиц // Российский судья. 2018. № 5. С. 6–10. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/98282-obrashheniya-prokurora-zashhitu-neopredelennogo-kругa>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=35049616>. EDN: <https://elibrary.ru/xppkjf>.
9. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 23.06.2004, 30.06.2004 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 11. URL: <http://ппвс.рф/2004/obzor-sudebnoy-praktiki-vs-rf/obzor-2004.PDF/2004.06.23-30.pdf>.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8. URL: <https://www.vsrф.ru/documents/own/8435>.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 № 1963-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Олейник Людмилы Николаевны на нарушение ее конституционных прав пунктами 11 и 12 статьи 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации и пунктом 12 статьи 85 Земельного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29092016-n-1963-o>.

References

1. *Postanovlenie Samarskoi gorodskoi dумы ot 26.04.2001 № 61 «Ob utverzhdenii Pravil zemlepol'zovaniya i zaстроiki gorodskogo okruga Samara»* [Decree of the Samara City Duma dated April 26, 2001 № 61 «On approval of the land use and development rules of the urban district of Samara»]. *Samarskaya nedelya*, no. 24, 06.16.2001. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/945005955> [in Russian].
2. *Reshenie soveta deputatov goroda Novosibirskа ot 24 iyunya 2009 g. № 1288 «O pravilakh zemlepol'zovaniya i zaстроiki goroda Novosibirskа»* [Decision of the council of deputies of the city of Novosibirsk dated June 24, 2009 № 1288 «On the land use and development rules of the city of Novosibirsk»]. Available at: https://novo-sibirsk.ru/upload/building2/PZZ_12072022.pdf [in Russian].
3. Vinnitskiy A. V., Kharinov I. N. *Parametrirovaniye stroitel'stva: modernizatsiya regulirovaniya i problemy ustraneniya izbytochnykh ogranichenii* [Parameterization of construction: regulation upgrading and problems of eliminating redundant restrictions]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2020, no. 6 (135), pp. 146–161. DOI: <http://doi.org/10.34076/2071-3797-2020-6-146-161>. EDN: <https://elibrary.ru/eyzrtz> [in Russian].
4. Koryachentsova S. I. *Otdel'nye aspekty prokurorskogo nadzora za ispolneniem gradostroitel'nogo zakonodatel'stva i vozmeshcheniem ushcherba ot realizatsii gradostroitel'nykh reshenii* [Separate aspects of prosecutorial supervision over the urban development legislation and restitution for damages caused by urban development decisions]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* [Administrative and municipal law], 2020, no. 4, pp. 1–10. DOI: <http://doi.org/10.7256/2454-0595.2020.4.32596>. EDN: <https://elibrary.ru/fqncdh> [in Russian].
5. *Prikaz Genprokuratury Rossii ot 07.12.2007 № 195 «Ob organizatsii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov, soblyudeniem prav i svobod cheloveka i grazhdanina»* [Order of the Prosecutor General's Office of Russia № 195 dated December 7, 2007 «On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of laws, observance of the rights and freedoms of man and citizen»]. *Zakonnost'* [Zakonnost Journal], 2008, no. 3. Available at: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rf-ot-07122007-n-195> [in Russian].
6. Kudashkin A. V. *K voprosu o predmete i ob'ekte antikorrupcionnoy ekspertizy* [On the question of the subject and object of anti-corruption expertise]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* [Administrative and municipal law], 2010, no. 8 (32), pp. 26–30. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/45857-voprosu-predmete-obekte-antikorrupcionnoj-ehkspertizy>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=19036423>. EDN: <https://elibrary.ru/qaooxxd> [in Russian].
7. Smolyakov P. N. *Osparivaniye nenormativnykh pravovykh aktov* [Challenging non-normative legal acts]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus», 2023 [in Russian].
8. Terekhova L. A. *Obrashcheniya prokurora v zashchitu neopredelennogo kruga lits* [Prosecutor's Recourse to Court for Protection of Public at Large]. *Rossiiskii sud'ya* [Russian Judge], 2018, no. 5, pp. 6–10. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/98282-obrashheniya-prokurora-zashhitu-neopredelennogo-kругa>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=35049616>. EDN: <https://elibrary.ru/xppkjf> [in Russian].
9. *Obzor sudebnoi praktiki Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2004, 30.06.2004* [Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.06.2004, 30.06.2004]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*, 2004, no. 11. Available at: <http://ппвс.рф/2004/obzor-sudebnoy-praktiki-vs-rf/obzor-2004.PDF/2004.06.23-30.pdf> [in Russian].
10. *Postanovlenie Plenumа Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 № 25 «O primeneniі sudami nekotorykh polozenii razdela I chasti pervoi Grazhdanskogo kodeksа Rossiiskoi Federatsii»* [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 23, 2015 № 25 «On the application by the courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation»]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*, 2015, no. 8. Available at: <https://www.vsrф.ru/documents/own/8435> [in Russian].
11. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 29.09.2016 № 1963-O «Ob ot-kaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Oleinik Lyudmily Nikolaevny na narusheniye ee konstitutsionnykh prav punktami 11 i 12 stat'i 1 Gradostroitel'nogo kodeksа Rossiiskoi Federatsii i punktom 12 stat'i 85 Zemel'nogo kodeksа Rossiiskoi Federatsii»* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation as of September 29, 2016 № 1963-O «On the refusal to accept for consideration the complaint of a citizen Oleinik Lyudmila Nikolaevna about the violation of her constitutional rights by paragraphs 11 and 12 of Article 1 of the Town Planning Code of the Russian Federation and paragraph 12 of Article 85 of the Land Code of the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29092016-n-1963-o> [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.4

Дата поступления: 18.02.2023
рецензирования: 19.03.2023
принятия: 30.05.2023

**Система нормативного регулирования в Российской Федерации:
современные тенденции развития**

С. А. Осетров

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: sergey-lupus@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности развития системы нормативного регулирования в Российской Федерации на современном этапе. Обращается внимание на то, что до настоящего времени в Российской Федерации на законодательном уровне комплексно не урегулированы отношения в сфере определения системы нормативных правовых актов. В таких условиях развитие системы нормативного регулирования осуществляется разнонаправленно. В частности, имеется тенденция расширения количества участников нормотворческого процесса и изменения параметров нормативного регулирования в рамках существующих видов нормативных актов, прослеживается тенденция профессионализации нормативного регулирования. В результате автор приходит к выводу о том, что в условиях приумножения источников права важной задачей государства выступает поддержание нормативной системы в состоянии, обеспечивающем прежде всего реализацию публичных интересов общества и государства.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; нормативный правовой акт; система нормативного регулирования; нормотворчество; система нормативных правовых актов в Российской Федерации.

Цитирование. Осетров С. А. Система нормативного регулирования в Российской Федерации: современные тенденции развития // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 2. С. 40–48. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-40-48>.

© Осетров С. А., 2023

Сергей Анатольевич Осетров – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.02.2023
Revised: 19.03.2023
Accepted: 30.05.2023

**System of normative regulation in the Russian Federation:
current development trends**

S. A. Osetrov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: sergey-lupus@mail.ru

Abstract: The article discusses the features of the development of the regulatory system in the Russian Federation at the present stage. Attention is drawn to the fact that to date the Russian Federation has not adopted a federal law that would regulate the system of regulatory legal acts in the Russian Federation. In such conditions, the development of the regulatory system is carried out in different directions. In particular, there is a tendency to expand the number of participants in the rule-making process and to change the parameters of regulation within the framework of existing types of legal acts, there is a tendency to professionalize regulatory system. As a result, the author concludes that in conditions of multiplication of sources of law, an important task of state is to maintain the regulatory system in a state that ensures, first of all, the realization of public interests of society and the state.

Key words: Constitution of the Russian Federation; legal act; system of normative legal regulation; rulemaking; system of normative legal acts in the Russian Federation.

Citation. Osetrov S. A. *Sistema normativnogo regulirovaniya v Rossiiskoi Federatsii: sovremennye tendentsii razvitiya* [System of normative regulation in the Russian Federation: current development trends]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 2, pp. 40–48. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-40-48> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Osetrov S. A., 2023

Sergey A. Osetrov – Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of State and Administrative Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Формирование нормативной системы Российской Федерации в последнее время характеризуется все большим усложнением как в контексте расширения количества субъектов нормотворческой деятельности, так и в контексте все большей профессионализации нормативного регулирования, а равно содержательными изменениями параметров нормативного регулирования со стороны существующих субъектов нормотворческой деятельности. Соответствующие тенденции имеют в своей основе как объективные факторы (усложнение общественных отношений, развитие сетевого публичного администрирования [1]), так и субъективные факторы (активность тех или иных субъектов нормотворческой деятельности). При этом в ряде случаев присутствует и фактор случайности, когда импульс нормативному регулированию и системным изменениям механизмов нормативного регулирования придается событиями, изначально весьма далекими от нормативной системы (к примеру, эпидемия коронавируса).

В этой связи представляется важным оценить в современных условиях вектор развития нормативной системы, а также в общем виде классифицировать элементы системы нормативного регулирования в Российской Федерации.

Прежде всего необходимо отметить, что отечественная система нормативного регулирования на протяжении последнего времени развивается без жесткой структурализации – попытки принятия Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» оказались нерезультативными [2], несмотря на наличие в юридической науке запроса на принятие подобного рода федерального закона [3].

Можно обратить внимание на следующие особенности формируемой в Российской Федерации системы нормативного регулирования.

1. Начнем с того, что в действующем законодательстве отсутствуют формальные требования для детерминации тех или иных актов в качестве нормативных. Данное обстоятельство оказывает серьезное влияние и на нормотворчество, и на правоприменение. По существу, в условиях наличия исключительно доктринальных подходов к идентификации нормативных актов в качестве таковых единственным субъектом, уполномоченным на признание акта нормативным, является суд. Об этом свидетельствуют положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» (пункт 2) [4]. Подобная ситуация в судебной практике может приводить к различным спорам относительно того, что акт по форме – нормативный, но судом в качестве такого не признается и,

наоборот, акт ненормативный по форме судом может быть признан в качестве нормативного.

Так, администрация городского округа Похвистнево обратилась в Арбитражный суд Самарской области с заявлением о признании недействительным ненормативного акта – приказа Приволжского межрегионального территориального управления воздушного транспорта Федерального агентства воздушного транспорта, однако Арбитражный суд Самарской области передал дело в Самарский областной суд, посчитав, что соответствующий приказ обладает признаками нормативности (определение Арбитражного суда Самарской области от 10.11.2021 по делу № А55-25139/2021) [5]. Однако при рассмотрении соответствующего дела Самарский областной суд все же не нашел признаков нормативности у оспариваемого акта и передал его на рассмотрение в районный суд (определение Самарского областного суда от 25.03.2022 по делу № За-411/2022 (За-2500/2021) [6]. Все это говорит о том, что даже профессиональным правоприменителям подчас весьма сложно определить характеристики нормативного акта и идентифицировать конкретный акт в качестве нормативного, что усложняет как управленческие процессы, так и процедуры защиты прав граждан.

2. Существующие в юридической доктрине базовые категории классификации нормативных актов на законы и подзаконные акты не во всем могут быть применены к существующей системе нормативного регулирования. Тем более что развитие отечественной нормативной системы свидетельствует об изменении как номенклатуры, так и содержательных характеристик тех или иных типов нормативных актов.

В статье 15 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. При этом законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации.

Принимаемые на федеральном уровне законодательные акты включают в себя следующие разновидности. В соответствии со статьей 76 Конституции России на федеральном уровне принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории Российской Федерации. В соответствии с частью 3 статьи 76 Конституции России установлен приоритет положений федерального конституционного закона по отношению к федеральному закону. Кроме того, в Конституции России (статья 136) также предусматривается отдельный вид законодательных актов, которыми вносятся поправки в Конституцию

Российской Федерации. Речь идет о Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации. Федеральным законом «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» урегулирован порядок принятия и вступления в силу данного вида законодательных актов [7]. Представляется, что Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации по своей юридической силе превосходит федеральные конституционные законы, хотя соответствующее утверждение может быть и не абсолютным, если разграничить содержащуюся в Законе о поправке к Конституции России саму поправку и иные положения такого закона (см. пункт 2 Заключения Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-3 [8]). Несмотря на это обозначение особого статуса Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации было осуществлено Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 31.10.1995 № 12-п «По делу о толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации» [9], а впоследствии подтверждено и в пункте 2.1 Заключения Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-3, в котором отмечается, что Закон о поправке к Конституции Российской Федерации имеет особый статус, превышающий статус федерального конституционного закона, ввиду включения в процесс его принятия органов законодательной власти субъектов Российской Федерации.

К этому стоит добавить, что дополнительную интригу в вопрос о понимании характеристик тех или иных видов законодательных актов федерального уровня внес и порядок принятия Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» от 14.03.2020 № 1-ФКЗ [10], предусматривавший его одобрение на общероссийском голосовании. Означает ли принятие соответствующего нормативного акта в усложненной процедуре появление нового типа федеральных нормативных актов, требующих особого порядка их отмены и изменения в дальнейшем, отличного от существующего порядка? Полагаем, что данный вопрос в перспективе может приобрести высокое политико-правовое значение.

Стоит отметить, что на конституционном уровне, к сожалению, напрямую не упоминается наличие в нормативной системе актов, принятых на референдуме, которые имеют собственную правовую природу и обладают большей юридической силой в сравнении с законодательными актами. Так, статьей 83 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» [11] закрепляется обязательность решений, принятых на референдуме. Их изменение возможно только путем проведения нового референдума, если иное не установлено первичным решением. Кроме

того, частью 5 статьи 83 указанного Федерального конституционного закона определяется механизм реализации решения, принятого на референдуме, для случаев, когда он предполагает принятие иных нормативных актов. При этом соответствующий орган государственной власти, уполномоченный на принятие необходимого нормативного акта, обязан принять его в течение трех месяцев. С учетом этого решение, принятое на референдуме, обязательно, в том числе и для Федерального Собрания, а следовательно, референдарный акт по своему статусу выше федерального конституционного и федерального законов. Вместе с тем спорным может стать вопрос о соотношении референдарного акта с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации.

Что касается номенклатуры подзаконных актов, то в этой части неоднозначным продолжает оставаться вопрос о правовой природе нормативных актов главы российского государства и отнесении их к числу подзаконных.

Частью 3 статьи 90 Конституции России устанавливается, что указы Президента России лишь не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам. Это ставит под сомнение подзаконный характер соответствующих нормативных актов, поскольку особенностью подзаконного акта является его принятие только на основании и во исполнение законодательных актов. В свою очередь, самостоятельный статус нормативных актов главы государства позволяет ему осуществлять собственное нормативное регулирование общественных отношений даже в отсутствие принятых законодательных актов.

Соответствующая черта указов Президента Российской Федерации в конституционной науке становилась предметом критики особенно в период активного «указного регулирования». Весьма хлестко данное явление было названо «указным правом» (см. подробнее: Лучин В. О. Указное право в России. М., 1996). В то же время в настоящий момент мы во многом имеем дело с ситуацией «указного права 2.0», однако с обратной коннотацией. Дело в том, что указное регулирование в силу его оперативности стало единственно возможным как в условиях распространения коронавирусной инфекции, так и в условиях проведения специальной военной операции, когда нормативными указами Президента России стали регулироваться значимые вопросы, связанные с противодействием санкционному давлению.

Кроме того, особая роль указов Президента в системе нормативного регулирования в Российской Федерации обеспечивается еще и тем, что именно глава государства своими указами принимает особого рода акты, которые непосредственно общественные отношения не регулируют, но создают вектор нормативного регулирования отношений в различных областях. В науке права подобного рода акты нередко обозначают как «мягкое право» (soft law) [12] и выражается оно в принятии различного

рода концепций, доктрин, основ государственной политики, национальных планов и т. д.

Однако номенклатура нормативных актов главы российского государства вышеуказанными актами не ограничивается. Часть актов глава государства принимает в статусе Верховного главнокомандующего Вооруженными силами Российской Федерации. Так, Верховный главнокомандующий вправе в пределах своих полномочий издавать приказы и директивы, обязательные для исполнения Вооруженными силами Российской Федерации, другими войсками и воинскими формированиями, а также органами (статья 13 Федерального закона «Об обороне» [13]). Таким образом, нормотворческие функции главы государства в реальности довольно обширны и роль актов главы государства в системе нормативного регулирования явно не укладывается в бинарную формулу «закон-подзаконный акт».

Что же касается классических подзаконных актов, принимаемых на федеральном уровне, то в силу статьи 115 Конституции Российской Федерации на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных законов, указов, распоряжений и поручений Президента Российской Федерации Правительство Российской Федерации издает постановления и распоряжения, из которых нормативными актами выступают именно постановления (статья 5 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» [14]).

Кроме того, нормативные акты также вправе издавать и федеральные органы исполнительной власти, которые в юридической иерархии располагаются ниже нормативных актов Правительства Российской Федерации. Постановлением Правительства Российской Федерации от 13.08.1997 № 1009 [15] определены Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации. Нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти издаются в виде постановлений, приказов, правил, инструкций и положений. Важной составляющей ведомственного нормотворчества является то, что нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти по вопросам защиты права и свободы, а равно устанавливающие правовой статус организаций и имеющие межведомственный характер, подлежат государственной регистрации органами юстиции (пункт 10 Правил).

Таким образом, можно обратить внимание, что несмотря на кажущуюся стабильность, номенклатура и содержательные характеристики законодательных и иных актов федеральных органов государственной власти претерпевают процессы трансформации.

3. Одновременно с этим федеральными государственными органами принимаются и другие разновидности нормативных актов, место которых в иерархии нормативных актов не столь очевидно.

Так, Федеральным законом «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (статья 7) [16] установлено, что Банк России по вопросам, отнесенным к его компетенции, издает в форме указаний, положений и инструкций нормативные акты, подлежащие регистрации в порядке, установленном для регистрации нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти.

В соответствии с частью 13 статьи 20 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» решения и иные акты избирательных комиссий, принятые в пределах их компетенции, являются обязательными. В соответствии с частью 13 статьи 21 указанного Федерального закона Центральная избирательная комиссия Российской Федерации в пределах своей компетенции вправе издавать инструкции по вопросам единообразного применения положений соответствующего Федерального закона, обязательные для исполнения [17].

При этом в сравнении с актами органов исполнительной власти нормативные акты иных государственных органов не могут быть отменены в административном порядке главой государства в случае их противоречия Конституции Российской Федерации, федеральным законам, указам и распоряжениям Президента Российской Федерации. Указанные обстоятельства позволяют говорить о том, что акты иных государственных органов имеют собственную политико-правовую природу и занимают собственное место в иерархии нормативных актов Российской Федерации.

4. К отдельной группе нормативных актов можно отнести акты, принимаемые координационными и коллегиальными органами.

В их числе Совет безопасности Российской Федерации. Статьей 18 Федерального закона «О безопасности» [18] определено, что вступившие в силу решения Совета безопасности обязательны для исполнения государственными органами и должностными лицами.

К этой же группе можно отнести и решения, принимаемые Национальным антитеррористическим комитетом. В силу части 4 статьи 5 Федерального закона «О противодействии терроризму» решения Национального антитеррористического комитета обязательны для исполнения государственными органами, органами местного самоуправления, организациями, должностными лицами и гражданами [19]. За неисполнение решений соответствующего органа статьей 19.5.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность для граждан, должностных лиц и юридических лиц [20].

Таким образом, какая-то часть решений соответствующих органов обладает признаками нормативности, а следовательно, нуждается в оценке их места и роли в системе нормативного регулирования и их соотношении с другими нормативными

актами. Полагаем, что обладающие признаками нормативности решения, принимаемые соответствующими координационными и коллегиальными органами, по своей природе носят экстраординарный характер, направленный на оперативное решение текущих задач системы государственного управления в той или иной сфере деятельности, и в значительной мере носят временный характер. При этом дополнительные характеристики власти для соответствующих решений придаются тем, что они подписываются председателем соответствующих координационных органов, в качестве которого выступает глава государства.

5. Субъектами нормотворческого процесса на федеральном уровне становятся и отдельные виды юридических лиц. Статьей 8 Федерального закона «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» [21] предусмотрено право Государственной корпорации принимать нормативные правовые акты в установленной сфере деятельности. Формально схожим статусом обладают решения Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации (часть 2 статьи 3 Федерального закона «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» [22]).

Наделение отдельных юридических лиц правом нормотворческой деятельности также является исключительным обстоятельством, хотя и отражает определенную тенденцию профессионализации регулирования отношений в отдельных сферах.

6. Самостоятельным нормативным значением обладают и акты палат Федерального Собрания Российской Федерации, принимаемые в форме постановлений.

В соответствии с частью 4 статьи 101 Конституции Российской Федерации каждая из палат Федерального Собрания принимает свой регламент и решает вопросы внутреннего распорядка своей деятельности, однако на практике рядом актов палат Федерального Собрания регулируются отношения и в других сферах (см, например, постановление Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации от 05.07.2013 № 2696-6 ГД [23]).

Особенностью данных актов выступает то, что их принятие является результатом политического компромисса ввиду особого порядка формирования соответствующих органов. В целом данное обстоятельство существенно влияет на нормотворческую процедуру, придавая ей своеобразный политический окрас, что в обязательном порядке должно учитываться в рамках построения отечественной системы нормативного регулирования.

7. Кроме того, еще одной новацией в сфере федерального нормотворческого процесса выступает появление на федеральном уровне нового вида публично-правовых образований, наделенных правами осуществлять самостоятельное нормативное регулирование. Так, в соответствии со статьей 5 Федерального закона «О федеральной территории «Сириус» [24] органы публичной власти фе-

деральной территории «Сириус» издают обязательные для указанной территории нормативные правовые акты.

В данном случае весьма важным является вопрос о соотношении данных актов по юридической силе с нормативными актами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

8. Федеральная нормативная система помимо актов субъектов нормотворческой деятельности включает в себя еще и различные типы нормативно-правовых договоров [25].

В частности, в соответствии с частью 3 статьи 11 Конституции Российской Федерации разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется Конституцией Российской Федерации, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий.

Кроме того, в соответствии со статьей 75.1 Конституции Российской Федерации в Российской Федерации обеспечивается социальное партнерство. Согласно статье 3 Федерального закона «О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений» [26] к числу основных задач комиссии относится подготовка проекта генерального соглашения между объединениями профсоюзов и работодателей и Правительством Российской Федерации. Порядок принятия соответствующего акта социального партнерства, имеющего признаки нормативности, базируется на принципе трипартизма.

Таким образом, законодательство России содержит указание на возможность нормативного регулирования общественных отношений в рамках различных видов публично-правовых договоров, но позитивный потенциал данного формата нормативного регулирования, к сожалению, по ряду причин до настоящего времени не раскрыт.

9. Довольно активное развитие в последнее время с «подачи государства» получают различные формы «декомпозированного нормотворчества». Речь в данном случае идет о саморегулируемых организациях. Так, частью 2 статьи 4 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» предусмотрено, что саморегулируемая организация разрабатывает и утверждает стандарты и правила профессиональной и предпринимательской деятельности, под которыми понимаются требования к осуществлению предпринимательской или профессиональной деятельности, обязательные для выполнения всеми членами саморегулируемой организации [27]. Схожие модели саморегулирования применяются и в других отраслях законодательства. В частности, рядом полномочий по саморегулированию обладает Совет рынка в системе функционирования коммерческой инфраструктуры оптового рынка электроэнергетики [28].

Правда, в данном случае за кадром остается то, что де-факто подобное «декомпозированное

нормотворчество», изначально заданное государством, все в большей мере проявляется в деятельности различных сообществ особенно в «онлайн-среде», в том числе и в противовес государственному регулированию, что представляет собой определенный вызов для системы функционирования публичной власти.

10. Система нормативного регулирования испытывает трансформацию и в контексте признания со стороны государства различных форм ведомственного квазирегулирования. Так, статьей 217.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [29] предусматривается возможность рассмотрения судами административных дел об оспаривании актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами. История появления соответствующей статьи в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации основывается на попытке оспорить разъяснительные письма Федеральной налоговой службы, которые являлись обязательными для применения нижестоящими налоговыми органами. Само по себе данное явление довольно противоречиво с точки зрения его места в системе нормативного регулирования. Закрепление института оспаривания подобных актов по сути представляет собой признание государством невозможности обойтись без ведомственных разъяснительных писем и инструкций, однако вместо запрета подобной ситуации законодатель закрепил самостоятельную форму судебной защиты граждан и организаций в случае нарушения их прав подобного рода актами, обладающими нормативными свойствами.

Стоит отметить, что последние изменения законодательства свидетельствуют о том, что в отдельных случаях законодатель прямо легализует статус официальных разъяснений законодательства со стороны органов публичной власти. Так, в соответствии со статьей 14 Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» [30] федеральные органы исполнительной власти в отношении принятых ими нормативных правовых актов дают официальные разъяснения обязатель-

ных требований. Соответствующие официальные разъяснения подлежат утверждению руководителями соответствующих органов публичной власти и являются обязательными для лиц, осуществляющих государственный контроль (надзор). Конечно, официальные разъяснения не обладают всеми параметрами нормативного акта, но имеют некоторые характеристики нормативности.

11. К вышеуказанным тенденциям и особенностям формирования и развития отечественной системы нормативного регулирования стоит добавить и то, что в науке права и в правоприменении присутствует фактор судебного нормотворчества, роль и место которого не определено надлежащим образом, несмотря на длительную научную дискуссию [31; 32].

Представленный юридический срез не исчерпывает всех изменений, происходящих в системе нормативного регулирования Российской Федерации. Однако даже представленные особенности свидетельствуют о том, что развитие нормотворческой системы осуществляется в направлении роста участников нормотворческой деятельности и вовлечения в их орбиту помимо различных органов публичной власти также и негосударственных субъектов. Полагаем, что данная тенденция является результатом усложнения общественных процессов и, как следствие, приводит к усложнению управления соответствующими процессами со стороны государства. В этом контексте государство нуждается в профессионализации нормативного регулирования и расширении его форм и методов.

Данной логике вполне соответствуют и выстраиваемые в рамках административного судопроизводства гибкие подходы к судебной оценке нормативности тех или иных актов, позволяющие широко смотреть на соответствующие вопросы.

Вместе с тем полагаем, что представленные изменения архитектуры нормативного регулирования все же предполагают необходимость анализа данного явления с позиции сохранения целостности и результативности соответствующего регулирования в интересах общества и государства.

Библиографический список

1. Романовская О. В. Конституция и не-государство // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 3–8. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-4-3-8>. EDN: <https://elibrary.ru/txszug>.
2. СОЗД. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/96700088-2> (дата обращения: 01.02.2023).
3. Мелехин А. В. Некоторые проблемы обеспечения стабильности административных и других правоотношений // Административное право и процесс. 2020. № 1. С. 8–13. DOI: <http://doi.org/10.18572/2071-1166-2020-1-8-13>. EDN: <https://elibrary.ru/rauxik>.
4. Верховный Совет РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/27541/> (дата обращения: 01.02.2023).
5. Электронное правосудие. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2f7dfc58-1c88-4937-b693-befc3d80ae80/f2451153-8def-406d-8786-0a4e086eee8e/A55-25139-2021_20211110_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.02.2023).
6. Самарский областной суд. URL: https://oblsud--sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&id=30360951&uid=62bb7346-77cc-40f2-88cd-148f9bf23492&deloId=1540005&_caseType=&_new=0&srv_num=1 (дата обращения: 01.02.2023).

7. Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 10. Ст. 1146. URL: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1001998010000&page=1&sort=position&limit=50&docid=1007&volid=1001998010000>.
8. Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 12. Ст. 1855. URL: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002020012000&page=5&sort=position&limit=50&docid=216&volid=1002020012000>.
9. Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 45. Ст. 4408. URL: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1001995045000&page=4&sort=position&limit=50&docid=348&volid=1001995045000>.
10. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001> (дата обращения: 01.02.2023).
11. ФКЗ «О референдуме в Российской Федерации» от 30.12.2021 № 4-ФКЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102087594> (дата обращения: 01.02.2023).
12. Шарадина Н. Л. Цифровая экономика как приоритетная национальная цель развития Российской Федерации: правовой аспект // Финансовое право. 2018. № 9. С. 17–21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35559381>. EDN: <https://elibrary.ru/xynlbz>.
13. ФЗ «Об обороне» от 04.11.2022 № 419-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041583> (дата обращения: 01.02.2023).
14. ФКЗ «О Конституции Российской Федерации» от 06.11.2020 № 4-ФКЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46015> (дата обращения: 01.02.2023).
15. Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 (ред. от 14.02.2023) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15490 (дата обращения: 01.02.2023).
16. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570 (дата обращения: 01.02.2023).
17. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119 (дата обращения: 01.02.2023).
18. ФЗ «О безопасности» от 09.11.2020 № 365-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102144301&rdk=&intelsearch=> (дата обращения: 01.02.2023).
19. Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146. URL: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002006011000&page=1&sort=position&limit=50&docid=16&volid=1002006011000>.
20. Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1. URL: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002002001000&page=1&sort=position&limit=50&docid=98&volid=1002002001000>.
21. Федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72969/475ddbaf4fdc45ae7ae4fa0112e2cc4a803a3ee0 (дата обращения: 01.02.2023).
22. Федеральный закон от 14.07.2022 № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140012?index=8&rangeSize=1> (дата обращения: 01.02.2023).
23. Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. №28. Ст. 3767. URL: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002013028000&page=3&sort=position&limit=50&docid=120&volid=1002013028000>.
24. Федеральный закон «О федеральной территории «Сириус»» от 22.12.2020 № 437-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371784/ (дата обращения: 01.02.2023).
25. Марченко М. Н. Источники права: учеб. пособие. Москва: ТК «Велби»; Проспект, 2005. 283 с. URL: <https://studfile.net/preview/16750462/>.
26. Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 18. Ст. 2218. URL: <http://szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1001999018000&page=1&sort=position&limit=50&docid=2735&volid=1001999018000>.
27. Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» от 01.12.2007 № 315-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967 (дата обращения: 01.02.2023).
28. Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 13. Ст. 1177. URL: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002003013000&page=1&sort=position&limit=50&docid=62&volid=1002003013000>.

29. Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391. URL: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002015010000&page=1&sort=position&limit=50&volid=1002015010000&docid=2>.
30. Федеральный закон «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358670/ (дата обращения: 01.02.2023).
31. Кутафин О. Е. Источники конституционного права Российской Федерации. Москва: Юрист, 2002. С. 142–143. URL: <https://knigi-for.me/books/nauchnye-i-nauchno-populjarnye-knigi/sci-juris/200043-oleg-kutafin-istochniki-konstitucionnogo-prava.html>.
32. Современные проблемы организации публичной власти: монография / С. А. Авакьян, А. М. Арбузкин, И. П. Кененова [и др.]; рук. авт. кол. и отв. ред. С. А. Авакьян. Москва: Юстицинформ, 2014. 596 с. URL: https://www.law.msu.ru/uploads/files/local_documents/nauchnie%20proekti/Современные%20проблемы%20организации%20публичной%20власти.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=24043880>. EDN: <https://elibrary.ru/ugdysd>.

References

1. Romanovskaya O. V. *Konstitutsiya i ne-gosudarstvo [Constitution and Non-State]. Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo [Constitutional and Municipal Law]*, 2021, no. 4, pp. 3–8. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-4-3-8>. EDN: <https://elibrary.ru/txszug> [in Russian].
2. SOZD. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/96700088-2> (accessed 01.02.2023) [in Russian].
3. Melekhin A. V. *Nekotorye problemy obespecheniya stabil'nosti administrativnykh i drugikh pravootnoshenii [Some issues of securing stability of administrative and other relationships]. Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*, 2020, no. 1, pp. 8–13. DOI: <http://doi.org/10.18572/2071-1166-2020-1-8-13>. EDN: <https://elibrary.ru/rauxik> [in Russian].
4. Vsrfr.ru. Available at: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/27541/> (accessed 01.02.2023) [in Russian].
5. Kad.arbitr.ru. Available at: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2f7dfc58-1c88-4937-b693-befc3d80ae80/f2451153-8def-406d-8786-0a4e086eee8e/A55-25139-2021_20211110_Opreделение.pdf?isAddStamp=True (accessed 01.02.2023) [in Russian].
6. Samarskiy oblastnoy sud [Samara Regional Court]. Available at: https://oblsud--sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=30360951&_uid=62bb7346-77cc-40f2-88cd-148f9bf23492&_deloId=1540005&_caseType=&_new=0&srv_num=1 (accessed 01.02.2023) [in Russian].
7. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [Collected Legislation of the Russian Federation]*, 1998, no. 10, Article 1146. Available at: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1001998010000&page=1&sort=position&limit=50&docid=1007&volid=1001998010000> [in Russian].
8. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [Collected Legislation of the Russian Federation]*, 2020, no. 12, Article 1855. Available at: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002020012000&page=5&sort=position&limit=50&docid=216&volid=1002020012000> [in Russian].
9. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [Collected Legislation of the Russian Federation]*, 1995, no. 45, Article 4408. Available at: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1001995045000&page=4&sort=position&limit=50&docid=348&volid=1001995045000> [in Russian].
10. *Zakon Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 14.03.2020 № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya pубличной власти» [Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ «On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities»]*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001> (accessed 01.02.2023) [in Russian].
11. *FKZ «O referendumе v Rossiyskoy Federatsii» ot 30.12.2021 № 4-FKZ [FKZ «On a referendum in the Russian Federation» dated December 30, 2021 No. 4-FKZ]*. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102087594> (accessed 01.02.2023) [in Russian].
12. Sharandina N. L. *Tsifrovaya ekonomika kak prioritetnaya natsional'naya tsel' razvitiya Rossiiskoi Federatsii: pravovoi aspekt [The digital economy as a priority national goal of the development of the Russian Federation: a legal aspect]. Finansovoe pravo [Financial Law]*, 2018, no. 9, pp. 17–21. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35559381>. EDN: <https://elibrary.ru/xynlbz> [in Russian].
13. *FZ «Ob oborone» ot 04.11.2022 № 419-FZ [Federal Law «On Defense» dated November 4, 2022 No. 419-FZ]*. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041583> (accessed 01.02.2023) [in Russian].
14. *FKZ «O Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii» ot 06.11.2020 № 4-FKZ [FKZ «On the Constitution of the Russian Federation» dated November 6, 2020 No. 4-FKZ]*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46015> (accessed 01.02.2023) [in Russian].
15. *Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 13.08.1997 № 1009 (red. ot 14.02.2023) «Ob utverzhdenii Pravil podgotovki normativnykh pravovykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti i ikh gosudarstvennoy registratsii» [Decree of the Government of the Russian Federation of August 13, 1997 No. 1009 (as amended on February 14, 2023) «On*

approval of the Rules for the preparation of regulatory legal acts of federal executive bodies and their state registration»]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15490 (accessed 01.02.2023) [in Russian].

16. *Federal'nyy zakon «O Tsentral'nom banke Rossiyskoy Federatsii (Banke Rossii)» ot 10.07.2002 № 86-FZ (poslednyaya redaktsiya)* [Federal Law «On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)» dated July 10, 2002 No. 86-FZ (last edition)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570 (accessed 01.02.2023) [in Russian].

17. *Federal'nyy zakon «Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastiye v referendume grazhdan Rossiyskoy Federatsii» ot 12.06.2002 № 67-FZ (poslednyaya redaktsiya)* [Federal Law «On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation» dated June 12, 2002 No. 67-FZ (last edition)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119 (accessed 01.02.2023) [in Russian].

18. *FZ «O bezopasnosti» ot 09.11.2020 № 365-FZ* [Federal Law «On Security» dated November 9, 2020 No. 365-FZ]. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102144301&rdk=&intelsearch=> (accessed 01.02.2023) [in Russian].

19. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2006, no. 11, Article 1146. Available at: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002006011000&page=1&sort=position&limit=50&docid=16&volid=1002006011000> [in Russian].

20. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2002, no. 1 (Part 1), Article 1. Available at: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002002001000&page=1&sort=position&limit=50&docid=98&volid=1002002001000> [in Russian].

21. *Federal'nyy zakon ot 01.12.2007 № 317-FZ (red. ot 14.07.2022) «O Gosudarstvennoy korporatsii po atomnoy energii "Rosatom"»* [Federal Law No. 317-FZ of December 1, 2007 (as amended on July 14, 2022) «On the State Atomic Energy Corporation "Rosatom"»]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72969/475ddbaf4f4dc45ae7ae4fa0112e2cc4a803a3ee0 (accessed 01.02.2023) [in Russian].

22. *Federal'nyy zakon ot 14.07.2022 № 236-FZ «O Fonde pensionnogo i sotsial'nogo strakhovaniya Rossiyskoy Federatsii»* [Federal Law No. 236-FZ of July 14, 2022 «On the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation»]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140012?index=8&rangeSize=1> (accessed 01.02.2023) [in Russian].

23. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2013, no. 28, Article 3767. Available at: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002013028000&page=3&sort=position&limit=50&docid=120&volid=1002013028000> [in Russian].

24. *Federal'nyy zakon «O federal'noy territorii "Sirius"» ot 22.12.2020 № 437-FZ (poslednyaya redaktsiya)* [Federal Law No. 437-FZ dated December 22, 2020 «On the Federal Territory "Sirius"» (last edition)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371784 (accessed 01.02.2023) [in Russian].

25. Marchenko M. N. *Istochniki prava: ucheb. posobie* [Sources of law: textbook]. Moscow: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2005, 283 p. Available at: <https://studfile.net/preview/16750462> [in Russian].

26. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1999, no. 18, Article 2218. Available at: <http://szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1001999018000&page=1&sort=position&limit=50&docid=2735&volid=1001999018000> [in Russian].

27. *Federal'nyy zakon «O samoreguliruyemykh organizatsiyakh» ot 01.12.2007 № 315-FZ (poslednyaya redaktsiya)* [Federal Law «On Self-Regulatory Organizations» dated December 1, 2007 No. 315-FZ (last edition)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967 (accessed 01.02.2023) [in Russian].

28. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2003, no. 13, Article 1177. Available at: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002003013000&page=1&sort=position&limit=50&docid=62&volid=1002003013000> [in Russian].

29. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2015, no. 10, Article 1391. Available at: <http://www.szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002015010000&page=1&sort=position&limit=50&volid=1002015010000&docid=2> [in Russian].

30. *Federal'nyy zakon «Ob obyazatel'nykh trebovaniyakh v Rossiyskoy Federatsii» ot 31.07.2020 № 247-FZ (poslednyaya redaktsiya)* [Federal Law «On Mandatory Requirements in the Russian Federation» dated July 31, 2020 No. 247-FZ (last edition)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358670/ (accessed 01.02.2023) [in Russian].

31. Kutafin O. E. *Istochniki konstitutsionnogo prava Rossiiskoi Federatsii* [Sources of constitutional law of the Russian Federation]. Moscow: Yurist", 2002, pp. 142–143. Available at: <https://knigi-for.me/books/nauchnye-i-nauchno-populjarnye-knigi/sci-juris/200043-oleg-kutafin-istochniki-konstitucionnogo-prava.html> [in Russian].

32. *Sovremennyye problemy organizatsii publichnoy vlasti: monografiya. S. A. Avak'yan, A. M. Arbuzkin, I. P. Kenenova i dr.; ruk. avt. kol. i otv. red. S.A. Avak'yan* [Avakyan S. A., Arbuzkin A. M., Kenenova I. P. et al. Modern problems of public authority organization: monograph; head of the writing team and executive editor Avakyan S. A.]. Moscow: Yustitsinform, 2014, 596 p. Available at: https://www.law.msu.ru/uploads/files/local_documents/nauchnie%20proekti/Sovremennyye%20problemy%20organizatsii%20pubличной%20власти.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=24043880>. EDN: <https://elibrary.ru/ugdydsd> [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 349.222

Дата поступления: 19.03.2023

рецензирования: 21.04.2023

принятия: 30.05.2023

Особенности реализации правовых предписаний, предусматривающих коллективно-договорное регулирование в сфере труда

В. А. Процевский

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

E-mail: VAProtsevskiy@sevsu.ru

С. В. Очкуренко

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

E-mail: SVOchkurenko@sevsu.ru

А. П. Никитина

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

E-mail: apnikitina@sevsu.ru

Е. В. Горлов

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

E-mail: evgorlov@sevsu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются понятия социального партнерства и социального диалога, отражающие формы правовых отношений субъектов коллективно-правового регулирования. Отмечаются тенденции дальнейшего сочетания частного и публичного правового регулирования индивидуальных, коллективных и государственных интересов субъектов трудового права. Анализируются нормативные правовые акты международного права и национального законодательства, регламентирующие отношения в социально-трудовой сфере. Исследуются точка зрения о необходимости существования коллективных трудовых отношений и их взаимодействие с индивидуальными трудовыми отношениями. Коллективный договор должен занять принципиально важное место в локальном регулировании труда.

Ключевые слова: социальное партнерство; социальный диалог; коллективный договор; трудовой коллектив; профессиональные союзы; защита трудовых прав; коллективные правовые отношения; коллективно-договорное регулирование.

Цитирование. Процевский В. А., Очкуренко С. В., Никитина А. П., Горлов Е. В. Особенности реализации правовых предписаний, предусматривающих коллективно-договорное регулирование в сфере труда // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 2. С. 49–59. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-49-59>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Процевский В. А., Очкуренко С. В., Никитина А. П., Горлов Е. В., 2023

Виктор Александрович Процевский – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Трудовое право», Севастопольский государственный университет, 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.

Сергей Владимирович Очкуренко – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедры «Финансовое и банковское право», Севастопольский государственный университет, 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.

Алина Петровна Никитина – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры «Гражданское право и процесс», Севастопольский государственный университет, 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.

Евгений Владимирович Горлов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Международное, морское и таможенное право», Севастопольский государственный университет, 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская 33.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 19.03.2023

Revised: 21.04.2023

Accepted: 30.05.2023

Features of the implementation of legal instructions providing collective-agreement regulation in the sphere of labor

V. A. Protsevskiy

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

E-mail: VAProtsevskiy@sevsu.ru

S. V. Ochkurenko

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

E-mail: SVOchkurenko@sevsu.ru

A. P. NikitinaSevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation
E-mail: apnikitina@sevsu.ru**E. V. Gorlov**Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation
E-mail: evgorlov@sevsu.ru

Abstract: The article deals with the concepts of social partnership and social dialogue, reflecting the forms of legal relations of subjects of collective legal regulation. There are tendencies of further combination of private and public legal regulation of individual, collective and state interests of subjects of labor law. The normative-legal acts of international law and national legislation regulating relations in the social and labor sphere are analyzed. The point of view about the need for the existence of collective labor relations and their interaction with individual labor relations is investigated. The collective agreement should take a fundamentally important place in local labor regulation.

Key words: social partnership; social dialogue; collective agreement; labor collective; trade unions; protection of labor rights; collective legal relations; collective agreement regulation.

Citation. Protsevskiy V. A., Ochkurenko S. V., Nikitina A. P., Gorlov E. V. *Osobennosti realizatsii pravovykh predpisaniy, predumtrivayushchikh kollektivno-dogovornoe regulirovanie v sfere truda* [Features of the implementation of legal instructions providing collective-agreement regulation in the sphere of labor]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 2, pp. 49–59. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-49-59> [in Russian].

Information on the conflict of interest: authors declare no conflict of interest.

© Protsevskiy V. A., Ochkurenko S. V., Nikitina A. P., Gorlov E. V., 2023

Viktor A. Protsevskiy – Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Labor Law, Sevastopol State University, 33, Universitetskaya Street, Sevastopol, 299053, Russian Federation.

Sergey V. Ochkurenko – Doctor of Laws, associate professor, head of the Department of Financial and Banking Law, Sevastopol State University, 33, Universitetskaya Street, Sevastopol, 299053, Russian Federation.

Alina P. Nikitina – Doctor of Laws, associate professor, associate professor of the Department of Civil Law and Process, Sevastopol State University, 33, Universitetskaya Street, Sevastopol, 299053, Russian Federation.

Evgeny V. Gorlov – Candidate of Laws, associate professor, associate professor of the Department of International, Maritime and Customs Law, Sevastopol State University, 33, Universitetskaya Street, Sevastopol, 299053, Russian Federation.

Суверенность и независимость России объективно обусловили экономические, политические и социальные преобразования в государстве. Эти процессы характеризуются демократизацией, децентрализацией и существенными изменениями во всех сферах общества. Что касается темы исследования, важнейшие изменения произошли и продолжают происходить в социально-трудовой сфере в связи с реформированием экономики на рыночных началах, что значительно распространило ее частный характер и реформирование на демократических началах всех звеньев общественной жизни. К сожалению, трансформация экономики не всегда сопровождается соблюдением прежде всего трудовых прав и социальных гарантий граждан, а потому не уменьшается количество коллективных трудовых конфликтов, споров, скрытых противоречий.

Практика свидетельствует, что главной причиной этого является нарушение некоторыми работодателями положений законодательства о труде, а также коллективных договоров и соглашений. Такая негативная практика приводит к задержке выплаты заработной платы, нарушениям при принятии и увольнении с работы. Особое беспокойство вызывает применение непредвиденных законодательством о труде штрафов, внедрение режима рабочего времени, который нарушает нормы трудового права, чрезмерная эксплуатация труда (часто скрытая), отсутствие колдоговоров, «тенизация» заработной платы и уклонение от уплаты взносов в фонды социального страхования и т. д. Все эти нарушения законодательства о труде

касаются интересов работников и отражаются на психологическом климате трудового коллектива, а также и на результатах производства.

Современное состояние социально-трудовых отношений требует выяснения всех причин этих неурядиц и, самое главное, связанных с отношениями «труда» и «капитала». Как известно, эти отношения прошли длительную эволюцию и сейчас оформились в так называемое социальное партнерство в ведущих рыночных странах. Социальное партнерство пробивает себе дорогу и в нашем законодательстве, и на практике. В конечном результате труда должны быть заинтересованы: работодатель – в максимальных прибылях; работник – в получении высокого вознаграждения и государство – в качественной продукции. Объединение таких интересов закрепляется соответствующим правовым регулированием.

Любое изменение в ориентации, любой поворот к другой цели в правовом регулировании интересов субъектов общественных отношений повлечет собой всей системы отношений, она перестанет быть гармоничной и в конце концов станет источником создания теневых правил игры. Что, к сожалению, встречается в нашем правовом поле. В этом исследовании нас интересует тот аспект в методе правового регулирования, который касается гармонизации социально-трудовых отношений, то есть человека труда, который стоит в центре содержания этих отношений. Именно особенности использования труда создают объективную возможность для правовой регламентации, отличной от регламентации гражданско-правовых имуще-

ственных соглашений. Именно поэтому автономия правовых норм, регулирующих труд, не может не учитывать внешних факторов, связанных с потребностями рынка потребления, ибо сложность экономических процессов имеет непосредственное отношение к результатам труда [1, с. 114]. Этот фактор также влияет на способ правового регулирования труда, трудовых отношений, определяя сущность такой отрасли права Российской Федерации (далее – РФ), как трудовое.

На трудовое право влияют не только внутренние факторы, определяющие особенности способа регулирования трудовых отношений, но и внешние составляющие экономического характера. Поэтому трудовое право всегда рассматривалось в сочетании черт частного и публичного права, индивидуального и коллективного интересов. Эта тенденция, получившая в современных условиях хозяйствования более широкую сферу применения, и является предметом исследования. Ведь далеко не простой предмет труда объясняет сложность правового регулирования, имущественное неравенство в правовом статусе сторон трудовых отношений и попытки их искусственного выравнивания, предоставляя более широкие преференции одной из сторон. Как следствие – одностороннее решение проблемы часто обостряет социальные отношения, и вместо ожидаемого получаем все «наоборот».

Для устранения позорного для нашего общества явления – «теневой экономики» – необходимо активное привлечение институтов гражданского общества для осуществления государственной политики. Интересным является тот факт, что такая деятельность должна быть направлена не только на формирование благоприятной среды для дальнейшего становления в РФ гражданского общества, но и налаживание эффективного механизма взаимодействия его институтов с государственными и муниципальными органами на основе партнерства и взаимной ответственности с целью достижения высоких стандартов прав и свобод. Исходя из содержания ст. 30 Конституции РФ [2], можно сделать вывод, что профессиональные союзы являются важным институтом гражданского общества, объединяющим граждан с целью защиты своих трудовых отношений, социально-экономических прав и интересов. Именно партнерство профсоюзов как института гражданского общества с работодателями должно стать самым эффективным способом достижения высоких стандартов прав работников. Изложенное выше усиливает необходимость обратиться к национальному и зарубежному опыту регулирования трудовых правоотношений. Этим опытом правового регулирования трудовых отношений является такая правовая форма, как социальное партнерство.

Исследователи этого правового явления рассматривают его с разных сторон. Определению этого понятия, его сущности посвящены исследования многих ученых. Так, М. В. Лушникова рассматривала социальное партнерство как метод

трудового права [3, с. 37–67], как способ решения социальных проблем, регулирования трудовых отношений [4], В. М. Лебедев – как форму сотрудничества между работодателями, работниками и государством [5, с. 60]. Исследователи определяют отдельные элементы, которые характеризуют это сложное, очень важное явление в современных условиях хозяйствования. На основании анализа ст. 23 Трудового кодекса РФ (далее – ТК) наиболее полное определение термина «социальное партнерство», охватывающее почти все элементы, характеризующие содержание этого явления, предложил С. Ю. Чуча. [6, с. 27]. Действительно, социальное партнерство – это система отношений между сотрудниками, работодателями и государством (в лице различных органов власти), возникающих в процессе реализации их социально-экономических интересов. Что касается цели, принципов социального партнерства, его места в системе права, метода и механизма регулирования, то это относится уже к характеристике сущности самого этого явления. Эти элементы характеристики социального партнерства хорошо исследованы А. С. Пашковым [7, с. 436], М. В. Лушниковым [8, с. 237], Т. А. Сошниковым [9, с. 108] и др.

Настоящее социальное партнерство осуществляется на основе сотрудничества, компромиссов в сфере социально-трудовых отношений. В нем проявляется принцип социальной политики государства, которое пытается обеспечить справедливость в условиях рыночной экономики отношений. Социальное партнерство – это способ, с помощью которого работники оценивают собственное поведение, поведение работодателей и государства в справедливом распределении материальных ценностей, которые созданы их трудом. Также социальное партнерство – это признание его сторон иметь право на собственные экономические интересы, которые могут не совпадать. Это их желание сотрудничать ради социального мира и повышения жизненного уровня людей. Отсюда главными партнерами социального партнерства являются собственники средств производства, предприниматели, работодатели и наемные работники. Третьей стороной социального партнерства очень часто выступает государство в лице конкретных органов государственного, территориального, отраслевого, муниципального управления. Особенности субъектов социального партнерства, его цель и значение с появлением этого явления исследовал В. А. Михеев [10]. Роль государства в социальном партнерстве специфична, что определяется его двойственным положением: во-первых, государство является собственником определенной доли средств производства, и, во-вторых, оно – гарант соблюдения социальными партнерами действующих законов, гарант социального мира в обществе. Социальное партнерство, таким образом, – это правовая форма, которая способствует достижению социального баланса между его сторонами. Очевидно, что правовыми средствами индивидуального трудового права не

решить этих проблем. В основе социального партнерства лежит коллективный интерес его сторон. Социальное партнерство проявляется в заключении коллективных договоров и соглашений, согласовании нормативных правовых актов, консультациях между его сторонами на всех уровнях.

В странах с развитой рыночной экономикой идеология социального партнерства встроена в социально-трудовые отношения, хотя его модели, бипатризм и трипатризм, в разных странах отличаются организационно-правовым механизмом [11, с. 38–43]. Наиболее распространен трипатризм во Франции, Швеции, Австрии, где государство выполняет активную функцию социального партнера. Бипатризм применяется в США, Канаде, Великобритании. В такой модели государство является посредником при возникновении социальных конфликтов. Такая форма социального партнерства, как компаративистская система, предполагает использование специальных процедур и механизмов и действует в Австрии, Швеции, Японии, ФРГ, Швейцарии, Нидерландах.

Социальное партнерство, как известно, возникло благодаря деятельности Международной организации труда, которая разрабатывает и принимает концепции и рекомендации по вопросам социального диалога и партнерства. Среди нормативных актов, регулирующих такие отношения, можно перечислить Конвенцию № 87 о свободе ассоциации и защите права на организацию (1948 г.); Конвенцию № 98 о праве на организацию и ведение коллективных переговоров (1949 г.); Конвенцию № 144 о трехсторонних консультациях для содействия применению международных трудовых норм (1976 г.); Конвенцию № 154 о содействии коллективным переговорам (1981 г.); Конвенцию № 135 о защите прав представителей работников на предприятии и предоставляемых им возможностях (1971 г.) [12].

Социальное партнерство осуществляется на национальном, отраслевом и территориальном уровнях. Вследствие терминологической эволюции в России правомерным является применение двух терминов: «социальное партнерство» и «социальный диалог». Поэтому социальное партнерство и социальный диалог отражают лишь форму отношений субъектов коллективно-правового регулирования при урегулировании коллективно-трудовых отношений, следовательно, проведение консультаций, переговоров является социальным диалогом. Заключение договоров, соглашений между субъектами правоотношений в сфере применения наемного труда является социальным партнерством [13, с. 57].

Рыночные отношения объективно требуют создания соответствующего им нового правового механизма регулирования. Публичное, исключительно централизованное правовое регулирование уже не в состоянии выполнить эту функцию. Появились к этому времени неизвестные субъекты права на стороне работодателя; средства производства, принадлежащие частному лицу, и тому

подобное. Тот правовой статус работодателя, который принадлежал государственному предприятию, организации или учреждению, оказался непригодным для частного предпринимателя – работодателя. Частная собственность имеет те же привилегии, что и государственная. Следовательно, надо менять правовой статус работодателя. Правовой статус работника, соответственно, тоже нельзя оставить таким, как был. Нужны новые формы отношений между работодателем и работником. Вот почему поиск этих новых форм отношений и привел к появлению социального диалога и социального партнерства. Вот почему возникает необходимость создания новых представительных органов как от работников, так и от работодателей со своими правами и обязанностями, в основе деятельности которых должны лежать принципы правового социального государства. Цель их деятельности – найти критерии баланса интересов работников и работодателей ради развития государства и благополучия общества. Но если на уровне предприятия сотрудничество между социальными партнерами в определенной степени урегулировано, то на региональном, отраслевом, национальном уровнях необходимо еще формировать совершенно новую правовую модель. Нужен новый Закон о социальной защите, который будет соответствовать этим требованиям.

Российские собственники предприятий пока не готовы привлекать работников к принятию стратегических управленческих решений. Они предпочитают лучше «подкармливать» работников через выплату неофициальной части заработной платы – «в конвертах». Деятельность отдельных частных предприятий не отражена в документах бухгалтерского учета и происходит в теневом секторе. В РФ корпоративная социальная ответственность медленно распространяется, но говорить о ней как о массовом явлении пока рано.

За последнее десятилетие международное общество стало свидетелем значительных изменений в социальном диалоге, которые произошли в результате заключения Маастрихтского договора. Социальным партнерам были предоставлены новые и расширенные действующие полномочия в разработке социальной политики на европейском уровне. Двусторонние отношения на уровне предприятий, учреждений, организаций предоставляют возможность работникам участвовать в управлении предприятием, хотя работники используют это право не в полной мере. Однако наличие нормы без механизма ее реализации нивелирует содержание нормы. Интересным представляется зарубежный опыт в подобных ситуациях. Следует отметить, что мировая практика в целом предусматривает бипатризм на производственном уровне и трипатризм на отраслевом, территориальном и национальном уровнях социального партнерства с государственным поощрением сотрудничества между работниками и работодателем. Иными словами, государство обязывает стороны социально-трудовых отношений сотрудничать.

Своеобразной моделью является в Японии комиссия по трудовым отношениям. Последняя состоит из одинакового представительства предпринимателей, работников и государственных чиновников, назначаемых министром труда. В соответствии с южнокорейской моделью социального партнерства двусторонние отношения работодателей и работников четко урегулированы соответствующим законодательством, однако комитеты по вопросам труда на трехстороннем уровне, кроме общенационального, могут носить специальный и локальный характер. В США действует Национальное управление по трудовым отношениям, которое проводит выборы коллективно-договорного представителя и удостоверяет их результаты. Европейской комиссией была опубликована так называемая Зеленая книга «Партнерство для новой организации труда». Центральной идеей этой книги является концепция «эластичной фирмы», то есть предприятия, которое применяет открытые производственные процессы и способно к самоорганизации, преобразованию, способствующему мобильному приспособлению к рынку и требованиям потребителей.

Из очень краткого обзора вопросов, связанных с социальным диалогом (партнерством), следует сделать следующие выводы. Социальный диалог (партнерство): дополняет классическую парламентскую демократию; не противоречит рыночной экономике; способствует социальному согласию и стабильности. Все изложенное, а также анализ зарубежной практики позволит при желании выработать необходимый механизм и приведет к экономическому росту и социальной стабильности. Несмотря на этот заметный толчок к воплощению в нашу жизнь таких явлений, как социальное партнерство и социальная ответственность, их наступательное движение все же не было определяющим. Социальное партнерство рассматривалось только как коллективно-договорное регулирование.

В научной литературе этому вопросу уделяется значительное внимание [14; 15, с. 47]. Но проблема в основном рассматривается с точки зрения понятия и форм коллективно-договорного регулирования, его природы и предмета, на наш взгляд, исследование требует рассмотрения вопроса о месте и роли коллективно-договорного регулирования, его значении в обеспечении прав и интересов сторон трудовых правоотношений. Современному периоду развития общества России свойственно смещение акцентов с централизованного на децентрализованное, с законодательного – на коллективно-договорное, с нормативного – на индивидуально-правовое регулирование таких отношений. Основу предмета трудового права образуют отношения, регулируемые договором. Наблюдается рост договорного регулирования в трудовом праве, поэтому заметны изменения в соотношении централизованного и договорного регулирования. Но, по нашему мнению, централизованное законодательное регулирование не теряет

своего значения. Р. З. Лившиц сделал обоснованный вывод, что расширение локального регулирования происходит не за счет сужения регулирования централизованного [16, с. 163]. Этот вывод Р. З. Лившица нуждается в уточнении. Нельзя отождествлять централизованное и законодательное регулирование. Централизованное регулирование нельзя сводить к принятию законов и подзаконных нормативных актов, поскольку договорное регулирование тоже существует на централизованном уровне посредством генерального и отраслевых соглашений. К тому же содержание многих последних централизованных нормативных актов направлено на расширение именно договорного регулирования. Поэтому, во-первых, локальные нормы находятся в непосредственной зависимости от их правильного сочетания с централизованными нормами. Во-вторых, локальное нормотворчество имеет «пределы», которые установлены в законодательстве.

Социально-трудовые отношения регулируются как централизованными, так и локальными нормативными актами. Эта особенность правового регулирования является одной из характерных особенностей метода трудового права. Сочетание централизованного и локального, нормативного и договорного регулирования является объективной потребностью, поскольку позволяет создать гибкую модель регулирования трудовых отношений, учитывающую особенности каждого предприятия. К тому же договорное регулирование является реализацией принципа социального партнерства, означающего активное участие представительных органов работников в регулировании социально-трудовых отношений. Начиная с трудового договора, когда работник и работодатель непосредственно устанавливают основные условия труда до уровня генеральных соглашений, договорное регулирование является основным средством достижения компромисса между интересами наемных работников и собственников.

Каждый уровень договорного регулирования имеет свои субъекты, предмет (содержание), правовую форму и специфические интересы субъектов. На первом уровне интересы сторон трудовых правоотношений сводятся к тому, что работник стремится получить работу, удовлетворяющую его материальные и другие потребности, а работодатель – высококвалифицированного, добросовестного работника. Заметим, что в одиночку наемные работники не в состоянии защищать свои интересы перед работодателем, поэтому заключение коллективных договоров представительными организациями является общепризнанным в мире средством реализации соответствующего права наемных работников. На втором и третьем уровнях договорного регулирования появляется такая категория, как «коллективный интерес», потому что в социально-трудовых отношениях прослеживается интерес не только его непосредственных участников – работника и работодателя. Для реализации интересов указанных субъектов часто

приходится прибегать к помощи других субъектов трудового права, таких как профсоюзы, объединения работодателей и т. д. Интересы этих субъектов образуются на основе интересов их членов, но не сводятся к ним и даже к их сумме.

Коллективно-договорное регулирование как форма реализации социального партнерства направлено как на обеспечение прав и интересов сторон трудовых отношений, так и на поддержку экономики в целом. В современных условиях растет удельный вес социальных проблем – обеспечение занятости, выплаты заработной платы, создание новых рабочих мест для регионов с массовым высвобождением работников, обеспечение минимальных социальных стандартов. Новое содержание термина «коллективно-договорное регулирование» не может уместиться в старую форму, потому что эти отношения уже нельзя назвать трудовыми.

Термины «коллективно-договорное регулирование», «социально-трудовые отношения» исследователи разных общественных наук толкуют неоднозначно. Экономисты, например, указывают, что общественные трудовые отношения определяют экономические, психологические и правовые аспекты взаимодействия, обусловленные трудовой деятельностью. Их субъектами являются наемный работник, работодатель, профессиональный союз, государство. Социологи рассматривают социально-трудовые отношения как социальные отношения, складывающиеся по поводу труда [17, с. 82]. Ученые в области трудового права утверждают, что термин «социально-трудовые отношения» заменил понятие «трудовые отношения» [18, с. 11; 19, с. 651]. Социально-трудовые отношения, по мнению А. Ф. Нуртдиновой, охватывают круг общественных отношений, входящих как составляющая в предмет трудового права. Это означает, что договором могут регулироваться все отношения, связанные с трудом, а не исключительно трудовые [20, с. 14]. Следовательно, трудовые отношения как отношения по непосредственному выполнению работы входят составной частью в социально-трудовые отношения.

Общественные отношения возникают по поводу реализации не только субъективных прав, принадлежащих работникам или трудовому коллективу, но и необходимости удовлетворения интересов. Если субъективное право – это юридическая категория, которая означает в широком смысле возможность субъекта получить определенные блага, что гарантируется соответствующим механизмом, установленным и обеспеченным государством, то интерес не является правовой категорией. Следует отметить, что круг интересов правом не определяется, гарантии их реализации законодательством не устанавливаются, и фактически единственным средством их регулирования являются коллективно-договорные процедуры и социальное партнерство.

Увеличение роли коллективно-договорного регулирования, безусловно, обеспечивает станов-

ление демократического, правового, социального государства, повышение роли профсоюзов, изменение их статуса в сфере труда и тому подобное. Соответствующее влияние также имеют внешние факторы: построение единого социального пространства; необходимость приведения законодательства РФ в соответствие с универсальными стандартами прав человека ООН. Конечно, это положительный аспект этого вопроса. Но практика сталкивается с фактами, когда коллективно-договорному регулированию труда не хватает централизованного регулирования, потому что собственники средств производства, работодатели не соблюдают требования законодательства о труде, а также условия генеральных, отраслевых и региональных соглашений, то есть социальное партнерство не срабатывает. Локальное регулирование обеспечивает учет особенностей каждого предприятия, учреждения, организации, а этих особенностей очень много.

На наш взгляд, коллективистские основы социального партнерства характеризуют наличие коллективного интереса субъектов; организацию коллективных отношений в области применения наемного труда; характер субъектов, и поэтому социальное партнерство в широком смысле охватывает как коллективно-договорное, так и индивидуальное-договорное регулирование. Работники и работодатели должны быть партнерами, поскольку отношения между ними касаются и труда, и социально-бытовых условий. Социальное партнерство находит отражение в регулировании как коллективном, так и индивидуальном. Если социальное партнерство выходит за пределы предприятия и его трудового коллектива, то его субъектами становятся объединения профсоюзов, работодателей, органы государственной исполнительной власти или муниципалитета. Но от этого не меняется договорная сущность социального партнерства, она лишь принимает форму соглашения (собственно, это и есть договор) – генерального, отраслевого или регионального. Предмет социального партнерства значительно шире, чем в коллективно-договорном регулировании; в него входят не только социально-трудовые, но и социально-экономические отношения в широком смысле. Но от этого договорная сущность социального партнерства не меняется, как и принципы, на которых основано договорное регулирование.

На форму договора влияет уровень социального партнерства. Уважаемые ученые признают трудовой характер отношений, которые составляют предмет коллективно-договорного регулирования. Так, С. А. Иванов, Р. З. Лившиц, Ю. П. Орловский рассматривают трудовые отношения как общую категорию, включающую индивидуальные и коллективные отношения [16, с. 100–112]. Они также регулируются нормами трудового права, возникающими в связи с трудовой деятельностью, их субъектами являются субъекты трудового права, которые реализуют коллективные трудовые права и интересы в этих отношениях. Именно трудовая

природа прав, по реализации которых возникают коллективные правоотношения, и корреспондирующие правам обязанности обуславливают трудовой характер этих правоотношений, а организационный элемент одинаково присущ как коллективному, так и индивидуально-трудовым отношениям. Считаем необоснованной точку зрения относительно наличия коллективных трудовых отношений. Если и можно употреблять термин «коллективные трудовые отношения», то только как организационные по отношению к индивидуальным трудовым отношениям. Так, коллективные переговоры и коллективный договор решают вопрос о бытовых условиях на производстве, своевременной выплате заработной платы, льготах, охране труда, социально-бытовых и других вопросах. Коллективные отношения по организации труда самостоятельного «трудоправового» значения не имеют, потому что они не связаны с выполнением работы напрямую, они не содержат прав и обязанностей субъектов трудовых отношений по выполнению работы. К тому же субъектом этих отношений является трудовой коллектив, а не работник отдельно. Коллективные трудовые отношения не возникают вне индивидуальных, поэтому не могут существовать как самостоятельное правовое явление.

Заключение и существование коллективных договоров проверено и закреплено мировой практикой. Именно в документах предприятия закладываются основы баланса интересов собственников и наемных работников, и недооценивать их нельзя. Да, некоторое количество гарантий для работников зафиксировано законодательством о труде, но их уровень недостаточен для обеспечения надлежащей жизни. Не всегда нормы, которые подчеркивают льготы и гарантии, являются нормами прямого действия. Поэтому в коллективном договоре хозяйствующего субъекта и определяется конкретный уровень таких гарантий. Действующее трудовое законодательство еще далеко от совершенства, от жизни и деятельности трудового коллектива. Отдельные нормы этой жизнедеятельности законодательством обусловлены, но должны вступить в силу лишь благодаря включению их в коллективный договор. Поэтому действующее законодательство предусматривает обязательность заключения коллективного договора. И это требование должно быть реализовано, поскольку именно через коллективный договор осуществляются представительство и защита коллективных интересов, трудовых и социально-экономических прав работников. Именно коллективный договор обеспечивает стабильные и конструктивные отношения между работодателем и работниками.

Коллективно-договорное регулирование является правовой формой реализации принципа социального партнерства, предусматривающего активное участие представительных органов сторон социально-трудовых отношений. Естественно, что каждый из участников трудовых правоотношений имеет свои интересы, которые не всегда совпадают

с интересами другой стороны. Но наличие интересов сторон, которые не совпадают между собой, вовсе не свидетельствует о юридическом неравенстве субъектов трудовых отношений. Другое дело, когда работник в связи с объективными обстоятельствами, а именно подчинением правилам внутреннего распорядка, находится в зависимости от работодателя в период занятости в процессе труда. Это объективное обстоятельство, и говорить о зависимости, о неравенстве, пожалуй, нельзя. Общественная организация труда нуждается в подчинении правилам процесса, который устанавливается работодателем и трудовым коллективом. Интересы работников в этом случае представляет ее защищающий профсоюз.

Конституция РФ закрепила право граждан на свободу объединения в общественные организации. Из этого общего правила Конституция государства выделила и тем акцентировала внимание на такой общественной организации, как профессиональные союзы. Но, к сожалению, как свидетельствует практика, пользоваться правом защиты своих законных интересов работники – члены профсоюза не всегда имеют возможность. Нестабильность и непредсказуемость хозяйственной деятельности создают препятствия в реализации прав как самим работникам, так и создаваемым ими профсоюзам, а также трудовому коллективу, который, кстати, является центром социальной сферы предприятия. Как ни обидно это говорить, но ситуация непрозрачной производственной атмосферы влияет на деятельность правотворческих и судебных органов, в решениях которых наблюдается отход от принципов, заложенных Конституцией РФ по защите прав работников и их профсоюзов. Есть многочисленные факты явного игнорирования прав профсоюзов как законных представителей работников (трудового коллектива предприятия). Хотя, казалось бы, именно на предприятиях должны были бы создаваться условия для развития гражданского демократического общества, если бы работодатели руководствовались провозглашенными принципами постоянного диалога и наличия обратной связи между властью и профессиональными союзами.

Сущности профсоюзного представительства в научной литературе уделено значительное внимание. Сами работники, по мнению Р. З. Лившица и Ю. П. Орловского, не в состоянии противостоять работодателю и защищать свои интересы, а вот объединение работников в большей или меньшей степени может это сделать [21, с. 42]. Отдельные авторы считают, что интересы наемных работников в трудовых правоотношениях должны представлять их законные представители, полномочия которых легализованы и которые в соответствии с целью их создания призваны защищать трудовые права каждого наемного работника. Такими субъектами, согласно действующему законодательству, должны быть профсоюзы. Они и должны выступать участниками коллективно-трудовых правоотношений. Воплощение этой концепции в законодательство означало бы полное возвраще-

ние к профсоюзному монополизму в сфере коллективно-трудовых правоотношений. Собственно, подобный порядок участия представителей трудового коллектива в решении социально-экономических вопросов должен решаться непосредственно на предприятии.

К сожалению, в современных условиях наблюдается процесс неприятия самого факта создания профсоюзных организаций на предприятиях, в основе которых лежит частная собственность. Более того, на таких предприятиях и учреждениях не заключаются коллективные договоры, хотя работники желают участвовать в регулировании вопроса, деятельности предприятия, учреждения. Интересное обоснование такой позиции со стороны работодателей. Они считают, что все вопросы решаются путем заключения трудового договора или контракта. И их это полностью устраивает. Противоположное мнение у работников: на предприятии должен быть профсоюз, который должен защищать их интересы. Именно коллективный договор является тем нормативным актом, который регламентирует трудовые отношения и является действенным правовым механизмом для снятия всех социальных конфликтов на предприятии. Нет другого нормативного акта, который в состоянии обеспечить баланс интересов работников и работодателей, именно коллективный договор, его сбалансированные работниками и работодателем правовые предписания призваны регулировать трудовые и социально-экономические отношения, которые возникают между ними. И главное – коллективный договор устанавливает трудовые и социально-экономические права и гарантии их реализации. В легальном определении коллективного договора (ст. 40 ТК РФ) дан ответ на его правовую природу – правовой акт. Задача науки трудового права – содержательно обосновать это положение и показать его особенности и отличия от других нормативных правовых актов. Хорошо также, что в этом определении исключены производственные отношения как предмет регулирования коллективным договором, ибо они по большому счету не могут регулироваться договором.

Желательно было бы уточнить содержание коллективного договора. Условия коллективного договора имеют две формы выражения – публичную и частную, и определение содержания договора имеет свои особенности. Публичные условия имеют пределы, которые категорически не допускают ухудшения правового статуса работника. Что касается условий частного характера, то его стороны имеют право самостоятельно устанавливать права и обязанности.

Заслуживает внимания вопрос коллективного договора о материальном стимулировании работников за производственные результаты, а также о выплате всевозможных вознаграждений и тому подобное. Следует заметить, что у работников есть возможность через коллективные договоры принуждать работодателей к улучшению условий труда. К сожалению, на многих предприятиях

формально относятся к заключению коллективных договоров; большинство положений имеют декларативный характер, а некоторые пункты являются недостаточно конкретными или совсем непонятными.

Следует обратить внимание на такой факт: нарушение условий коллективного договора не зависит от формы собственности предприятия, на которой оно создано. Отсюда можно сделать вывод, что форма собственности не влияет на определение содержания коллективного договора, хотя, бесспорно, она сказывается на характере условий, которые стороны коллективного договора включают в него. Конечно, работники предприятий разных форм собственности могут иметь разные интересы в отношении заработной платы, безопасности труда, социально-бытового обеспечения. Поэтому если на предприятиях государственной формы собственности основное внимание уделяется стимулированию труда за счет доплат и надбавок, то на предприятиях частной формы собственности (особенно на вновь созданных) больше внимания уделяется организации труда, включая охрану и гигиену труда, оборудование дополнительных санитарно-бытовых помещений, а также возможности для отдыха. Для того чтобы были обеспечены надлежащие социально-бытовые условия работникам всех предприятий, необходимо в ТК РФ предусмотреть положение, согласно которому при регистрации коллективного договора соответствующие органы обязательно бы проверяли наличие положений по обеспечению надлежащих социально-бытовых условий. Особое внимание в современных условиях хозяйствования в коллективных договорах предприятий всех форм собственности должно быть уделено интеллектуализации труда, насыщению его умственной деятельностью. Это означает, что раздел коллективного договора о повышении квалификации работников на данном этапе является очень актуальным. К сожалению, продолжается процесс деквалификации рабочей силы. Предприятия, получающие заказы, не могут их выполнить, поскольку отсутствует квалифицированная часть работников. Есть разные причины, по которым увольняются наиболее квалифицированные работники. Но главная из них – это условия труда и прежде всего низкая заработная плата, отсутствие профессионального роста. Поэтому работодатели должны пересмотреть объемы финансирования профессионального обучения работников, периодичность повышения их квалификации. Целесообразно закладывать средства на повышение квалификации работников в коллективные договоры. В свою очередь, государство через налоговые льготы или иным способом должно активнее стимулировать усилия собственников в вопросе профессионального обучения работников и периодического повышения их квалификации.

Современное состояние правового регулирования коллективно-договорных отношений требует существенного совершенствования и реформирования. Во-первых, предлагается в ТК РФ закрепить

пить норму об ответственности сторон, виновных в отсутствии коллективного договора на предприятии. Во-вторых, в ТК РФ закрепить правило, что главной функцией коллективных договоров является прежде всего определение уровня заработной платы и продолжительности труда и отдыха, обеспечение занятости, дополнительных и досрочных пенсий, страхование инвалидов, а со временем, когда предприятие будет иметь достаточные финансовые и экономические ресурсы, и других условий занятости, льгот и гарантий.

Особого внимания заслуживает вопрос о заключении коллективных договоров на предприятиях с иностранным капиталом, в том числе человеческим, действующих в России, а также предусмотреть право работников таких предприятий вести коллективные переговоры. Представителям работников транснациональных предприятий должны предоставляться необходимые условия для разработки коллективных договоров.

Следует реформировать вопрос относительно контроля за выполнением его условий или согла-

шения на соответствующем уровне, где должна создаваться комиссия из представителей всех сторон переговоров в равном количестве, но не менее одного члена, целью которой является анализ соблюдения положений коллективного договора. Комиссия должна собираться ежеквартально и изучать представленные отчеты социальных партнеров по выполнению мероприятий, предусмотренных коллективным договором, соглашением.

Изложенное позволяет утверждать, что коллективный договор должен занять принципиально важное место в локальном регулировании труда, стать настоящей «Конституцией» предприятия. Если в ТК РФ или в других законах не все интересы сторон трудовых отношений можно учесть, то в коллективных договорах их можно предусмотреть. Потенциальные возможности коллективного договора в полном объеме еще не были реализованы. В содержании коллективного договора надо больше внимания уделять условиям о стимулировании оплаты труда, создании надлежащих социально-бытовых условий.

Библиографический список

1. Процевский В. А., Горлов Е. В., Запорожец С. А. Правовые предписания, с помощью которых достигается необходимое поведение субъектов трудовых правоотношений // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 2. С. 111–118. DOI: <http://dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/111-118>.
2. Конституция Российской Федерации, (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=liwuxrmgrt962030357.
3. Лушникова М. В., Лушников А. М., Гарусина Н. Н. Единство частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых, социально-обеспечительных и семейных отношений: история, теория и практика (сравнительно-правовое исследование); Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2001. 412 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20414169>. EDN: <https://www.elibrary.ru/resutl>.
4. Лушникова М. В., Лушников А. М. Курс права социального обеспечения: монография. 2-е изд. Москва: Юстицинформ, 2009. 656 с. ISBN 978-5-7205-0946-0 // Лань: электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/10610?ysclid=liwvfj0sdh210377719> (дата обращения: 14.01.2023). Режим доступа: для авториз. пользователей.
5. Лебедев В. М., Воронкова Е. Р., Мельникова В. Г. Современное трудовое право (опыт трудового компаративизма). Книга первая. Москва: Статут, 2007. 298 с. URL: <https://mysocrat.com/book-card/9077-sovremennoe-trudovoe-pravo-opyt-trudovogo-komparativizma-kniga-pervaya/?ysclid=liwx300s2r367345564>.
6. Чуча С. Ю. Становление и перспективы развития социального партнерства в Российской Федерации. Москва: Вердикт-1М, 2001. 312 с.
7. Пашков А. С. Избранные труды по трудовому праву. Санкт-Петербург: Изд. дом СПб. гос. ун-та, изд-во юрид. фак., 2006. 502 с.
8. Лушникова М. В., Лушников А. М. Очерки теории трудового права; Ассоциация юрид. центр. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2006. 938 с. URL: <https://scicenter.online/pravo-trudovoe-scicenter/ocherki-teorii-trudovogo-prava-spb-izdatelstvo.html?ysclid=liwxgfabiq87520681>.
9. Сошникова Т. А. Социальное партнерство как важный элемент механизма защиты трудовых прав работников // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2008. № 1. С. 108–121. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11152372>. EDN: <https://elibrary.ru/jkbfv>.
10. Михеев В. А., Михеев А. В. Социальное партнерство: теория, политика, практика; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. Москва, 2003. 549 с. ISBN 5-94761-050-7. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19654297>. EDN: <https://elibrary.ru/qocmaz>.
11. Хохлов Е. Б. Очерки истории правового регулирования труда в России. Часть 1. Правовое регулирование труда в Российской империи. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 1999. 196 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24174931>. EDN: <https://elibrary.ru/ujanij>.
12. Международная организация труда. Конвенции и рекомендации, принятые МОТ 1965–1999 гг.: в 2 т. Женева: Международное бюро труда.

13. Viktor Protsevsky. Social Partnership Acts as a Legal Form for Implementing the Results of Social Dialogue // Almanach (Actual Issues in World Economics and Politics), Economická univerzita, Fakulta medzinárodných vzťahov EU v Bratislave, 2018, vol. 13 (4), pp. 52–61.
14. Еремина С. Н. Коллективно-договорное регулирование в России: проблемные вопросы // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2018. Том 5. № 2. С. 54–61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivno-dogovornoe-regulirovanie-v-rossii-problemnye-voprosy?ysclid=liwzvc9zww488694055> (дата обращения: 11.03.2023); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36650959>. EDN: <https://elibrary.ru/yrqhed>.
15. Колобова С. В. Коллективно-договорное регулирование трудовых отношений // Гражданин и право. 2018. № 4. С. 45–51. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35172074>. EDN: <https://elibrary.ru/xrt Dop>.
16. Иванов С. А., Лившиц Р. З., Орловский Ю. П. Советское трудовое право: вопросы теории. Москва: Наука, 1978. 368 с.
17. Лукашевич Н. П. Социология труда. Киев, 2001. 312 с.
18. Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1998. 40 с.
19. Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы международного «круглого стола», Черновцы, 21–23 сентября 2006 г. Нижний Новгород, 2007.
20. Нуртдинова А. Ф., Окуньков Л. А., Френкель Э. Б. Комментарий к законодательству о социальном партнерстве. Москва, 1996. 352 с.
21. Трудовое право России: учебник; отв. ред. Р. З. Лившиц, Ю. П. Орловский. Москва: Юрид. лит., 1998. 427 с. URL: https://421415.ru/downloads/library/ot/5/41_Трудовое%20право%20РоссииУчебник_2010.pdf?ysclid=lix14gj9ok112942240.

References

1. Protsevskii V.A., Horlov E. B., Zaporozhets C. A. *Pravovye predpisaniya, s pomoshch'yu kotorykh dostigaetsya neobkhodimoe povedenie sub'ektov trudovykh pravootnoshenii* [Legal regulations by means of which the necessary behavior of subjects of labor relations is achieved]. *Aziatsko-tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo* [Pacific RIM: Economics, Politics, Law], 2022, vol. 24, no. 2, pp. 111–118. DOI: <http://dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/111-118> [in Russian].
2. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennyymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020)* [Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=liwuxrmgrt962030357 [in Russian]
3. Lushnikova M. V., Lushnikov A. M., Tarusina N. N. *Edinstvo chastnykh i publichnykh nachal v pravovom regulirovani trudovykh, sotsial'no-obespechitel'nykh i semeinykh otnoshenii: istoriya, teoriya i praktika (sravnitel'no-pravovoe issledovanie)* [Unity of private and public principles in the legal regulation of labor, social security and family relations: history, theory and practice (comparative legal research)]. Yaroslavl: YarGU, 2001, 412 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20414169>. EDN: <https://www.elibrary.ru/resutl> [in Russian].0
4. Lushnikova M. V., Lushnikov A. M. *Kurs prava sotsial'nogo obespecheniya: monografiya. 2-e izd.* [Course of social security law: monograph. 2nd edition]. Moscow: Yustitsinform, 2009, 656 p. ISBN 978-5-7205-0946-0. Text: electronic. Retrieved from Lan: *electronic and library system*. Available at: <https://e.lanbook.com/book/10610?ysclid=liwvfj0s dh210377719> (accessed 14.01.2023). Access mode: for authorized users [in Russian].
5. Lebedev V. M., Voronkova E. R., Melnikova V. G. *Sovremennoe трудовое право (opyt trudopravovogo komparativizma). Kniga pervaya* [Modern labor law (experience of labor law comparativeism). Book one]. Moscow: Statut, 2007, 298 p. URL: <https://mysocrat.com/book-card/9077-sovremennoe-trudovoe-pravo-opyt-trudovogo-komparativizma-kniga-perva ya/?ysclid=liwx300s2r367345564> [in Russian].
6. Chucha S.Yu. *Stanovlenie i perspektivy razvitiya sotsial'nogo partnerstva v Rossiiskoi Federatsii* [Formation and development prospects of social partnership in the Russian Federation]. Moscow: Verdikt-1M, 2001, 312 p. [in Russian].
7. Pashkov A. S. *Izbrannye trudy po трудовому pravu* [Selected works on labor law]. Saint Petersburg: Izd. dom SPb. gos. un-ta, izd-vo yurid. fak., 2006, 502 p. [in Russian].
8. Lushnikova M. V., Lushnikov A. M. *Ocherki teorii trudovogo prava* [Essays on the theory of labor law]. Saint Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2006, 938 p. Available at: <https://scicenter.online/pravo-trudovoe-scicenter/ocherki-teorii-trudovogo-prava-spb-izdatelstvo.html?ysclid=liwxgfa6iq87520681> [in Russian].
9. Soshnikova T. A. *Sotsial'noe partnerstvo kak vazhnyi element mekhanizma zashchity trudovykh prav rabotnikov* [Social partnership as an important element of the mechanism for protecting the labor rights of workers]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS], 2008, no. 1, pp. 108–121. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11152372>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jkbfvx> [in Russian].

10. Mikheev V. A., Mikheev A. V. *Sotsial'noe partnerstvo: teoriya, politika, praktika* [Social partnership: theory, policy, practice]. Moscow, 2003, 549 p. ISBN 5-94761-050-7. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19654297>. EDN: <https://elibrary.ru/qocmaz> [in Russian]
11. Khokhlov E. B. *Ocherki istorii pravovogo regulirovaniya truda v Rossii. Chast' 1. Pravovoe regulirovanie truda v Rossiiskoi imperii* [Essays on the history of legal regulation of labor in Russia. Part 1. Legal regulation of labor in the Russian Empire]. Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburg. gos. un-ta, 1999, 196 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24174931>. EDN: <https://elibrary.ru/ujanij> [in Russian].
12. *Mezhdunarodnaya organizatsiya truda. Konventsii i rekomendatsii, prinyaty MOT 1965-1999 gg.: v 2 t.* [International Labour Organization. Conventions and recommendations adopted by the ILO in 1965–1999: in 2 vols.]. Geneva: Mezhdunarodnoe byuro truda [in Russian].
13. Viktor Protsevsky. Social Partnership Acts as a Legal Form for Implementing the Results of Social Dialogue. *Almanach (Actual Issues in World Economics and Politics)*, Economická univerzita, Fakulta medzinárodných vzťahov EU v Bratislave, 2018, vol. 13 (4), pp. 52–61.
14. Eryomina S. N. *Kollektivno-dogovornoe regulirovanie v Rossii: problemnye voprosy* [Collective-contractual regulation in Russia: problematic issues]. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University], 2018, vol. 5, no. 2, pp. 54–61. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivno-dogovornoe-regulirovanie-v-rossii-problemnye-voprosy?ysclid=liwzvc9zww488694055> (accessed 11.03.2023); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36650959>. EDN: <https://elibrary.ru/yrqhed> [in Russian].
15. Kolobova S. V. *Kollektivno-dogovornoe regulirovanie trudovykh otnoshenii* [Collective contractual regulation of labor relations]. *Grazhdanin i pravo*, 2018, no. 4, pp. 45–51. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35172074>. EDN: <https://elibrary.ru/xrtdop>.
16. Ivanov S. A., Livshits R. Z., Orlovsky Yu. P. *Sovetskoe trudovoe pravo: voprosy teorii* [Soviet labor law: questions of theory]. Moscow: Nauka, 1978, 368 p. [in Russian].
17. Lukashevich N. P. *Sotsiologiya truda* [Sociology of labor]. Kyiv, 2001, 312 p. [in Russian].
18. Golovina S. Yu. *Ponyatiinyi apparat trudovogo prava: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Conceptual apparatus of labor law: author's abstract of Doctoral of Legal Sciences thesis]. Yekaterinburg, 1998, 40 p. [in Russian].
19. *Zakonodatel'naya definitsiya: logiko-gnoseologicheskie, politiko-yuridicheskie, moral'no-psikhologicheskie i prakticheskie problemy: materialy mezhdunarodnogo «kruglogo stola», Chernovtsy, 21–23 sentyabrya 2006 g.* [Legislative definition: logical-epistemological, political-legal, moral-psychological and practical problems: materials of the international «round table», Chernivtsi, September 21–23, 2006]. Nizhny Novgorod, 2007 [in Russian].
20. Nurtdinova A. F., Okunkov L. A., Frenkel E. B. *Kommentarii k zakonodatel'stvu o sotsial'nom partnerstve* [Commentary on the legislation on social partnership]. Moscow, 1996, 352 p. [in Russian].
21. *Trudovoe pravo Rossii: uchebnik; otv. red. R. Z. Livshits, Yu.P. Orlovskii* [Livshits R.Z., Orlovsky Yu.P. (Eds.) Labor law of Russia: textbook]. Moscow: Yurid. lit., 1998, 427 p. Available at: https://421415.ru/downloads/library/ot/5/41_Trudovoe%20pravo%20RossiiUchebnik_2010.pdf?ysclid=lix14gi9ok112942240 [in Russian].

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE LAW (CIVILITY) SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-2-60-64

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.45

Дата поступления: 23.02.2023
рецензирования: 25.03.2023
принятия: 30.05.2023

Социально-медицинские услуги в аспекте учета индивидуальных особенностей пациента: тенденции правового регулирования

Е. С. КрюковаСамарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kr-elena1203@mail.ru**П. С. Кудашева**Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kr-elena1203@mail.ru

Аннотация: Развитие науки и техники дало толчок модернизации медицины и формированию ее новых направлений, основанных на индивидуальных особенностях пациентов. Персонализации медицины способствует расширение перечня комплексных по составу и природе услуг. В статье рассмотрены интеграционные процессы двух важнейших сфер общественной жизни: медицины и социального обслуживания, подчеркнута их значимость для повышения качества и учета индивидуальных особенностей пациента при оказании медицинской помощи, отмечена важность согласованности правового регулирования обеих составляющих. Проанализирована категория «социально-медицинские услуги» в аспекте персонализации медицинской деятельности, определены дальнейшие тенденции развития законодательства в исследуемой области, обозначены проблемы правового регулирования в части межведомственного взаимодействия управленческих структур, координации и преемственности медицинской деятельности и социального обеспечения, обновления стандартизации медицинских и социальных услуг для успешной совместной работы.

Ключевые слова: охрана здоровья; договор оказания медицинских услуг; персонализированная медицина; индивидуальные особенности пациента; социально-медицинские услуги; интеграция; координация; межведомственное взаимодействие.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта «Правовое обеспечение персонализированной медицины, основанной на генетических и иных индивидуальных особенностях пациента» № 23-28-00720.

Цитирование. Крюкова Е. С., Кудашева П. С. Социально-медицинские услуги в аспекте учета индивидуальных особенностей пациента: тенденции правового регулирования // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 2. С. 60–64. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-60-64>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Крюкова Е. С., Кудашева П. С., 2023

Елена Сергеевна Крюкова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Полина Сергеевна Кудашева – лаборант-исследователь Научной группы КАФ-404, тема 17г-р003-404, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34,

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 23.02.2023
Revised: 25.03.2023
Accepted: 30.05.2023

Social and medical services in the aspect of taking into account the individual characteristics of the patient: trends in legal regulation

E. S. Kryukova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: kr-elena1203@mail.ru

P. S. Kudasheva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: kr-elena1203@mail.ru

Abstract: The development of science and technology gave impetus to the modernization of medicine and the formation of its new directions, based on the individual characteristics of patients. Personalization of medicine contributes to the expansion of the list of services that are complex in composition and nature. The article considers the integration processes of the two most important spheres of public life: medicine and social services, emphasizes their importance for improving the quality and taking into account the individual characteristics of the patient in the provision of medical care, and notes the importance of the consistency of legal regulation of both components. The category «social medical services» is analyzed in the aspect of personalization of medical activity, further trends in the development of legislation in the study area are identified, problems of legal regulation in terms of interdepartmental interaction between management structures, coordination and continuity of medical activity and social security, updates standardization of medical and social services for successful collaboration.

Key words: health protection; contract for the provision of medical services; personalized medicine; individual characteristics of the patient; social and medical services; integration; coordination; interdepartmental interaction.

Acknowledgements. The study was financially supported by the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project «Legal support for personalized medicine based on the genetic and other individual characteristics of the patient» № 23-28-00720.

Citation. Kryukova E. S., Kudasheva P. S. *Sotsial'no-meditsinskie uslugi v aspekte ucheta individual'nykh osobennostei patsienta: tendentsii pravovogo regulirovaniya* [Social and medical services in the aspect of taking into account the individual characteristics of the patient: trends in legal regulation]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 2, pp. 60–64. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-60-64> [in Russian].

Information on the conflict of interest: authors declare no conflict of interest.

© Kryukova E. S., Kudasheva P. S., 2023

Elena S. Kryukova – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, Russian Federation.

Polina S. Kudasheva – laboratory assistant–researcher of the Scientific Body KAF-404, subject 17г-р003-404, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Развитие науки и техники дало толчок модернизации медицины и формированию ее новых направлений. Появившаяся в результате расшифровки генома человека возможность получать научную информацию об индивидуальных особенностях конкретного пациента позволяет определять характер возникновения и прогноз течения заболевания, а также реакцию на определенные виды лечения и лекарственные препараты и пр. Уникальность каждого человека как живого организма не позволяет подходить к оценке и поддержанию его здоровья на основе обобщений и типизаций, нивелирование персональных характеристик пациента в ряде случаев приводит к безуспешным итогам лечения. В науке справедливо отмечается, что услуги здравоохранения носят ярко выраженный индивидуальный характер и их качество во многом определяется исходным состоянием потребителя [1, с. 54].

Внедрение персонифицированного подхода в лечении требует как системного взгляда на медицину в целом, так и выявления ее межотраслевых связей с такими смежными областями, как социальное обслуживание, физкультура, психология и пр. Без учета их взаимодействия не может сложиться целостная картина работы с пациентом, принимая во внимание его личностные, физиологические и иные особенности, способствующие выздоровлению, реабилитации, поддержанию здорового образа жизни.

Особо тесно медицина связана со сферой социального обеспечения, адресно ориентированной на

потребности отдельных нуждающихся в социальной помощи категорий граждан. В свою очередь, социальная составляющая процесса диагностики, лечения и реабилитации пациентов – это один из тех компонентов, которые позволяют индивидуализировать врачебную деятельность, учесть психологические, бытовые и прочие факторы при оказании медицинской помощи.

Важность социального и медицинского обслуживания в общественной жизни граждан сложно переоценить, обеспечение их должного уровня составляет фундамент политики любого государства. Без сомнения, эффективное развитие двух столь значимых отраслей взаимобусловлено, процесс их конвергенции способствует созданию комфортного уровня жизни, гарантирует обеспечение первостепенных человеческих потребностей, содействует формированию наиболее благоприятных условий проживания, работы и отдыха граждан. В рамках медицинской деятельности системный подход позволит в полной мере учесть состояние здоровья пациента, обеспечит подбор более эффективных методик лечения и препаратов, облегчит этап выздоровления и реабилитации. Согласованность различных видов помощи способствует также своевременности, органичности и законченности лечения.

Медицинские услуги оказываются населению учреждениями здравоохранения, они направлены на укрепление и восстановление здоровья человека. Медицинская деятельность представляет собой профессиональную деятельность, требующую

обязательного лицензирования и соответствия квалификационным критериям осуществляющих ее специалистов [2, с. 9]. Социальное обслуживание осуществляется посредством оказания постоянной, периодической, разовой, в том числе срочной, помощи гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности (ст. 3 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» – далее по тексту Закон о социальном обслуживании). Среди базовых целеполагающих принципов социального обеспечения – поддержание не только благосостояния, но и здоровья граждан, что подчеркивает тесную взаимосвязь между обозначенными видами услуг.

Процессы сближения социального и медицинского обслуживания требуют тщательной и всесторонней правовой регламентации. Вместе с тем в науке верно подчеркивается, что интеграция медицинских и социальных услуг является трудоемкой задачей, решение которой требует достаточно длительного времени. Такого рода взаимопроникновение сфер может осуществляться по разным моделям: как управляемая помощь (стратегическое управление посредством формирования оптимального набора и графика предоставления услуг), либо в виде обеспечения беспрепятственного перехода с одного вида обслуживания на другое, или в качестве клиентоориентированной помощи (получение услуг независимо от ведомственной принадлежности их поставщиков) и, наконец, осуществление деятельности под руководством единого административного центра (но не слияние, а координация между разнородными системами) [3, с. 151]. Обозначенные в литературе классификации позволяют определить направления развития и совершенствования нормативной базы, сопровождающей интеграционную динамику.

Для любой из названных сфер по отдельности свойственны собственный субъектный состав, правила предоставления услуг и пр. В этой связи разработка и нормирование категории «социально-медицинские услуги» стала одним из необходимых элементов коалиционного развития. Однако содержащиеся упоминания о такого рода комплексных услугах положения в основном ориентированы на их примерный состав и практически не содержат механизмов реализации. Вместе с тем статистические данные подтверждают высокую потребность в социально-медицинских услугах в ряду других оказываемых государством разновидностей поддержки [4, с. 169], что лишний раз подчеркивает значимость их всестороннего развития и расширения перечня видов такого рода помощи.

Так, согласно ст. 19 Закона о социальном обслуживании среди видов последнего выделены социально-медицинские услуги, имеющие целью поддержание и сохранение здоровья получателей социальных услуг путем организации ухода, оказания содействия в проведении оздоровительных мероприятий, систематического наблюдения за

получателями социальных услуг для выявления отклонений в состоянии их здоровья.

Социально-медицинские услуги доступны во всех формах социального обслуживания, подзаконными нормативными актами они распределены по следующим направлениям:

а) выполнение процедур, связанных с организацией ухода, наблюдением за состоянием здоровья получателей социальных услуг (измерение температуры тела, артериального давления, контроль за приемом лекарственных препаратов и др.);

б) оказание содействия в проведении оздоровительных мероприятий;

в) систематическое наблюдение за получателями социальных услуг в целях выявления отклонений в состоянии их здоровья;

г) проведение мероприятий, направленных на формирование здорового образа жизни;

д) проведение занятий по адаптивной физической культуре;

е) консультирование по социально-медицинским вопросам (поддержание и сохранение здоровья получателей социальных услуг, проведение оздоровительных мероприятий, выявление отклонений в состоянии их здоровья). (Постановление Правительства РФ от 24 ноября 2014 г. № 1236 «Об утверждении примерного перечня социальных услуг по видам социальных услуг»).

В литературе точно подмечено, что в основании социально-медицинской услуги есть два основополагающих фактора: достижение выздоровления в медицинском отношении и сервисный компонент обслуживания – в социальном. В условиях интеграции названных элементов можно добиться более высокого качества услуги и, как следствие, – высокой удовлетворенности ею получателем. Совместная работа медиков и социальных работников ведет к предупреждению множества конфликтных ситуаций, вызванных организационными неудобствами и отсутствием разъяснительной работы [5, с. 27]. Функционально социальный элемент направлен на содействие медицинской деятельности, на совместное вспомогательное участие в организации лечения, реабилитации, профилактики, создавая более комфортные условия для пациента.

Как таковое понятие «социально-медицинские услуги» не определено законодателем, и однозначно выделить все его характеристики достаточно сложно. В качестве квалифицирующих признаков следует назвать смежный субъектный состав исполнителей услуги и взаимосвязь действий медицинского и социального характера в рамках предмета услуги. Т. Л. Адриановская подчеркивает, что целью социально-медицинских услуг является сохранение и поддержание здоровья без какого-либо медицинского вмешательства [6, с. 10]. Как следствие, напрашивается вывод о том, что для полноценной реализации совокупных услуг большое значение приобретает межведомственное взаимодействие, осуществляемое согласно регламентам, явно требующим расширения и детализации. Как медицинские, так и социальные услуги осуществляются в соответствии со стандартами (цель, виды, качество,

объем, периодичность), которые в ракурсе интеграционных процессов также нуждаются в корректировке и дополнении. Двойственность правовой природы таких услуг требует свежего взгляда на структуру ведомственного правового регулирования и обновления стандартизации. Помимо этого, принимая в расчет, что специфика социально-медицинских услуг отражена только в рамках законодательства о социальном обслуживании, целесообразно усилить позиции социальной составляющей внутри медицинского сегмента правовой сферы.

Несколько отраслевых нормативных актов уже отражают неизбежное поэтапное сближение двух важнейших секторов обслуживания. Так, Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и сопровождающее его Постановление Правительства РФ от 25 мая 1994 г. № 522 «О мерах по обеспечению психиатрической помощью и социальной защите лиц, страдающих психическими расстройствами» включают комплексные нормы о помещении лиц в стационарные организации социального обслуживания, предназначенные для лиц, страдающих психическими расстройствами, и трудовые, жилищные, образовательные гарантии (обучение профессиям, трудовая терапия, размещение в общежитиях, для лиц, страдающих психическими расстройствами, утративших социальные связи). Названные акты объединили положения как медицинской, так и социальной сферы применительно к указанной категории граждан, что способствует их более эффективному применению. К сожалению, такой подход не всегда свойственен современной правовой системе, которая, как правило, разводит соответствующие направления правового регулирования. В теории справедливо отмечался невысокий уровень интеграции социальных и медицинских услуг, что пагубно отражается на помощи и поддержке социально незащищенных слоев населения [3]. Учитывая тот факт, что интеграция медицинского и социального обслуживания, гарантирующая более полное и эффективное обслуживание граждан, улучшит качество их жизни, позволит обеспечить насущные потребности, сократит расходы и облегчит жизнедеятельность, правовому сопровождению этого направления должно быть уделено значительно больше внимания.

Помимо расширения института социально-медицинских услуг в целях обеспечения совместной работы должно быть отлажено межведомственное взаимодействие в целом, на что уже неоднократно обращалось внимание в научной литературе [7, с. 150]. В ходе характеристики интеграционных процессов в медицине в доктрине постоянно подчеркивается роль командной работы различных секторов оказания помощи и надлежащей ее координации. Справедливо отмечается слабая нацеленность всей цепочки действий на конечный результат и существование потерь «на стыках» между ее отдельными звеньями [8, с. 25]. В целях улучшения качества предоставляемых услуг и повышения эффективности управленческих процедур ряд авторов даже настаивают на включении социальных работников

в систему здравоохранения [5, с. 27]. Многие исследователи подчеркивают важность организации работы по индивидуальной оценке нуждаемости граждан в том или ином пакете услуг [4]. В русле интеграции велико также значение преемственности и непрерывности совмещаемых процессов, наличие крупных координационных и контрольных структур.

Сказанное означает, что при внедрении в медицинскую сферу новой методологии, основанной на учете индивидуальных особенностей пациента, следует принимать во внимание не только внутреннюю структурированность и детальность положений законодательства о здравоохранении, обновляя и усиливая ряд его составляющих, но и согласованность последнего со смежными нормативными блоками.

Собственно интеграционные процессы социального и медицинского обслуживания нуждаются как в более масштабном, так и в более детальном правовом сопровождении. Выстраиваемая в этих целях многоуровневая система регулирования должна соответственно включать положения и общего, и специального назначения (ориентированные на конкретные категории пользователей услуг). Прежде всего назрела необходимость в разработке взаимосвязанных концептуальных положений, содержащихся, как правило, в программах развития федерального и регионального уровней, а также в базовых отраслевых законах, регламентирующих обе сферы обслуживания. Не менее важна и внутренняя ведомственная дифференциация правил оказания социально-медицинских услуг, обеспечивающая учет особенностей отдельных категорий граждан: инвалидов, престарелых, лиц, страдающих психическими расстройствами, и т. п. Безусловно, основополагающие нормы должны быть снабжены механизмами их реализации, содержащими организационные предпосылки, порядок осуществления действий, субъектов исполнения и т. п.

Применительно к сфере социального обслуживания можно констатировать, что помимо развития и укрепления института социально-медицинских услуг, целесообразно разработать дополнительные инструменты интеграции, в частности, требуют корректировки нормы, определяющие содержание, структуру и порядок функционирования информационных баз и систем, используемых по обоим направлениям, посредством создания комплексных блоков, нуждается в обновлении и нормативная база в части межведомственного взаимодействия и пр.

Конечно, такой процесс требует многоплановой и многоэтапной работы в различных секторах медицинской деятельности и социальной работы. Полагаем, в качестве ориентира вполне применим комплексный подход, синтезирующий все названные ранее и не противоречащие по структуре и содержанию наполнению варианты интеграции, представленные в зарубежной практике и предлагаемые в российской доктрине [3]. Так, правовая работа должна вестись в целях создания условий для

межведомственного взаимодействия системы здравоохранения и системы социального обслуживания; полезна разработка положений, сопровождающих формирование совместных планов и графиков предоставления услуг, необходима модернизация стандартов оказания медицинской и социальной помощи в заданном ракурсе, требует регламента-

ции алгоритм создания пакетов сопряженных услуг применительно к различным категориям пациентов, наличие потребности в нормировании способов и средств координации оказания разнородных услуг. При этом все перечисленные мероприятия должны носить программный характер, иметь единое основание, быть последовательными и согласованными.

Библиографический список

1. Плесовский П. А. Медицинская услуга как социальное и экономическое благо // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2007. № 4. С. 54–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-usluga-kak-sotsialnoe-i-ekonomicheskoe-bлаго/viewer> (дата обращения: 22.02.2023).
2. Елина Н. К. Медицинская деятельность: виды, правовое регулирование. Самара: АНО «Издательство СНЦ РАН», 2010. 168 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19554003>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qlxkkj>.
3. Селезнева Е. В., Синявская О. В., Горват Е. С. Интеграция медицинского и социального обслуживания пожилых в России: успехи и барьеры // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 1. С. 148–169. DOI: <http://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-1-148-169>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tjrmnc>.
4. Малофеев И. В. Развитие системы социальных услуг для населения: опыт и проблемы // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2012. № 4 (45). С. 169–172. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17872047>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pbclkf>.
5. Зарубина О. А. Медико-социальные услуги в системе оказания медицинской помощи населению // Сибирская финансовая школа. 2016. № 1 (114). С. 25–29. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25624874>. EDN: <https://www.elibrary.ru/votmet>.
6. Адриановская Т. Л. Социальная услуга // Социальное и пенсионное право. 2020. № 2. С. 9–13. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42863364>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lrldeu>.
7. Гришина Е. Е., Цацура Е. А. Социальное обслуживание пожилых: что происходит и возможно ли развитие // Власть. 2019. Т. 27, № 3. С. 145–154. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6433>.
8. Шевский В. И., Шейман И. М. Проблема формирования интеграционной системы здравоохранения // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 3. С. 24–47. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20269324>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rbokbv>.

References

1. Plesovskij P. A. *Meditsinskaya ushuga kak sotsial'noe i ekonomicheskoe blago* [Medical service as a social and economic benefit]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Corporate Governance and Innovative Development of the Economy of the North: Bulletin of the Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University], 2007, no. 4, pp. 54–62. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-usluga-kak-sotsialnoe-i-ekonomicheskoe-bлаго/viewer> (accessed 22.02.2023) [in Russian].
2. Elina N. K. *Meditsinskaya deyatel'nost': vidy, pravovoe regulirovanie* [Medical activity: types, legal regulation]. Samara: ANO «Izdatel'stvo SNTs RAN», 2010, 168 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19554003>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qlxkkj>.
3. Selezneva E. V., Sinyavskaya O. V., Gorvat E. S. *Integratsiya meditsinskogo i sotsial'nogo obsluzhivaniya pozhilykh v Rossii: uspekhi i bar'ery* [Integration of medical and social services for the elderly in Russia: successes and barriers]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Public Administration Issues], 2022, no. 1, pp. 148–169. DOI: <http://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-1-148-169>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tjrmnc> [in Russian].
4. Malofeev I. V. *Razvitie sistemy sotsial'nykh ushug dlya naseleniya: opyt i problemy* [The development of social services for the population: experience and problems]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo* [Scholarly Notes of Transbaikal State University], 2012, no. 4, pp. 169–172. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17872047>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pbclkf> [in Russian].
5. Zarubina O. A. *Mediko-sotsial'nye ushugi v sisteme okazaniya meditsinskoi pomoshchi naseleniyu* [Medical social services in system of delivery of health care to the population]. *Sibirskaya finansovaya shkola* [Siberian Financial School], 2016, no. 1, pp. 25–29. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25624874>. EDN: <https://www.elibrary.ru/votmet> [in Russian].
6. Adrianovskaya T. L. *Sotsial'naya ushuga* [Social service]. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo* [Social and Pension Law], 2020, no. 2, pp. 9–13. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42863364>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lrldeu> [in Russian].
7. Grishina E. E., Tsatsura E. A. *Sotsial'noe obsluzhivanie pozhilykh: chto proiskhodit i vozmozhno li razvitie* [Social Service for the Elderly: What Is Happening and Is Development Possible]. *Vlast' = The Authority*, 2019, vol. 27, no. 3, pp. 145–154. DOI: <http://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6433> [in Russian].
8. Shevsky V. I., Sheiman I. M. *Problema formirovaniya integratsionnoi sistemy zdavoookhraneniya* [Problems of creating an integrated health system]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Public Administration Issues], 2013, no. 3, pp. 24–47. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20269324>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rbokbv> [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.096

Дата поступления: 20.03.2023
рецензирования: 27.04.2023
принятия: 30.05.2023

Биобанк как правовая категория

Е. А. Останина

Челябинский государственный университет,
г. Челябинск, Российская Федерация
E-mail: elenaostanina@mail.ru

Аннотация: Развитие медицинских технологий увеличивает потребность в правовом регулировании отношений по формированию биобанков. Автором использованы сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования. В настоящее время термин «биобанк» используется для обозначения как совокупности объектов прав, так и для обозначения субъекта, осуществляющего хранение. Сделан вывод о необходимости дополнительного регулирования отношений с участием биобанка как субъекта права. Для защиты прав и законных интересов пациента требуется учитывать его согласие или отсутствие согласия как на изъятие клеток и иных биологических материалов, так и на их хранение, перевозку, криоконсервацию. Условиями согласия может быть предусмотрено уничтожение биологического материала при наступлении определенных условий, например, в случае смерти пациента. Отдельно следует получать согласие на обработку персональных данных. Для более полного регулирования требуется определить особенности правосубъектности организаций, осуществляющих профессиональную деятельность по хранению биологических образцов и связанных с ними данных. Следует признать целесообразным сохранение правила о лицензировании деятельности таких организаций.

Ключевые слова: биобанк; лицензирование; правовое регулирование отношений по охране здоровья граждан.

Благодарности. Выполнено при поддержке гранта «Фонд перспективных научных исследований» ФГБОУ ВО «ЧелГУ».

Цитирование. Останина Е. А. Биобанк как правовая категория // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 2. С. 65–70. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-65-70>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Останина Е. А., 2023

Елена Александровна Останина – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, Челябинский государственный университет, 454001, Российская Федерация, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.03.2023

Revised: 27.04.2023

Accepted: 30.05.2023

Biobank as a legal category

E. A. Ostanina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation
E-mail: elenaostanina@mail.ru

Abstract: The development of medical technologies increases the need for legal regulation of relations on the formation of biobanks. The comparative legal method and the formal legal method were used. Currently, the term «biobank» is used to denote both the totality of objects of rights and to denote the entity carrying out the storage. The conclusion is made about the need for additional regulation of the concept of «biobank». To protect the rights and legitimate interests of the patient, it is necessary to take into account his consent or lack of consent both for the removal of cells and other biological materials, and for their storage, transportation, cryopreservation. The conditions of consent may provide for the destruction of biological material upon the occurrence of certain conditions, for example, in the event of the death of a patient. Consent to the processing of personal data should be obtained separately. For more complete regulation, it is necessary to determine the features of the legal personality of organizations engaged in professional activities for the storage of biological samples and related data. It should be recognized that it is expedient to preserve the rules on licensing the activities of such organizations.

Key words: biobank; licensing; legal regulation of relations for the protection of citizens' health.

Acknowledgment. Executed with the support of the grant «Foundation for Advanced Scientific Research» FSBEI HE «ChelGU».

Citation. Ostanina E. A. *Biobank kak pravovaya kategoriya* [Biobank as a legal category]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 2, pp. 65–70. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-65-70> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Ostanina E. A., 2023

Elena A. Ostanina – Candidate of Legal Sciences, head of the Department of Civil Law and Procedure, Chelyabinsk State University, 129, Bratiev Kashirinykh Street, Chelyabinsk, 454001, Russian Federation.

Введение

Развитие медицинских технологий, в том числе практики работы с клетками человека, создают необходимость регулирования всех аспектов деятельности, включая хранение изъятых из тела человека клеток и созданных на их основе биологических клеточных продуктов. Субъектами и одновременно своеобразными «хранилищами» такого биологического материала в настоящее время являются биобанки. Правовой статус биобанков как организаций и правовой режим биобанков как собрания материалов в настоящее время требуют осмысления.

Теоретическая разработанность вопроса.

Среди отечественных исследований данному вопросу посвящены работа М. П. Имековой [1], Е. С. Крюковой, В. Д. Рузановой [2], М. Н. Малеиной [3]. Несмотря на столь активное обсуждение темы биобанков в современной отечественной литературе, многие вопросы пока остаются дискуссионными, а законодательство о биобанках и биобанкинге обладает существенными пробелами.

Методы исследования. Поскольку проблема хранения материалов, содержащих генетическую информацию о человеке, равно как и потребность в проведении медицинских исследований, универсальна, уместным видится метод сравнительного правоведения. Кроме того, при толковании законодательства необходимым является формально-юридический метод. В результате сравнительного анализа российского законодательства можно предложить следующие результаты исследования.

1. Понятие биобанка, классификация биобанков

Согласно п. 2 ст. 37 Федерального закона от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» (далее – Закон о биомедицинских клеточных продуктах) [4], биологический материал, клетки для приготовления клеточных линий, клеточные линии, предназначенные для производства биомедицинских клеточных продуктов, биомедицинские клеточные продукты должны храниться в условиях биобанков, обеспечивающих сохранение их биологических свойств и предотвращающих их инфицирование и загрязнение.

В статье 37 этого закона термин «биобанк» уже используется и для обозначения объекта (или совокупности объектов), и для обозначения субъекта. Так, в п. 2 ст. 37 говорится о том, что биологические образцы хранятся «в условиях биобанка», тем самым понимая под биобанком либо совокупность таких объектов, либо место хранения; в п. 3 ст. 37 говорится о том, что требования к деятельности биобанка устанавливаются подзаконными нормативными правовыми актами, тем самым термин «биобанк» используется в качестве обозначения субъекта, так как действовать или бездействовать

может только субъект. В иностранной литературе термин «биобанк» обычно используется для обозначения различных коллекций биологических материалов человека и связанных с ними данных [5, с. 221]; биобанк определяется в качестве собрания биологических образцов и связанных с ними данных [6, с. 30]. Одновременно термин «биобанк» используется и для обозначения специально оборудованного места хранения биологических образцов и связанных с ними данных [7, с. 20].

В медицинской литературе термин «биобанк» используется скорее для обозначения собрания биологических образцов и связанной с ними информации. В частности, отмечается, что «биобанки – это сложные системы хранения биологических образцов и ассоциированной информации. В течение последних 20 лет биобанки и связанная с ними научная деятельность стали неотъемлемой частью персонализированной медицины, что обеспечило впечатляющий прогресс в понимании механизмов развития болезней, разработки методов их предотвращения, диагностики и лечения» [8, с. 762].

Использование термина «биобанк» как для обозначения объекта (совокупности образцов и информации), так и для обозначения субъекта в литературе оценивается критически [2, с. 39–42]. Вместе с тем лингвисты отмечают, что при образовании слов явления, часто взаимодействующие между собой, обозначаются терминами, звучащими одинаково или очень близко, и называют это явление «метонимический перенос» (особый вид семантического переноса, основанный на смежности двух предметов или явлений) [9, с. 6]. В цивилистике примеры метонимического переноса нередки: акцепт как действие и акцепт как результат, товарный склад как субъект и товарный склад как место хранения и т. д. Язык как часть культуры имеет свои закономерности развития; юриспруденция может только учитывать их, используя, в частности, термины – уточнения (например, предприятие как *имущественный комплекс* и *унитарное* предприятие). В отношении термина «биобанк» произошел такой же метонимический перенос; для того чтобы избежать путаницы, остается лишь использовать уточняющие характеристики.

2. Биобанк как объект права

Биобанк как объект права представляет собой совокупность биологических образцов и связанной с ними информации. Биобанки как объекты права подразделяются по нескольким основаниям. В зависимости от объекта хранения (биобанки крови, стволовых клеток, ДНК, вирусов); в зависимости от срока хранения образцов (постоянно сохраняемые биобанки и временно сохраняемые биобанки); в зависимости от цели создания кол-

лекции (диагностические биобанки; терапевтические биобанки (например, банки крови); исследовательские биобанки). Исследовательские биобанки могут принимать различные формы, от небольших коллекций, которые одна клиника делает применительно к одной семье (нескольким ее поколениям), до масштабных эпидемиологических исследований [6, с. 113–126].

Возникает вопрос о том, является ли биобанк сложной (или составной) вещью? Для ответа на этот вопрос следует учитывать, что значение имеет не только биологический объект сам по себе, но и связанная с ним информация. Более того, ценность имеет и методика подбора и внутренней классификации объектов, позволяющая проводить эффективный поиск. С учетом специфики конкретной коллекции может быть разработана программа, стандартизирующая информацию и упрощающая поиск; в таком случае можно говорить о творческой деятельности, по подбору, сопоставлению, классификации сведений; иными словами – о возникновении такого объекта прав, смежных с авторскими, как база данных (п. 2 ст. 1260 ГК). Поэтому можно согласиться с характеристикой биобанка как сложного объекта [1], включающего в себя материальные образцы (биологические объекты) и базу данных. Представляется не совсем правильным характеризовать биобанк в качестве сложной или составной вещи хотя бы потому, что содержащиеся в биобанке биологические образцы имеют ценность в совокупности со связанной с ними информацией; кроме того, в отношении эмбрионов, которые также могут быть объектом хранения в биобанках, имеется давняя и, вероятно, весьма тесно связанная с философскими и религиозными представлениями дискуссия о том, составляет ли эмбрион объект или квазисубъект права [10].

3. Биобанк как субъект права

Термин «биобанк» используется также для обозначения субъекта, осуществляющего систематический сбор и хранение биологических образцов и связанной с ними информации. Так, М. Н. Малейна определяет биобанк как коммерческую или некоммерческую организацию, профессионально занимающуюся сбором, тестированием, обработкой, хранением биоматериалов человека и их фиксацией в базе данных, а также в некоторых случаях дополнительно – научными исследованиями и (или) предоставлением биоматериала физическим и юридическим лицам при определенных условиях за плату или безвозмездно [3, с. 72]. С этим определением можно согласиться с тем уточнением, что деятельность по обобщению и хранению информации о ДНК гражданина и иной тесно связанной со здоровьем гражданина информации скорее характерна для некоммерческой организации. Применительно к определению биобанка как субъекта права определяющее значение имеет характер деятельности биобанка. В подзаконном нормативном правовом акте отме-

чается, что биобанк осуществляет хранение биологического материала, клеток для приготовления клеточных линий, клеточных линий, предназначенных для производства биомедицинских клеточных продуктов, биомедицинских клеточных продуктов [11]. Из характеристики деятельности биобанка следует, во-первых, специальная правоспособность биобанка как субъекта права и, во-вторых, требование к лицензированию деятельности биобанков. Наличие у биобанка специальной правоспособности отмечается в литературе [12, с. 109], но самостоятельное правило о специальной правоспособности биобанка как субъекта права в законодательстве сейчас отсутствует. Фактически специальная правоспособность лиц, осуществляющих сбор и хранение биологических материалов и связанной с ними информации, сегодня обеспечивается тем, что биобанкингом занимаются либо медицинские организации, либо некоммерческие организации, имеющие специальную правоспособность по определению, согласно ст. 50 ГК РФ.

Для ведения биобанка, как правило, требуется специальное разрешение (лицензия). Так, в Германии был рассмотрен вопрос о том, нужна ли лицензия на ведение биобанка клинике, которая ведет реестр тканей только для собственного использования, без передачи тканей третьим лицам (BVerwG, 24.01.2019).

По обстоятельствам этого дела истец руководил отделением ортопедической хирургии в окружной поликлинике. В январе он подал заявку на получение лицензии для ведения реестра тканей, пояснил, что обломки костей, взятых у одних пациентов, могут быть использованы для успешной операции другим пациентам; необходимые исследования клеток, крови, состояния костей, отсутствия инфекции и т. д. проводятся в сертифицированных центрах. Попытки получить лицензию были безуспешными, и в мае 2014 г. истцу запретили вести банк данных и использовать донорские ткани. Истец оспорил этот запрет. Первая инстанция иск удовлетворила, посчитав, что имеющаяся у врача лицензия на ведение медицинской деятельности достаточна. Суд апелляционной инстанции с этим не согласился. Федеральный административный суд ФРГ (BVerwG) подтвердил необходимость лицензии и подчеркнул, что в тех случаях, когда речь идет о биологических материалах человека, необходимы конкретные меры предосторожности для предотвращения передачи заболевания. Для защиты здоровья человека должны соблюдаться высокие стандарты безопасности при сборе, извлечении, исследовании, обработке, хранении и сохранении тканей [13]. В этом деле, правда, было допущено исключение – если изъятые с соблюдением всех медицинских стандартов клетки будут обрабатываться только тем врачом, который с разрешения пациента совершил изъятие, лицензия на ведение биобанка не требуется, достаточно обычного разрешения на врачебную деятельность.

В России также установлены правила лицензирования, но эти правила разрозненны. В частно-

сти, для изъятия биологического материала требуется лицензия на медицинскую деятельность (ст. 33 Закона о биомедицинских клеточных продуктах), а для производства и хранения биомедицинских клеточных продуктов требуется специальная лицензия (п. 2 ст. 46 Закона о биомедицинских клеточных продуктах).

Вместе с тем можно отметить, что лицензирование деятельности по ведению биобанков в целом нигде не предусмотрено.

В свое время при подготовке проекта Закона о биомедицинских клеточных продуктах группа исследователей указывала, что «законопроектом не урегулированы важнейшие вопросы организации и деятельности биобанков клеточного материала для хранения информации о таких материалах и о предоставляющих биологический материал донорах» [14]. До сих пор этот недостаток полностью не исправлен.

4. Взаимоотношения с донорами

Для создания биобанков, по общему правилу, требуется согласие донора. В литературе отмечается, что «информированное согласие для помещения клеток и т. п. объектов в биобанк испросить сложно, потому что в момент получения согласия еще не ясно, какие именно исследования будут выполнены при помощи данного материала» [15, с. 222].

В ст. 33 Закона о биомедицинских клеточных продуктах предусмотрено, что на получение биоматериала для изготовления биомедицинских клеточных продуктов требуется согласие донора или его законного представителя. В целом правила о согласии на изъятие в ст. 33 этого закона построены по образцу правил о согласии на прижизненное донорство.

Однако ст. 33 распространяется только на ситуации, когда согласие для изъятия клеток требуется для изготовления лекарств или медицинских изделий (что и охватывается термином «биомедицинский клеточный продукт»).

В остальных случаях применяются ведомственные акты, в которых требование о получении информированного согласия донора не всегда содержится.

Например, рассмотрим порядок заготовки пуповинной крови (важнейший источник гемопоэтических клеток). В России действует Приказ Минздрава РФ от 25.07.2003 № 325 «О развитии клеточных технологий в Российской Федерации». В этом приказе предусмотрены противопоказания для заготовки пуповинной/плацентарной крови для научно-исследовательских работ, механизм заготовки пуповинной/плацентарной крови для научно-исследовательских работ. Согласие матери не предусматривается.

Несомненно, это умолчание должно быть компенсировано тем, что ст. 33 Закона о биомедицинских клеточных продуктах должна быть распространена на все случаи изъятия клеток и иных биологических материалов для биобанков.

Деятельность биобанков со временем может составить самостоятельную отрасль медицинской

практики. Но в России данная отрасль находится в самом начале своего развития. Наиболее часто упоминаемые биобанки на территории России: (а) Биобанк «СЗФМИЦ им. В. А. Алмазова», созданный в 2012 году, специализируется на сборе образцов, полученных от пациентов с кардиологическими, гематологическими, эндокринологическими, ревматологическими и иными заболеваниями; (б) «Национальный БиоСервис» был создан в марте 2014 года, это первый в России коммерческий биобанк и биосервис научно-исследовательского назначения, сочетающий в себе репозиторий биологических образцов и ассоциированной с ними информации, с коммерческим биосервисом широкого профиля; (в) Биобанк Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ).

Для защиты прав и законных интересов пациента требуется учитывать его согласие или отсутствие согласия как на изъятие клеток и иных биологических материалов, так и на их хранение, перевозку, криоконсервацию. Условиями согласия может быть предусмотрено уничтожение биологического материала при наступлении определенных условий, например, в случае смерти пациента. Отдельно следует получать согласие на обработку персональных данных.

5. Правовая природа договоров

М. Н. Малейна отмечает, что на современном этапе правового регулирования недостатки законодательного регулирования отчасти восполняются условиями конкретных гражданско-правовых договоров [3, с. 74]. Представляется, что возможности договорного регулирования в данной сфере несколько ограничены в связи с тем, что медицинская тайна охраняется императивными нормами законодательства. Отдельный вопрос состоит в том, к какому виду договоров следует отнести договор с биобанком. Как правило, это договоры возмездного оказания услуг. В связи с тем что помещение образцов в биобанк, хранение образцов и поиск информации, как правило, необходимы для предоставления пациенту медицинской помощи, индивидуализированной с учетом его конкретного случая, договор с биобанком может рассматриваться как часть договора возмездного оказания медицинских услуг или как самостоятельный договор возмездного оказания услуг [16]. Вместе с тем возможны случаи, когда гражданин выступает в качестве донора и помещение биологических образцов в биобанк не связано с предоставлением медицинской помощи данному донору. В таком случае имеется договор с донором, как правило – безвозмездный, который предоставляет собой особую разновидность договора, скорее упомянутого, чем урегулированного, в специальном законодательстве, в том числе в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан» (ст. 47, 55) [17].

Заключение

По мере развития медицинской науки количество биобанков и их специализация будет увели-

чиваться. Задачей юриспруденции является разработка достаточно подробных правил, которые не препятствовали бы развитию регулируемых отношений, но снижали бы риски причинения вреда здоровью пациентов, а также риски разглашения информации, составляющей персональные данные или медицинскую тайну. Для более полного регулирования требуется определить особенности правосубъектности организаций, осуществляющих профессиональную деятельность по хранению биологических образцов и связанных с ними данных. Следует признать целесообразным сохранение правила о лицензировании деятельности таких организаций.

Библиографический список

1. Имекова М. П. Биобанк как объект прав // Журнал российского права. 2020. Т. 8, № 12. С. 54–65. DOI: <http://dx.doi.org/10.12737/jrl.2020.147>.
2. Крюкова Е. С., Рузанова В. Д. Правовое регулирование деятельности биобанков в России // Гражданское право. 2020. № 6. С. 39–42. DOI: <http://doi.org/10.18572/2070-2140-2020-6-39-42>. EDN: <https://elibrary.ru/vsikmj>.
3. Малейна М. Н. Договор криоконсервации и хранения биологического материала человека в персональном биобанке // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 4. С. 71–82. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.046>. EDN: <https://elibrary.ru/gzvtxf>.
4. О биомедицинских клеточных продуктах: Федеральный закон от 23.06.2016 № 180-ФЗ (ред. от 08.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 27.06.2016. № 26 (Часть I). Ст. 3849. URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002016026010&page=1&sort=position&limit=50&docid=3&volid=1002016026010>.
5. Deschenes M., Cardinal G., Knoppers B. M. Human genetic research, DNA banking and consent: A question of ‘form’? // Clinical Genetics. 2021. Vol. 59, issue 4. P. 221–239. DOI: <https://doi.org/10.1034/j.1399-0004.2001.590403.x>.
6. Wallace Susan, Lazor Stephanie, Knoppers Bartha Maria. What is in a Clause? A Comparison of Clauses from Population Biobank and Disease Biobank Consent Materials // Trust in Biobanking Dealing with Ethical, Legal and Social Issues in an Emerging Field of Biotechnology. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2012. P. 113–126. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-540-78845-4_7.
7. Salvaterra Mariaelena. Informed consent to collect, store and use human biological materials for research purposes an international framework // Dabrock Peter, Taupitz Jochen, Ried Jens (Eds.) Trust in Biobanking. Dealing with Ethical, Legal and Social Issues in an Emerging Field of Biotechnology. Springer-Verlag Berlin; Heidelberg, 2012. P. 127–137. DOI: http://doi.org/10.1007/978-3-540-78845-4_8.
8. Резник О. Н., Кузьмин Д. О., Резник А. О. Биобанки как одна из основ развития биомедицины: современное состояние и перспективы // Молекулярная биология. 2017. Т. 51, № 5. С. 761–771. DOI: <http://doi.org/10.7868/S0026898417050020>. EDN: <https://elibrary.ru/mputyj>.
9. Шкилев Р. Е. Метонимический перенос в устойчивых терминологических сочетаниях (на примере юридической терминологии английского и русского языков): автореферат дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 18 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002852103.pdf?ysclid=liy8bx5c9l68252073.
10. Damschen Gregor, Schönecker Dieter. In dubio pro embryo. Neue Argumente zum moralischen Status menschlicher Embryonen // Gregor Damschen & Dieter Schönecker (eds.) Der moralische Status menschlicher Embryonen. Pro und contra Spezies-, Kontinuums-, Identitäts- und Potentialitätsargument. Berlin & New York: de Gruyter, 2003. P. 187–267. URL: <https://philarchive.org/rec/DAMIDP>.
11. Об утверждении требований к организации и деятельности биобанков и правил хранения биологического материала, клеток для приготовления клеточных линий, клеточных линий, предназначенных для производства биомедицинских клеточных продуктов, биомедицинских клеточных продуктов: приказ Минздрава России от 20.10.2017 № 842н (ред. от 30.01.2019). Зарегистрировано в Минюсте России 28.03.2018 № 50555. URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/38947?ysclid=liy8yc8id0607632897>.
12. Малейна М. Н. Правовой статус биобанка (банка биологических материалов человека) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 99–117. DOI: <http://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.1.98.117>. EDN: <https://elibrary.ru/ihwcb1>.
13. Urteil vom 24.01.2019. BVerwG 3 C 5.17. URL: <https://www.bverwg.de/240119U3C5.17.0>.
14. О проекте Федерального закона № 717040-6 «О биомедицинских клеточных продуктах»: решение Комитета по охране здоровья от 16.04.2015 № 84 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/717040-6?ysclid=liy9bvih9m521456605>.
15. Deschenes M., Cardinal G., Knoppers B. M. Human Genetic Research, DNA banking and consent: a question of ‘form’? // Clinical Genetics. 2021. Vol. 59, issue 4. P. 221–239. DOI: <http://doi.org/10.1034/j.1399-0004.2001.590403.x>.
16. Annaratone L., De Palma G., Bonizzi G. et al. Basic principles of biobanking: from biological samples to precision medicine for patients // Virchows Arch. 2021. Vol. 479. P. 233–246. DOI: <http://doi.org/10.1007/s00428-021-03151-0>.
17. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (с изм. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724. URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002011048000&page=1&sort=position&limit=50&docid=1&volid=1002011048000>.

References

1. Imekova M. P. *Biobank kak ob'ekt prav* [Biobank as an Object of Rights]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2020, vol. 8, no. 12, pp. 54–65. DOI: <http://dx.doi.org/10.12737/jrl.2020.147> [in Russian].

2. Kryukova E. S., Ruzanova V. D. *Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti biobankov v Rossii* [Legal regulation of biobanks activity in Russia]. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law], 2020, no. 6, pp. 39–42. DOI: <http://doi.org/10.18572/2070-2140-2020-6-39-42>. EDN: <https://elibrary.ru/vsikmj> [in Russian].
3. Maleina M. N. *Dogovor kriokonservatsii i khraneniya biologicheskogo materiala cheloveka v personal'nom biobanke* [Agreement for cryopreservation and storage of human biological material in a personal biobank]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2021, vol. 25, no. 4, pp. 71–82. DOI: <http://doi.org/10.12737/jrl.2021.046>. EDN: <https://elibrary.ru/gzvtxf> [in Russian].
4. *O biomeditsinskikh kletochnykh produktakh: Federal'nyi zakon ot 23.06.2016 № 180-FZ (red. ot 08.03.2022)* [On biomedical cell products: Federal Law as of 23.06.2016 № 180-FZ (as amended on 08.03.2022)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 27.06.2016, no. 26 (Part I), Article 3849. Available at: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002016026010&page=1&sort=position&limit=50&docid=3&volid=1002016026010> [in Russian].
5. Deschenes M., Cardinal G., Knoppers B. M. Human genetic research, DNA banking and consent: A question of 'form'? *Clinical Genetics*, 2021, vol. 59, issue 4, pp. 221–239. DOI: <http://doi.org/10.1034/j.1399-0004.2001.590403.x>.
6. Wallace Susan, Lazor Stephanie, Knoppers Bartha Maria. What is in a Clause? A Comparison of Clauses from Population Biobank and Disease Biobank Consent Materials. In: *Trust in Biobanking Dealing with Ethical, Legal and Social Issues in an Emerging Field of Biotechnology*. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2012, 254 p.; pp. 113–126. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-540-78845-4_7.
7. Salvaterra Mariaelena. Informed consent to collect, store and use human biological materials for research purposes an international framework. In: *Dabrock Peter, Taupitz Jochen, Ried Jens (Eds.) Trust in Biobanking. Dealing with Ethical, Legal and Social Issues in an Emerging Field of Biotechnology*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2012, pp. 127–137. DOI: http://doi.org/10.1007/978-3-540-78845-4_8.
8. Reznik O. N., Kuzmin D. O., Reznik A. O. *Biobanki kak odna iz osnov razvitiya biomeditsiny: sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Biobanks as the basis for developing biomedicine: problems and prospects]. *Molekulyarnaya biologiya* [Molecular Biology], 2017, vol. 51, no. 5, pp. 666–673. DOI: <https://doi.org/10.1134/S0026893317050156>. EDN: <https://elibrary.ru/xodjny> [in English; original in Russian].
9. Shkilev R. E. *Metonimicheskii perenos v ustoychivyykh terminologicheskikh sochetaniyakh (na primere yuridicheskoi terminologii angliiskogo i russkogo yazykov): avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk* [Metonymic transfer in stable terminological combinations (on the example of legal terminology of English and Russian languages): author's abstract of Candidate's of Philological sciences thesis]. Kazan, 2005, 18 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002852103.pdf?ysclid=liy8bx5c9l68252073 [in Russian].
10. Damschen Gregor, Schönecker Dieter. In dubio pro embryo. Neue Argumente zum moralischen Status menschlicher Embryonen. In: *Gregor Damschen & Dieter Schönecker (eds.) Der moralische Status menschlicher Embryonen. Pro und contra Spezies-, Kontinuums-, Identitäts- und Potentialitätsargument*. Berlin & New York: de Gruyter, 2003, pp. 187–267. Available at: <https://philarchive.org/rec/DAMIDP>.
11. *Ob utverzhdenii trebovaniy k organizatsii i deyatel'nosti biobankov i pravil khraneniya biologicheskogo materiala, kletok dlya prigotovleniya kletochnykh linii, kletochnykh linii, prednaznachennykh dlya proizvodstva biomeditsinskikh kletochnykh produktov, biomeditsinskikh kletochnykh produktov: Prikaz Minzdrava Rossii ot 20.10.2017 № 842n (red. ot 30.01.2019). Zaregistrirovano v Minyuste Rossii 28.03.2018 № 50555* [On approval of requirements for the organization and operation of biobanks and rules for the storage of biological material, cells for the preparation of cell lines, cell lines intended for the production of biomedical cell products, biomedical cell products: Order of the Ministry of Health of the Russian Federation № 842n dated 20.10.2017 (as amended on 30.01.2019). Registered in the Ministry of Justice of the Russian Federation on 28.03.2018 № 50555]. Available at: <https://minjust.consultant.ru/documents/38947?ysclid=liy8uevk4u284671619> [in Russian].
12. Maleina M. N. *Pravovoi status biobanka (banka biologicheskikh materialov cheloveka)* [Legal status of the biobank (bank of biological human material)]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2020, no. 1, pp. 99–117. DOI: <http://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.1.98.117>. EDN: <https://elibrary.ru/ihwubl> [in Russian].
13. Urteil vom 24.01.2019 – BVerwG 3 C 5.17. Available at: <https://www.bverwg.de/240119U3C5.17.0>.
14. *O proekte Federal'nogo zakona № 717040-6 «O biomeditsinskikh kletochnykh produktakh»: reshenie Komiteta po okhrane zdorov'ya ot 16.04.2015 № 84* [On the draft Federal Law № 717040-6 «On biomedical cell products»: decision of the Committee for Health Protection № 84 dated 16.04.2015]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/717040-6?ysclid=liy9bvih9m521456605> [in Russian].
15. Deschenes M., Cardinal G., Knoppers B. M. Human Genetic Research, DNA banking and consent: a question of 'form'? *Clinical Genetics*, 2021, vol. 59, issue 4, pp. 221–239. DOI: <http://doi.org/10.1034/j.1399-0004.2001.590403.x>.
16. Annaratone L., De Palma G., Bonizzi G. et al. Basic principles of biobanking: from biological samples to precision medicine for patients. *Virchows Arch*, 2021, vol. 479, pp. 233–246 DOI: <https://doi.org/10.1007/s00428-021-03151-0>.
17. *Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon ot 21.11.2011 №323-FZ (s izm. ot 28.12.2022)* [On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation: Federal Law № 323-FZ as of 21.11.2011 (as amended on 28.12.2022)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 28.11.2011, no. 48, Article 6724. Available at: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002011048000&page=1&sort=position&limit=50&docid=1&volid=1002011048000> [in Russian].

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-2-71-78

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.233

Дата поступления 23.02.2023
рецензирования: 24.03.2023
принятия: 30.05.2023

О стадиях квалификации обстоятельств, исключающих преступность деяния

Е. В. Благов

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова,
г. Ярославль, Российская Федерация
E-mail: Blagovt@uniyar.ac.ru

Аннотация: В статье рассматриваются не получавшие теоретического освещения проблемы понимания и наполнения стадий квалификации обстоятельств, исключающих преступность деяния. Делается вывод, что такими стадиями являются: 1) принятие и 2) закрепление решений по поводу предусмотренности установленных фактических обстоятельств соответствующими предписаниями уголовного законодательства. Каждая стадия подвергается самостоятельному анализу. Содержанием первой стадии признается мыслительная деятельность, результатом которой может быть положительное или отрицательное решение. Она основывается на признаках обстоятельства, исключающих преступность деяния, и ей свойственна определенная упорядоченность. При этом признаки обстоятельств, исключающих преступность деяния, достаточны для разграничения данных обстоятельств и сформулированы так, что исключают конкуренцию. Обращается внимание на то, что в примечаниях к ряду статей Особенной части уголовного законодательства отражены специальные обстоятельства, исключающие преступность деяния, но они не легитимированы Общей частью. Содержанием второй стадии признается объективирование решения, принятого на первой стадии. Причем установлено, что в уголовном законодательстве регулирование второй стадии не происходит, а в уголовно-процессуальном законодательстве основанием для отказа в возбуждении либо прекращения уголовного дела и вынесения оправдательного приговора при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, является отсутствие события преступления – в понимании не вообще отсутствия события, а именно преступления.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния; квалификация; стадии; специальные обстоятельства, исключающие преступность деяния; уголовное законодательство; уголовно-процессуальное законодательство.

Цитирование. Благов Е. В. О стадиях квалификации обстоятельств, исключающих преступность деяния // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 2. С. 71–78. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-71-78>

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Благов Е. В., 2023

Евгений Владимирович Благов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, 150003, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, 14.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 23.02.2023
Revised: 24.03.2023
Accepted: 30.05.2023

About the stages of qualification of circumstances, excluding the criminality of the act

E. V. Blagov

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation
E-mail: Blagovt@uniyar.ac.ru

Abstract: The article considers the problems of understanding and filling the stages of qualification of circumstances excluding the criminality of an act that have not received theoretical coverage. It is concluded that such stages are: 1)

adoption and 2) consolidation of decisions regarding the provision of established factual circumstances by the relevant provisions of criminal legislation. Each stage is subjected to an independent analysis. The content of the first stage is recognized as mental activity, the result of which can be a positive or a negative decision. It is based on the signs of circumstances that exclude the criminality of the act, and it is characterized by a certain order. At the same time, the signs of circumstances excluding the criminality of the act are sufficient to distinguish these circumstances and are formulated in such a way that they exclude competition. Attention is drawn to the fact that the notes to a number of articles of the Special Part of the criminal legislation reflect special circumstances that exclude the criminality of the act, but they are not legitimized by the General Part. The content of the second stage is the objectification of the decision made at the first stage. Moreover, it is established that in criminal legislation the regulation of the second stage does not occur, and in criminal procedure legislation, the basis for refusing to initiate or terminate a criminal case and issuing an acquittal in the presence of circumstances precluding the criminality of the act is the absence of a crime event in the sense of not the absence of an event at all, namely a crime.

Key words: circumstances excluding criminality of the act; qualification; stages; special circumstances excluding criminality of the act; criminal legislation; criminal procedure legislation.

Citation. Blagov E. V. *O stadiyakh kvalifikatsii obshcheyatel'stv, isklyuchayushchikh prestupnost' deyaniya* [On the stages of qualification of circumstances excluding criminality of an act]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 2, pp. 71–78. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-71-78> [in Russian].

Information about the conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

© Blagov E. V., 2023

Evgeny V. Blagov – Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology, P.G. Demidov Yaroslavl State University, 14, Sovetskaya Street, Yaroslavl, 150003, Russian Federation.

Введение

В теории квалификации обстоятельств, исключаящих преступность деяния, зияет белое пятно. В ней нет исследований стадий данной квалификации, что создает впечатление их отсутствия или неинтересности для уголовно-правовой науки (в силу, например, ясности или беспроблемности). При этом соответствующие стадии активно изучаются в отношении применения нормы уголовного права и квалификации преступления [1, с. 17–18, 41–46]. Если же в таких случаях стадии имеются, то они явно должны быть и при квалификации указанных обстоятельств.

Стадия – период, ступень в развитии чего-нибудь [2, с. 1120]. Квалификация обстоятельств, исключаящих преступность деяния, тоже происходит не одномоментно. Анализ уголовного и уголовно-процессуального законодательства показывает, что при данной квалификации принимаются определенные уголовно-правовые решения, и они закрепляются в определенных уголовно-процессуальных актах. Действительно, чтобы решение появилось, оно должно быть выведено из закона, а чтобы решение можно было выполнить, оно должно быть объективировано. А это и есть периоды, ступени развития рассматриваемой квалификации.

Отсюда стадиями квалификации обстоятельств, исключаящих преступность деяния, следует считать: 1) принятие и 2) закрепление соответствующих решений. Они определяют путь такой квалификации, переходящей из мыслительной сферы в бытийную.

Первая стадия квалификации обстоятельств, исключаящих преступность деяния

Первая стадия заключается в принятии решения по поводу предусмотренности установленных фактических обстоятельств соответствующими

предписаниями уголовного законодательства. Она представляет собой сугубо мыслительную деятельность. Здесь создаются предпосылки для перевода нормативности уголовного законодательства в воздействие на общественные отношения, возникающие при квалификации обозначенных обстоятельств.

Принятие решения по поводу предусмотренности установленных фактических обстоятельств соответствующими предписаниями уголовного законодательства имеет альтернативный характер. Возможно одно из двух решений: а) положительное или б) отрицательное. Положительное решение принимается при выявлении, что установленные фактические обстоятельства предусмотрены соответствующими предписаниями уголовного законодательства. Отрицательное решение выносится при обнаружении непредусмотренности установленных фактических обстоятельств соответствующими предписаниями уголовного законодательства.

Принятие решения по поводу предусмотренности установленных фактических обстоятельств соответствующими предписаниями уголовного законодательства основывается на признаках, которые отражены в ст. 37–42 УК РФ и призваны разграничить обстоятельства, исключаящие преступность деяния. Хотя в соответствии с законом при любых указанных обстоятельствах причиняется определенный вред, это при каждом из них имеет свою специфику.

Вред причиняется:

– при необходимой обороне: а) посягающему лицу; б) при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства; в) от общественно опасного посягательства, если г) оно было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредствен-

ной угрозой применения такого насилия; если же посягательство было: а) не сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, при этом, кроме прочего, б) не должно быть допущено умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства (ст. 37 УК РФ);

– при задержании лица, совершившего преступление: а) лицу, совершившему преступление; б) для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если в) иными средствами задержать лицо не представлялось возможным; г) при этом не было допущено явное несоответствие применяемых мер характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым преступления и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред (ст. 38 УК РФ);

– при крайней необходимости: а) охраняемым уголовным законом интересам; б) для устранения опасности; в) непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если: г) эта опасность не могла быть устранена иными средствами и д) при этом не было причинения вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный (ст. 39 УК РФ);

– при физическом принуждении: а) охраняемым уголовным законом интересам, если: б) вследствие принуждения; в) лицо не могло руководить своими действиями (бездействием) (ч. 1 ст. 40 УК РФ);

– при обоснованном риске: а) охраняемым уголовным законом интересам; б) для достижения общественно полезной цели, если в) она не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием) и г) лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам и д) риск заведомо не был сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия (ст. 41 УК РФ);

– при исполнении приказа или распоряжения: а) охраняемым уголовным законом интересам; б) лицом, действующим во исполнение обязательных для него и заведомо законных приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ).

Следует отметить, что специфику исполнения приказа или распоряжения не определяет положение ч. 1 ст. 42 УК РФ о несении уголовной ответственности за причинение соответствующего вреда лицом, отдавшим незаконные приказ или распоряжение. Во-первых, в данном положении речь идет не о лице, их исполняющем, во-вторых,

об уголовной ответственности, а исполнение приказа или распоряжения – обстоятельство, ее исключающее. Если и было необходимо регламентировать приведенное положение в уголовном законодательстве, то, не разрывая логику изложения нормативного материала, в примечании к статье.

В отношении разграничения обстоятельств, исключающих преступность деяния, проблему порождают, пожалуй, лишь предписания ч. 2 ст. 40 УК РФ, согласно которым вопрос об уголовной ответственности за причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате психического принуждения, а также в результате физического принуждения, вследствие которого лицо сохранило возможность руководить своими действиями, решается с учетом положений ст. 39 УК РФ. С одной стороны, с учетом положений последней статьи прежде всего решается вопрос не об уголовной ответственности, а о крайней необходимости как отдельном обстоятельстве, исключающем преступность деяния, т. е. об отсутствии уголовной ответственности. И только следствием положительного ответа на этот вопрос может возникнуть тот, который обозначен в ч. 2 ст. 40 УК РФ. С другой стороны, странно, когда в статье об одном обстоятельстве, исключающем преступность деяния, прописывается, когда может возникнуть другое подобное обстоятельство.

С третьей стороны, бросается в глаза неудачность заголовка ст. 40 УК РФ – физическое или психическое принуждение. Данной формулировкой охватывается сразу два обстоятельства, исключающие преступность деяния: а) физическое принуждение, вследствие которого лицо не могло руководить своими действиями (бездействием), как самостоятельное такое обстоятельство и б) психическое принуждение, а также физическое принуждение, вследствие которого лицо сохранило возможность руководить своими действиями как в соответствующем случае составная часть крайней необходимости. Тем самым создается видимость конкуренции физического или психического принуждения и крайней необходимости, хотя в содержании ст. 40 УК РФ никакой конкуренции не наблюдается.

Отсюда, если предписания ч. 2 исключить из ст. 40 УК РФ, в уголовно-правовом регулировании и квалификации обстоятельств, исключающих преступность деяния, ровным счетом ничего не изменится. Часть 2 ст. 40 УК РФ, в сущности, представляет собой аппендикс, без которого и то [3, с. 23], и другое может обойтись.

Правда, в литературе считается, что вполне допустимо наличие конкуренции обстоятельств, исключающих преступность деяния, когда одно из них сменяется другим или одновременно наличествуют два таких обстоятельства [4, с. 48].

Конкуренция в приведенных случаях исключена, ибо при ней должно быть не менее двух норм, одновременно претендующих на квалификацию

содеянного [5, с. 210]. Если же одно обстоятельство, исключаящее преступность деяния, сменяется другим, до смены оно предусмотрено одной нормой, после смены – другой. Аналогично обстоят дела и с одновременным наличием двух обстоятельств, исключаящих преступность деяния, ибо каждое из них охватывается самостоятельными нормами.

Может показаться, что, по большому счету, разграничение обстоятельств, исключаящих преступность деяния, не имеет особого значения, ибо результат принятия решения о любом из них одинаков. Однако, даже если не иметь в виду культуру квалификации данных обстоятельств, одно из них действительно может устранять преступность определенного деяния, а другое окажется неспособным осуществить то же самое. Кроме того, в соответствии с п. 3 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом. Таким случаем гражданское законодательство называет лишь причинение вреда в состоянии крайней необходимости (ст. 1067 ГК РФ). Выходит, что разграничение обстоятельств, исключаящих преступность деяния, – объективная необходимость.

При принятии решения по поводу предусмотренности установленных фактических обстоятельств соответствующими предписаниями уголовного законодательства, помимо разграничения обстоятельств, исключаящих преступность деяния, важно принятие решения по поводу каждого их признака. Оно явно должно быть подчинено определенному алгоритму, который позволит последовательно выполнять лишь необходимые при квалификации данных обстоятельств логические операции. Наоборот, хаотичная их квалификация, сопряженная с бессистемным выхватыванием признаков соответствующих обстоятельств, чревата отрицательными последствиями в виде непризнания соответствующим обстоятельством правомерного поведения или признания названным обстоятельством преступного поведения, что связано с возможностью пропуска того или иного признака или подключения в конкретном случае лишнего признака.

Исходя из ст. 37–42 УК РФ, алгоритм квалификации обстоятельств, исключаящих преступность деяния, предопределяется тем, что причинение соответствующего вреда не является преступлением (говоря иначе, является правомерным). Вместе с тем, чтобы прийти к такому выводу, нужно решить, правомерным ли было поведение лица, а это предполагает выяснение, возникло ли у него право (или обязанность) вести себя определенным образом. Следовательно, при квалификации обстоятельств, исключаящих преступность деяния, нужно принять решение по поводу предусмотренности установленных фактических обстоятельств признаками, относящимися сначала к вызвавшему деяние фактору, затем – к воздействию на последний, наконец – к причиняемому вреду.

В то же время оценка последней группы признаков не считается самостоятельным этапом квалификации обстоятельств, исключаящих преступность деяния, поскольку вред охватывается объективной стороной соответствующего деяния [1, с. 464]. По поводу сделанного замечания имеется возражение, заключающееся в том, что речь идет не о самом вреде, а об условиях его причинения, влияющих на признание неправомерности соответствующего поведения.

Сложность следования предложенному алгоритму заключается в том, что буква закона не всегда содержит все признаки, необходимые для квалификации обстоятельств, исключаящих преступность деяния. По смыслу же ст. 37–42 УК РФ данная квалификация предполагает принятие последовательных решений при:

- необходимой обороне о признаках, относящихся: 1) к посягательству: а) общественная опасность и б) наличность; 2) к защите: в) охраняемость интересов уголовным законом и г) наличие цели пресечения посягательства; 3) к причиняемому вреду: а) предусмотренность уголовным законом, б) причинение посягающему и в) соответствие характеру и общественной опасности посягательства (если оно не было сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья либо с непосредственной угрозой применения такого насилия);

- причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, о признаках, относящихся: 1) к поведению задерживаемого: а) совершение преступления и б) уклонение от задержания; 2) к поведению задерживающего: а) отсутствие иных средств задержания и б) наличие цели доставления в органы власти и пресечения возможности совершения новых преступлений; 3) к причиняемому вреду: а) предусмотренность уголовным законом, б) причинение лицу, совершившему преступление, и в) соответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания;

- крайней необходимости о признаках, относящихся: 1) к угрожающей опасности: а) существенность и б) непосредственность; 2) к устранению угрожающей опасности: а) охраняемость интересов уголовным законом, б) отсутствие иных средств устранения угрожающей опасности и в) наличие цели устранения угрожающей опасности; 3) к причиняемому вреду: а) предусмотренность уголовным законом, б) причинение тому интересу, через воздействие на который устраняется угрожающая опасность, и в) соответствие характеру и степени угрожающей опасности и обстоятельствам, при которых она устранялась;

- физическом или психическом принуждении о признаках, относящихся: 1) к поведению принуждающего: а) существенность, б) непосредственность и в) наличие цели заставить причинить вред охраняемым уголовным законом интересам; 2) к поведению принуждаемого: а) невозможность

руководить своими действиями (бездействием) и б) наличие цели причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам; 3) к причиняемому вреду: а) предусмотренность уголовным законом, б) причинение охраняемым уголовным законом интересам и в) соответствие требованиям принуждающего;

– обоснованном риске о признаках, относящихся: 1) к необходимости риска: а) наличие и б) разрешимость; 2) к обоснованности риска: а) невозможность обойтись без риска, б) принятие достаточных мер для предотвращения вреда, в) заведомое отсутствие угрозы для жизни многих людей, экологической катастрофы или общественного бедствия и г) наличие общественно полезной цели; 3) к причиняемому вреду: а) предусмотренность уголовным законом, б) причинение охраняемым уголовным законом интересам и в) соответствие цели риска;

– исполнении приказа или распоряжения о признаках, относящихся: 1) к отдаче приказа или распоряжения: а) законность и б) наличие; 2) к исполнению приказа или распоряжения: а) обязательность и б) осуществление именно указанных в приказе или распоряжении действий (бездействия); 3) к причиняемому вреду: а) предусмотренность уголовным законом, б) причинение охраняемым уголовным законом интересам и в) соответствие требованиям приказа или распоряжения.

Вплоть до последнего времени обстоятельства, исключающие преступность деяния, обычно рассматриваются в рамках главы 8 УК РФ [6, с. 46–58]. При этом в литературе, помимо обстоятельств, установленных ст. 37–42 УК РФ, обоснованно выделяются специальные обстоятельства, исключающие преступность деяния, которые отражены в примечаниях к ст. 151, 230, 308, 316 и 322 и имеют наибольшее сходство с крайней необходимостью [7, с. 102]. Список последних обстоятельств, с одной стороны, избыточен, а с другой – неполон.

Перечень специальных обстоятельств, исключающих преступность деяния, избыточен в связи с включением в него обстоятельства, предусмотренного в примечании к ст. 230 УК РФ. В законе сказано, что действие данной статьи не распространяется на случаи пропаганды применения в целях профилактики ВИЧ-инфекции и других опасных инфекционных заболеваний соответствующих инструментов и оборудования, используемых для потребления наркотических средств и психотропных веществ, если эти деяния осуществлялись по согласованию с органами исполнительной власти в сфере здравоохранения и органами внутренних дел.

Действие ст. 230 УК РФ действительно не распространяется на предусмотренную в примечании пропаганду, но не потому, что она является обстоятельством, исключающим преступность деяния, а потому, что ответственность за нее не предусмотрена в уголовном законодательстве. В названной

статье установлена ответственность за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а пропаганда применения в целях профилактики ВИЧ-инфекции и других опасных инфекционных заболеваний соответствующих инструментов и оборудования, используемых для потребления наркотических средств и психотропных веществ, это вовсе не склонение к потреблению таких средств и веществ. Соответственно, примечание к ст. 230 УК РФ не имеет под собой уголовно-правовых оснований и подлежит исключению [8, с. 9].

Перечень специальных обстоятельств, исключающих преступность деяния, неполон в связи с отсутствием в нем обстоятельств, предусмотренных примечаниями к ст. 337 и 338 УК РФ. Конечно, в данных примечаниях говорится об освобождении от уголовной ответственности, но оно происходит в связи со стечением тяжелых обстоятельств, которые в примечании к ст. 151 УК РФ позволяют не распространять ее действие на случаи, в ней предусмотренные.

Проблем с разграничением специальных обстоятельств, исключающих преступность деяния, и с их отграничением от общих обстоятельств нет. Так, по примечаниям:

– к ст. 151 УК РФ: ее действие не распространяется: а) на случаи вовлечения в занятие бродяжничеством; б) несовершеннолетнего; в) если это деяние совершено родителем; г) вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств, д) вызванных утратой источника средств существования или отсутствием места жительства;

– к ст. 308 УК РФ: лицо не подлежит уголовной ответственности: а) за отказ от дачи показаний; б) против себя самого, своего супруга или своих близких родственников;

– к ст. 316 УК РФ: лицо не подлежит уголовной ответственности: а) за заранее не обещанное укрывательство преступления; б) совершенного его супругом или близким родственником;

– к ст. 322 УК РФ: ее действие не распространяется: а) на случаи прибытия в РФ; б) с нарушением правил пересечения государственной границы РФ; в) иностранных граждан и лиц без гражданства; г) для использования права политического убежища в соответствии с Конституцией РФ; д) если в действиях этих лиц не содержится иного состава преступления;

– к ст. 337 УК РФ: освобождается от уголовной ответственности а) военнослужащий, б) впервые совершивший деяния, предусмотренные ч. 1, 2, 3 или 4 настоящей статьи, в) если самовольное оставление части или места службы, а равно неявка в срок без уважительных причин на службу г) явились следствием стечения тяжелых обстоятельств;

– к ст. 338 УК РФ: освобождается от уголовной ответственности: а) военнослужащий; б) впервые совершивший дезертирство, предусмотренное ч. 1 настоящей статьи; в) если дезертирство

явилось следствием стечения тяжелых обстоятельств.

Правда, имеется проблема с легитимностью специальных обстоятельств, исключающих преступность деяния. Они в отличие от специальных видов освобождения от уголовной ответственности не вытекают из предписаний Общей части уголовного законодательства. Чтобы «все было в ажуре», в отношении специальных обстоятельств в законе должно быть нечто подобное положению ч. 2 ст. 75 УК РФ, согласно которому лицо, совершившее преступление иной категории, освобождается от уголовной ответственности только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части. В нововведении следует указать, что виды обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусматриваются не только статьями Общей части УК РФ, но и примечаниями к статьям Особенной части настоящего Кодекса.

Конечно, специальные обстоятельства, исключающие преступность деяния, имеют некоторое сходство с крайней необходимостью (ст. 39 УК РФ), но при них отсутствует непосредственно угрожающая опасность, и она может быть устранена иными средствами. Поэтому до конкуренции здесь дело не доходит.

Вторая стадия квалификации обстоятельств, исключающих преступность деяния

Вторая стадия заключается в фиксации в определенном уголовно-процессуальном акте результатов, достигнутых на первой стадии. Только благодаря этому и возможно узнать о принятом решении и проверить его правильность, а также сделать следующий шаг в переводе нормативности уголовного законодательства в воздействие на общественные отношения, возникающие при квалификации названных обстоятельств.

Закреплению решения, принятого на первой стадии квалификации обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном законодательстве не уделено никакого внимания, хотя неплохо бы соответствующие нормативы все-таки иметь. В отмеченном плане нельзя не видеть преимуществ уголовно-правовой регламентации противоположной ситуации – ответственности за неоконченное преступление и соучастие в преступлении.

В ч. 3 ст. 29 УК РФ установлено, что уголовная ответственность за неоконченное преступление наступает по статье настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за оконченное преступление, со ссылкой на ст. 30. В ч. 3 ст. 34 УК РФ отражено, что уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на ст. 33 настоящего Кодекса, за исключением случаев, ког-

да они одновременно являлись соисполнителями преступления.

Нечто подобное приведенным предписаниям, но, естественно, с учетом собственной специфики желательно предусмотреть и для квалификации обстоятельств, исключающих преступность деяния, которая должна происходить со ссылкой на статью уголовного законодательства, предусматривающую соответствующее обстоятельство. Изложенное нововведение, несомненно, усилит регулируемую роль уголовного законодательства о данных обстоятельствах.

Уголовно-процессуальное законодательство прямо не предусматривает закрепления решения, принятого на первой стадии квалификации обстоятельств, исключающих преступность деяния. При этом в теории вопрос стоит так: основанием для отказа в возбуждении либо прекращения уголовного дела и вынесения оправдательного приговора при наличии данных обстоятельств признается отсутствие события [4, с. 10] или состава [9, с. 7] преступления (п. 1, 2 ч. 1 ст. 24, п. 1, 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ), либо ни то, ни другое, а требуется введение в уголовно-процессуальное законодательство специального основания [10, с. 131]. В п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» разъяснено, что в случаях правомерного причинения вреда в состоянии необходимой обороны или при задержании лица, совершившего преступление, основанием вынесения оправдательного приговора или постановления (определения) о прекращении уголовного дела является отсутствие в деянии состава преступления (см. СПС «КонсультантПлюс»).

Вводить в закон нечто новое имеет смысл только в том случае, когда в нем нет того, чем допустимо руководствоваться при соответствующих условиях. Если же есть возможность взглянуть на содержащееся в законе под другим углом зрения и получить положительный результат, лучше сделать это, чем менять сложившееся правовое положение.

Отсутствие состава преступления допустимо признавать искомым основанием только при одном условии – отсутствии хотя бы одного признака состава. В этом же нельзя не усомниться, имея в виду, что регулирование каждого из обстоятельств, исключающих преступность деяния, начинается со слов: «Не является преступлением причинение вреда...» Если есть вред, а для признания его причинения неправомерным указывается на обстоятельства причинения, но не на отсутствие хотя бы одного признака состава преступления, последний явно должен иметься.

Другое дело – отсутствие события преступления. Если при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, нет преступления, то, разумеется, нет и соответствующего события. Не следует только путать отсутствие события как такового и события престу-

пления, о котором говорится в законе и при котором событие может быть, но не иметь преступного характера. Любое иное понимание события преступления не соответствует смыслу уголовно-процессуального законодательства в системной связке с уголовным.

Вывод

С одной стороны, окно в terra incognita теории квалификации обстоятельств, исключающих преступность деяния, открыто; с другой стороны, предложено всего лишь одно из возможных направлений разрешения вопроса об ее стадиях. Как следствие, данный вопрос вовсе не закрыт, а требует дальнейшего исследования.

Причем в любом случае в уголовное законодательство надобно ввести специальную статью (36.1 УК РФ) о видах обстоятельств, исключающих преступность деяния. Она может иметь следующее содержание:

«1. Виды обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусмотрены настоящей главой, а также примечаниями к статьям Особенной части настоящего Кодекса.

2. Уголовная ответственность исключается со ссылкой на статью Общей части настоящего Кодекса или примечание к статье Особенной части настоящего Кодекса, предусматривающую применяемый вид обстоятельства, исключающего преступность деяния».

Библиографический список

1. Сабитов Р. А. Теория и практика уголовно-правовой квалификации: науч.-практич. пособие. Москва: Юрлитинформ, 2013. 592 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23158878>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tmukyt>.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. Москва: АСТ: Мир и Образование, 2016. 1360 с.
3. Босхолов С. С. Уголовная политика современной России в условиях конституционно-правового реформирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1999. 40 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28874080>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yhwdjj>.
4. Блинников В. А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России. Ставрополь: СГУ, 2001. 236 с.
5. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступления. 2-е изд., перераб. и дополн. Москва: Юристъ, 2001. 304 с. URL: <https://lawbook.online/kniga-rossii-pravo-ugolovnoe/obschaya-teoriya-kvalifikatsii-prestupleniy.html?ysclid=lizy5brx9955738534>.
6. Михайлов В. И. Об определении понятия «обстоятельство, исключающее преступность деяния» // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 46–58. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-46-58>.
7. Орешкина Т. Ю. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: учебное пособие для магистров. Москва: Проспект, 2015. 112 с. URL: <https://indusbook.xyz/books/obstoyatelstva-isklyuchayuschi?ysclid=lizyhph41j112697726>.
8. Войтович А. П. Примечания в уголовном законе (сущность, виды, общая характеристика): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 32 с. URL: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01003310254.pdf.
9. Маляева Е. О. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: Лекция. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. 55 с.
10. Пархоменко С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. 267 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28414400>. EDN: <https://elibrary.ru/xxupjj>.

References

1. Sabitov R. A. *Teoriya i praktika ugolovno-pravovoi kvalifikatsii: nauch.-praktich. posobie* [Theory and practice of criminal law qualification: research and practice manual]. Moscow: Yurlitinform, 2013, 592 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23158878>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tmukyt> [in Russian].
2. Ozhegov S. I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Pod red. L. I. Skvortsova* [Explanatory dictionary of the Russian language. Skvortsova L. I. (Ed.)]. Moscow: AST: Mir i Obrazovanie, 2016, 1360 p. [in Russian].
3. Bosholov S. S. *Ugolovnaya politika sovremennoi Rossii v usloviyakh konstitutsionno-pravovogo reformirovaniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Criminal policy of modern Russia in the context of constitutional and legal reform: author's abstract of the Doctoral of Legal Sciences thesis]. Moscow, 1999, 40 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28874080>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yhwdjj> [in Russian].
4. Blinnikov V. A. *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya, v ugolovnom prave Rossii* [Circumstances excluding the criminality of an act in the criminal law of Russia]. Stavropol: SGU, 2001, 236 p. [in Russian].

5. Kudryavtsev V. N. *Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestupleniya. 2-e izd., pererab. i dopoln.* [General theory of crime qualification. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Yurist", 2001, 304 p. Available at: <https://lawbook.online/kniga-rossii-pravo-ugolovnoe/obshchaya-teoriya-kvalifikatsii-prestupleniy.html?ysclid=lizy5brxx9955738534> [in Russian].
6. Mikhailov V. I. *Ob opredelenii ponyatiya «obstoyatel'stvo, isklyuchayushchee prestupnost' deyaniya»* [On the definition of the concept of «a circumstance excluding the criminality of an act»]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 46–58. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-46-58> [in Russian].
7. Oreshkina T. Yu. *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya: uchebnoe posobie dlya magistrrov* [Circumstances excluding criminality of an act: textbook for masters]. Moscow: Prospekt, 2015, 112 p. Available at: <https://indusbook.xyz/books/obstoyatelstva-isklyuchayuschi?ysclid=lizyhph41j112697726> [in Russian].
8. Voitovich A. P. *Primechaniya v ugolovnom zakone (sushchnost', vidy, obshchaya kharakteristika): avtoref. dis. ... kand. yurid nauk* [Notes in the criminal law (essence, types, general characteristics): author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Vladimir, 2006, 32 p. Available at: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01003310254.pdf [in Russian].
9. Malyaeva E. O. *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya: Lektsiya* [Circumstances excluding the criminality of an act: Lecture]. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, 2001, 55 p. [in Russian].
10. Parkhomenko S. V. *Deyaniya, prestupnost' kotorykh isklyuchaetsya v silu sotsial'noi poleznosti i neobkhodimosti* [Acts, the criminality of which is excluded in virtue of social usefulness and necessity]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2004, 267 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28414400>. EDN: <https://elibrary.ru/xxupjj> [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.43, 343.541, 343.61

Дата поступления: 25.02.2023

рецензирования: 24.04.2023

принятия: 30.05.2023

Противоречия закона, теории и судебной практики по отдельным вопросам квалификации убийства, насильственных половых преступлений, преступлений против свободы и личной неприкосновенности**Т. Н. Нуркаева**

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: NurkaevaTN@yandex.ru

Аннотация: В настоящей статье показаны некоторые противоречия закона, теории и судебной практики на высшем уровне по отдельным вопросам квалификации убийства, насильственных половых преступлений, преступлений против свободы и личной неприкосновенности. Обоснована позиция по их разрешению, в частности, руководствуясь практической целесообразностью, отстаивается мнение, что термин «сопряженный» из уголовного закона следует исключить. В целях единообразного понимания уголовного закона и более точной квалификации отстаивается мнение, что подход законодателя к описанию признака «применение насилия» с учетом его интенсивности и средств воздействия в преступлениях против свободы и личной неприкосновенности должен быть общим: с включением в основной состав признака «с применением насилия, неопасного для жизни или здоровья, или угрозой применения насилия»; в квалифицированный – «с применением насилия, опасного для жизни или здоровья». В этих же целях Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» целесообразно дать более полное толкование понятия «другое лицо», а также показать, в каких случаях применение насилия либо угроза его применения к другому лицу охватывается ч. 1 ст. 131, 132 УК РФ, а в каких – выходит за пределы указанных статей уголовного закона.

Ключевые слова: постановления Пленума Верховного Суда РФ; противоречия закона, теории и судебной практики; насильственные половые преступления; убийство, сопряженное с совершением другого преступления; проблемы квалификации; насилие в преступлениях против свободы и личной неприкосновенности.

Цитирование. Нуркаева Т. Н. Противоречия закона, теории и судебной практики по отдельным вопросам квалификации убийства, насильственных половых преступлений, преступлений против свободы и личной неприкосновенности // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 2. С. 79–84. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-79-84>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Нуркаева Т. Н., 2023

Татьяна Николаевна Нуркаева – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 25.02.2023

Revised: 24.04.2023

Accepted: 30.05.2023

Contradictions of law, theory and judicial practice on certain issues of qualifying murder, violent sexual crimes, crimes against freedom and personal integrity**T. N. Nurkaeva**

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: NurkaevaTN@yandex.ru

Abstract: This article shows some of the problems and contradictions that arise in law, theory and judicial practice at the highest level on certain issues of qualifying murder, violent sexual crimes, crimes against freedom and personal integrity. The author's position on their resolution is substantiated, in particular, guided by practical expediency, the opinion is defended that the term «conjugated» from the criminal law should be excluded. For the purpose of uniform understanding of criminal law and a more precise qualification, the opinion is defended that the legislator's approach to describing the feature «use of violence», taking into account its intensity and means of influence in crimes against freedom and personal integrity, should be the same: in the main composition – «with the use of violence, not dangerous to life or health, or the threat of violence»; in the qualified – «with the use of violence dangerous to life or health»; for the same purposes, in its resolution of December 4, 2014, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On judicial practice in cases of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual», it is advisable to give a more complete

interpretation of the concept of «another person», and also show: in what cases, the use of violence or the threat of its use against another person is covered by Part 1 of Article 131.132 of the Criminal Code of the Russian Federation, and in which – goes beyond the specified articles of the criminal law.

Key words: resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation; contradictions of law, theory and judicial practice; violent sex crimes; murder associated with the commission of another crime; qualification problems; violence in crimes against freedom and personal integrity.

Citation. Nurkaeva T. N. *Protivorechiya zakona, teorii i sudebnoi praktiki po otдел'nykh voprosam kvalifikatsii ubiistva, nasil'stvennykh polovyykh prestuplenii, prestuplenii protiv svobody i lichnoi neprikosnovennosti* [Contradictions of law, theory and judicial practice on certain issues of qualifying murder, violent sexual crimes, crimes against freedom and personal integrity]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 2, pp. 79–84. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-79-84> [in Russian].

Information about the conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

© Nurkaeva T. N., 2023

Tatyana N. Nurkaeva – Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Роль постановлений Пленума Верховного Суда РФ весьма значима. На этом высоком уровне разъясняются положения уголовного закона, что необходимо для правоприменителей. Однако качество отдельных действующих постановлений Пленума Верховного Суда РФ оставляет желать лучшего. Прослеживается тенденция, когда многие положения уголовного закона достаточно динамично меняются и нуждаются в своевременном толковании высшего судебного органа – Пленума Верховного Суда РФ, однако последний по непонятным причинам не спешит вносить изменения в действующие постановления по конкретным делам, ставя тем самым правоприменителей в затруднительное положение. Это, в частности, касается Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (далее – Постановление от 27 января 1999 г. № 1) и постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (далее – Постановление от 4 декабря 2014 г. № 16).

Основная часть

В Постановлении от 27 января 1999 г. № 1 при толковании нормы об убийстве до сих пор указана устаревшая (не действующая) редакция закона. Так, разъясняя п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, Пленум Верховного Суда РФ по-прежнему употребляет связку слов «убийство, сопряженное с похищением человека либо захватом заложника». Более того, если убийство сопряжено с захватом заложника, он (Пленум) предлагает квалифицировать содеянное по п. «в» ч. 2 ст. 105 и ст. 206 УК РФ (абзац 2 п. 7) [1]. Однако Федеральным законом от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ сочетание слов «захватом заложника» было исключено из п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поэтому судебная рекомендация в этой части является ошибочной.

Немало разногласий в теории уголовного права и судебной практике вызывают случаи убийства, сопряженного с совершением другого преступле-

ния. Судебная практика на высшем уровне предлагает в таких случаях квалифицировать содеянное по совокупности статей. Так, согласно п. 11 Постановления от 27 января 1999 г. № 1, «как сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом следует квалифицировать убийство в процессе совершения указанных преступлений. Содеянное в таких случаях квалифицируется по п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ в совокупности со статьями УК, предусматривающими ответственность за разбой, вымогательство или бандитизм». Такой же подход предусмотрен для случаев совершения убийства, сопряженного с похищением человека, а также убийства, сопряженного с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, а также (соответственно, п. 7 и 13 настоящего постановления).

Отметим, что данные рекомендации Пленума Верховного Суда РФ в определенной мере противоречат ч. 1 ст. 17 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ), где указано, что совокупность преступлений отсутствует в случаях, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Однако эта, довольно общая, законодательная формулировка не нашла своего разъяснения ни в законе, ни в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, что ведет к неоднозначному пониманию положений ч. 1 ст. 17 УК РФ в теории и судебной практике.

В теории уголовного права существует мнение, что под данную законодательную конструкцию вполне подпадают случаи совершения лицом преступления, сопряженного с другим преступлением. Если, к примеру, убийство совершено в процессе похищения человека, то, поскольку это предусмотрено п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, совокупность преступлений отсутствует и содеянное следует квалифицировать только по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Это так называемая «учтенная законодателем совокупность

преступлений». Такой точки зрения придерживается А. В. Наумов [2, с. 78–79]. Сходную позицию занимал В. П. Малков, рассматривая случаи совершения преступления, сопряженного с другим преступлением, как единые составные преступления, специально созданные законодателем в целях упрощения процессуальной деятельности правоприменителей [3, с. 260].

Иного мнения по этому вопросу придерживался Э. Ф. Побегайло, который писал, что в случаях убийства, сопряженного с иным преступлением, налицо типичная совокупность (как правило, реальная) самостоятельных криминальных деяний. Квалификация содеянного только по п. «в», «з» или «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ не охватывает содеянного полностью; она может быть адекватной только путем применения по совокупности соответственно: п. «в» ч. 2 ст. 105 и ст. 126; п. «з» ч. 2 ст. 105 и ст. 162; п. «з» ч. 2 ст. 105 и ст. 163; п. «к» ч. 2 ст. 105 и ст. 131; п. «к» ч. 2 ст. 105 и ст. 132 УК РФ [4, с. 112].

На наш взгляд, положение, предусмотренное ч. 1 ст. 17 УК РФ, справедливо прежде всего для тех случаев, когда одно преступление причинно связано с другим, является как бы его логическим продолжением, и, выступая в роли отягчающего обстоятельства, повышает степень общественной опасности содеянного. В таких случаях обычно употребляется связка слов «повлекшее по неосторожности те или иные последствия» (например, ч. 4 ст. 111; п. «б» ч. 3 ст. 131; п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ и др.) либо «если они повлекли умышленное причинение смерти человеку» (п. «б» ч. 3 ст. 205; ч. 4 ст. 206 УК РФ).

Другое дело, когда речь идет о совершении одного преступления, сопряженного с другим. Согласно Толковому словарю русского языка, термин «сопряженный» означает взаимно связанный, сопровождаемый чем-нибудь [5, с. 748]. Если совершение одного преступления сопровождается совершением качественно другого преступления, то ни одно из них не поглощает собой другое. Каждое из совершенных преступлений носит самостоятельный характер и нуждается в самостоятельной квалификации. Сюда подходят случаи так называемой идеальной совокупности преступлений, к примеру: поджог дома, ставший причиной смерти находящихся там людей. Но возможна и реальная совокупность, когда в процессе одного преступного действия – разбойного нападения – совершается качественно другое действие – убийство.

Указанные выше рекомендации Пленума Верховного Суда РФ относительно квалификации убийства, сопряженного с совершением другого преступления, по совокупности преступлений, например, с похищением человека – по п. «в» ч. 2 ст. 105 и ст. 126 УК РФ, также не являются безупречными, поскольку происходит двойной учет одного и того же признака «похищение человека».

Выход из сложившейся ситуации видится в следующем: в указанных выше случаях содеянное может быть квалифицировано по совокупности преступлений при условии, если квалифицирующий признак «сопряженное с похищением человека» из п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ будет исключен. Это равным образом касается убийства, сопряженного с совершением любого другого преступления. В теории уголовного права подобные предложения ранее высказывались [4, с. 113; 6, с. 18; 7, с. 70].

Вопросы возникают и при квалификации насильственных сексуальных преступлений. Речь идет об изнасиловании (ст. 131 УК РФ) и насильственных действиях сексуального характера (ст. 132 УК РФ). Объективная сторона основного состава указанных преступлений предусматривает применение насилия или угрозу его применения к потерпевшей или к другим лицам. В связи с этим требуется решить практически важный вопрос: как квалифицировать деяние, если с целью совершения изнасилования потерпевшей насилие применялось к другому человеку.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 4 декабря 2014 г. № 16, ссылаясь на ст. 17 УК РФ, рекомендует в таких случаях квалифицировать содеянное дополнительно по иным статьям Особенной части УК РФ. В качестве примера указывается близкий родственник потерпевшей (п. 4) [8]. Однако, с нашей точки зрения, эта судебная позиция нуждается в уточнении, поскольку, во-первых, понятие «другое лицо» значительно шире. В этом смысле за основу можно взять положение п. 7 прежнего Постановления от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», согласно которому «под другими лицами, указанными в статьях 131 и 132 УК РФ, следует понимать родственников потерпевшего лица, а также лиц, к которым виновное лицо в целях преодоления сопротивления потерпевшей (его) применяет насилие либо высказывает угрозу его применения». Во-вторых, представляется, что указания Пленума Верховного Суда РФ носят достаточно общий характер и не учитывают возможных нюансов ситуационного плана. Поэтому с исследуемой судебной рекомендацией следует согласиться лишь в той части, в какой насилие применяется не только к потерпевшей с целью ее изнасилования, но и к другому человеку, в том числе близкому, на глазах которого совершается это преступление, либо даже к постороннему лицу, пытающемуся защитить потерпевшую. В таком случае содеянное действительно выходит за рамки состава изнасилования и нуждается в дополнительной квалификации по иным статьям Особенной части УК РФ в зависимости от тяжести причиненного вреда.

Однако в ситуации, когда с целью подавить волю потерпевшей на оказание сопротивления и ее последующего изнасилования насилие либо его угроза применялись только к близкому потерпев-

шей человеку или к лицу, ради спасения которого женщина готова пожертвовать своей половой свободой, например принуждение к половому сношению воспитательницы детского сада под угрозой расправы над детьми, содеянное полностью охватывается ст. 131 УК РФ [9, с. 294]. Не случайно между словами «к потерпевшей», «другим лицам» стоит разделительный союз «или». Это значит, что для вменения ст. 131 УК РФ достаточно применения насилия либо угрозы его применения к самой потерпевшей или к другим лицам, жизнью и здоровьем которых она дорожит.

В правоприменительной деятельности возникают и другие вопросы при квалификации преступлений против свободы и личной неприкосновенности, совершенных с применением насилия. Исследование законодательства в этой области показало, что в родственных составах преступлений сходный квалифицирующий признак – применение насилия – описан по-разному. В составе похищения человека речь идет о применении *насилия, опасного для жизни или здоровья либо угрозе применения такого насилия* (п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ), в составе незаконного лишения свободы говорится о *применении насилия, опасного для жизни или здоровья* (п. «в» ч. 2 ст. 127 УК РФ), в составе торговли людьми – о *применении насилия или угрозе его применения* (п. «е» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ), а в составе использования рабского труда – о *применении шантажа, насилия или угрозе его применения* (п. «г» ч. 2 ст. 127² УК РФ).

Такой неоднозначный подход законодателя к описанию схожего для перечисленных составов преступлений квалифицирующего признака затрудняет квалификацию преступлений. Для целей правильной квалификации содеянного правоприменителям важно понимать: охватывается ли понятием «насилие» причинение вреда здоровью потерпевшего, и если да – то какой тяжести?

Особенно закономерны вопросы при квалификации торговли людьми, а также использования рабского труда, совершенных с применением насилия. Сложность состоит в том, что в указанных составах преступлений говорится о насилии в самом широком смысле слова.

Если ориентироваться на санкцию, предусмотренную за данные преступления (максимальное наказание – лишение свободы до десяти лет), то они относятся к категории тяжких преступлений, и, следовательно, можно предположить, что речь идет о насилии как не опасном, так и опасном для жизни или здоровья. Такую позицию Пленум занял применительно к торговле людьми, совершенной с применением насилия или угрозой его применения. Согласно п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми», по пункту «е» части 2 статьи 127¹ УК РФ надлежит квалифицировать действия, относящиеся к торговле

людьми, совершенные с применением насилия как представляющего, так и не представляющего опасность для жизни или здоровья потерпевшего, а равно с угрозой применения такого насилия [10].

В связи с этим закономерно возникающие вопросы следует, впрочем, адресовать законодателю, из-за несовершенства формулировки квалифицирующего признака, предусмотренного п. «е» ч. 2 ст. 127¹ и п. «г» ч. 2 ст. 127² УК РФ. Полагаем, что законодательная формулировка – «с применением насилия или угрозы его применения» – весьма абстрактна и в рамках данного квалифицирующего признака (с учетом санкции) допускает возможность причинения потерпевшему физического или психического вреда, не соизмеримых по степени своей общественной опасности. Столь широкий подход к пониманию применения физического насилия, да еще в связке с угрозой его применения (психическое насилие), на наш взгляд, не способствует дифференциации уголовной ответственности.

В этом смысле описание признака насилия в составах похищения человека и незаконного лишения свободы представляется более удачным. Однако и применительно к этим составам преступлений актуальным является вопрос: насколько уместно альтернативный признак «угроза применения насилия, опасного для жизни или здоровья» ставить в один ряд с реальным насилием, опасным для жизни или здоровья?

Ответ на данный вопрос, на наш взгляд, содержится в уголовном законе, предусматривающем специальную норму об ответственности за применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ). В ч. 1 этой статьи речь идет о применении насилия, неопасного для жизни или здоровья, либо угрозе применения насилия в отношении представителя власти. Поскольку законодатель не уточняет характер возможной угрозы, полагаем, что речь в данном случае может идти о любой угрозе, вплоть до угрозы убийством. Сравнение санкций, предусмотренных ч. 1 ст. 119 УК РФ и ч. 1 ст. 318 УК РФ, позволяет прийти к такому выводу. Полагаем, что указанные действия наиболее близко соотносятся друг с другом по степени своей общественной опасности.

Соответственно, в ч. 2 ст. 318 УК РФ речь идет только о физическом насилии, опасном для жизни или здоровья. Аналогичный подход прослеживается и в ст. 321 УК РФ («Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества»).

Заключение

Руководствуясь практической целесообразностью, предлагаем термин «сопряженный» из уголовного закона исключить. В целях единообразного понимания уголовного закона и более точной квалификации считаем, что подход законодателя к описанию признака «применение насилия» с учетом его интенсивности и средств

воздействия в преступлениях против свободы и личной неприкосновенности должен быть общим: с включением в основной состав признака «с применением насилия, неопасного для жизни или здоровья, или угрозой применения насилия»; в квалифицированный – «с применением насилия, опасного для жизни или здоровья». В этих же целях считаем целесообразным предложить Пленуму Верховного Суда РФ в своем

Постановлении от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» дать более полное толкование понятия «другое лицо», а также показать, в каких случаях применение насилия либо угроза его применения к другому лицу охватывается ч. 1 ст. 131, 132 УК РФ, а в каких – выходит за пределы указанных статей уголовного закона.

Библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015 № 9) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/?ysclid=lj2isf5be962919962 (дата обращения: 12.02.2023).
2. Наумов А. В. Совокупность в составных насильственных преступлениях: когда она есть и когда отсутствует // Уголовное право. 2014. № 5. С. 76–79. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22660514>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tbwwsh>.
3. Малков В. П. Избранные труды: в 3 т. Т. 3. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2011. 324 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005398635/?ysclid=lj2jbkiq6i322707514.
4. Побегайло Э. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4. С. 112–117. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21045076>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rsntrz>.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 1999. URL: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/O/OJEGOV_Sergey_Ivanovich/Ojegov_S.I..._Tolkovyy_slovar'_russkogo_yazyka.\(2006\).\[pdf-fax\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/O/OJEGOV_Sergey_Ivanovich/Ojegov_S.I..._Tolkovyy_slovar'_russkogo_yazyka.(2006).[pdf-fax].zip).
6. Бавсун М. В., Векленко В. В. Влияние категории «сопряженность» на квалификацию преступлений // Уголовное право. 2014. № 5. С. 16–18. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22660494>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tbwwkp>.
7. Нуркаева Т. Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2017. 255 с. URL: <https://book.ru/book/937140>.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/?ysclid=lj2kkadsav528551056 (дата обращения: 03.02.2023).
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общей редакцией Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. Москва: Издательская группа «ИНФРА М–НОРМА», 1996.
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341379/?ysclid=lj2kyo5jms203769912 (дата обращения: 03.02.2023).

References

1. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27 yanvarya 1999 g. № 1 (red. ot 03.03.2015 № 9) «O sudebnoi praktike po delam ob ubiystve (st. 105 UK RF)* [Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as of 27.01.1999 № 1 (as amended on 3.03.2015 №9) «On judicial practice with regard to cases of murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Retrieved from *legal reference system «ConsultantPlus»*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/?ysclid=lj2isf5be962919962 (accessed 12.02.2023) [in Russian].
2. Naumov A. V. *Sovokupnost' v sostavnykh nasil'stvennykh prestupleniyakh: kogda ona est' i kogda otsutstvuet* [The aggregate in divisible violent crimes: when present or absent]. *Ugolovnoe pravo*, 2014, no. 5, pp. 76–79. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22660514>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tbwwsh> [in Russian].
3. Malkov V. P. *Izbrannye trudy: v 3 t. T. 3* [Selected works: in 3 vols. Vol. 3]. Kazan: Izd-vo «Poznanie» Instituta ekonomiki, upravleniya i prava, 2011, 324 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005398635/?ysclid=lj2jbkiq6i322707514 [in Russian].
4. Pobegailo E. *Krizis sovremennoi rossiiskoi ugolovnoi politiki* [The crisis of modern Russian criminal policy]. *Ugolovnoe pravo*, 2004, no. 4, pp. 112–117. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21045076>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rsntrz> [in Russian].
5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. 4-e izd., dop.* [Explanatory dictionary of the Russian language. 4th edition, enlarged]. Moscow: Azbukovnik, 1999. Available at: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/O/OJEGOV_Sergey_Ivanovich/Ojegov_S.I..._Tolkovyy_slovar'_russkogo_yazyka.\(2006\).\[pdf-fax\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/O/OJEGOV_Sergey_Ivanovich/Ojegov_S.I..._Tolkovyy_slovar'_russkogo_yazyka.(2006).[pdf-fax].zip) [in Russian].

6. Bavsun M. V., Veklenko V. V. *Vliyaniye kategorii «sopryazhennost'» na kvalifikatsiyu prestupleniy* [The influence of the category «contingency» on classification of crimes]. *Ugolovnoe pravo*, 2014, no. 5, pp. 16–18. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22660494>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tbwkwp> [in Russian].
7. Nurkaeva T. N. *Ugolovno-pravovaya okhrana lichnosti, ee prav i svobod: voprosy teorii i praktiki: monografiya. 2-e izd., pererab. i dop.* [Criminal law protection of an individual, his rights and freedoms: issues of theory and practice: monograph. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Prospekt, 2017, 255 p. Available at: <https://book.ru/book/937140> [in Russian].
8. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 4 dekabrya 2014 g. № 16 «O sudebnoi praktike po delam o prestupleniyakh protiv polovoi neprikosnovennosti i polovoi svobody lichnosti»* [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as of December 4, 2014 № 16 «On judicial practice with regard to cases of crimes against sexual integrity and sexual freedom of an individual»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/?ysclid=lj2kkadsav528551056 (accessed 03.02.2023) [in Russian].
9. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. Pod obshchei redaktsiei Yu. I. Skuratova i V. M. Lebedeva* [Skuratov Yu. I., Lebedev V. M. (Eds.) Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «INFRA M–NORMA», 1996 [in Russian].
10. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 24.12.2019 № 58 «O sudebnoi praktike po delam o pokhishchenii cheloveka, nezakonnom lishenii svobody i torgovle lyud'mi»* [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 24, 2019 № 58 «On judicial practice with regard to cases of kidnapping, illegal imprisonment and human trafficking»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341379/?ysclid=lj2kyo5jms203769912 (accessed 03.02.2023).

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-2-85-89

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.1, 341.3

Дата поступления: 29.12.2022
рецензирования: 19.02.2023
принятия: 30.05.2023

О безопасности киберпространства: Киберпанк 202..?

Ю. В. Самович

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Казань, Российская Федерация
E-mail: juliasamovich@gmail.com

Аннотация: Информационная безопасность в настоящее время является ахиллесовой пятой для любого государства, поскольку никто не обладает абсолютными возможностями в этой сфере, да и совершенству предела нет. Постоянно модернизируемые технологии поражают воображение, как и создаваемые в качестве ответных мер, не говоря уже о суммах финансирования, потраченных на них. В настоящей статье проведен краткий обзор некоторых положений стратегий безопасности в киберпространстве основных игроков современного противостояния, из которого следует неутешительный прогноз – потенциальная возможность сферы военных действий расширяется.

Ключевые слова: Россия; США; Европа; НАТО; АСЕАН; информационная безопасность; кибербезопасность; право; политика.

Цитирование. Самович Ю. В. О безопасности киберпространства: Киберпанк 202..? // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 2. С. 85–89. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-85-89>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Самович Ю. В., 2023

Юлия Владимировна Самович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань), 420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7а.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 29.12.2022
Revised: 19.02.2023
Accepted: 30.05.2023

Cyberspace security: Cyberpunk 202..?

Yu. V. Samovich

Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation
E-mail: juliasamovich@gmail.com

Abstract: Information security is currently the «Achilles' heel» for any state, since no one has absolute capabilities in this area, and there is no limit to perfection. Constantly improving technologies amaze the imagination, as well as those created as a response, not to mention the amount of funding spent on them. The article provides a brief overview of some provisions of Security Strategies in cyberspace of the main players in the modern confrontation, from which a disappointing forecast follows – the potential for the scope of military operations is expanding.

Key words: Russia; USA; Europe; NATO; ASEAN; information security; cybersecurity; law; politics.

Citation. Samovich Yu. V. *O bezopasnosti kiberprostranstva: Kiberpank 202..?* [Cyberspace security: Cyberpunk 202..?]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samra University], 2023, vol. 9, no. 2, pp. 85–89. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-85-89> [in Russian].

Information about the conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

© Samovich Yu. V., 2023

Yulia V. Samovich – Doctor of Laws, professor, professor of the Department of State-Legal Disciplines, Kazan branch of the Russian State University of Justice (Kazan), 7a, 2nd Azinskaya Street, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Моделирование «образа врага» принесло свои плоды во многих областях обеспечения безопасности современного государства, но, вероятно, один из самых пугающих с позиции потенциальных последствий и прогнозируемых угроз – это возможность враждебного использования информационного пространства или информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в частности попытки взлома государственных информационных ресурсов, террористическая деятельность в киберпространстве и т. д.

Проблемы обеспечения информационной безопасности и кибербезопасности обсуждаются в международном сообществе с конца 90-х годов двадцатого века. Так, в 1998 году Российская Федерация начинает международные инициативы по обсуждению регулирования информационной безопасности, Darrel C. Menthe предлагает рассматривать киберпространство с позиции именно международного права как международную территорию [1], а «общая дискуссия» по данному вопросу переходит в предметное обсуждение после первых крупных кибератак. Например, в 2009–2010 годах сетевой вирус Win32/Stuxnet атаковал не только персональные компьютеры, но и автоматизированные системы управления производством. Позже возникла гипотеза, что Stuxnet был запущен с целью удара на блоки управления газовыми центрифугами, производящими обогащенный уран на стратегических объектах. В итоге главными подозреваемыми в кибератаке стали спецслужбы Израиля и США. В 2016 году китайская хакерская группа Whitehat Keen Security Lab взломала Tesla Model S через точку доступа Wi-Fi, и подобные примеры неисчерпаемы [2].

В правовом поле Российской Федерации термины «информационная безопасность» и «кибербезопасность» нередко употребляются как синонимы либо в соотношении целого и части. В частности, термин «кибербезопасность» появился в проекте Концепции стратегии кибербезопасности Российской Федерации 2013 года, авторы которого подчеркивали, что в сфере российских актов, посвященных информационной безопасности, должно быть определение кибербезопасности, что позволит согласовать отечественные и иностранные правовые акты, в том числе для адекватного участия в работе над международными [3]. Однако указанный проект был раскритикован Федеральной службой безопасности России, и в настоящее время в правовом поле Российской Федерации действует понятие «информационная безопасность», включающее контент Интернета [4].

Дефиниция раскрывается в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации [5], в том числе за счет понятия «информационное пространство», определяемого как совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обра-

боткой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также как совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений.

Терминология в настоящей статье основана на действующих международно-правовых формулировках и нормах Российской Федерации и позволяет в целом приемлемо обсуждать вопросы, не будучи специалистом в области IT.

В принятой 2 июля 2021 года Стратегии национальной безопасности России информационная безопасность (ИБ) впервые фигурирует как национальный интерес и стратегический национальный приоритет [6].

В Глобальном индексе кибербезопасности (Global Cybersecurity Index, GCI) специалисты Международного союза электросвязи (МСЭ) проводят сравнение стран по уровню развития технологий, индустрии ИБ и участию в защите глобального виртуального пространства. В 2020 году из 194 стран Российская Федерация на пятом месте с баллом 98,06 из 100 возможных, это на 21 позицию выше по сравнению с предыдущим результатом. Для сравнения, Республика Корея находится на 4-м месте с результатом в 98,52 балла [7].

В отличие от России новая (2022) Стратегия национальной безопасности США конкретно говорит именно об обеспечении безопасности киберпространства, обвиняя другие страны в кибератаках на важнейшие инфраструктуры (кстати, в качестве «названной» в Стратегии фигурирует именно Россия), которые становятся все более цифровыми и уязвимыми для сбоев или разрушения в результате кибератак [8]. США намерены «решительно реагировать всеми соответствующими инструментами национальной власти на враждебные действия в киберпространстве, включая те, которые нарушают или ухудшают жизненно важные национальные функции или критическую инфраструктуру» [8].

Североатлантический союз в последней Стратегии [9] указывает на киберпространство как новую сферу оборонительной среды даже с некоторой агрессией: «Обеспечение безопасного использования и беспрепятственного доступа к космосу и киберпространству является ключом к эффективным сдерживанию и обороне. Мы будем укреплять нашу способность эффективно действовать в космосе и киберпространстве, для того чтобы предотвращать, обнаруживать, противодействовать и реагировать на весь спектр угроз, используя все доступные инструменты. Единичные действия в киберпространстве или их совокупный набор, или враждебные операции, проводимые в направлении космоса, из космоса или внутри него, могут привести к тому, что Североатлантический совет прибегнет к статье 5 Североатлантического договора. Мы признаем применимость международного права и будем поощрять ответственное поведение в киберпространстве и космосе. Мы

также будем повышать устойчивость космических и кибернетических потенциалов, от которых зависит наша коллективная оборона и безопасность» [9, п. 25].

Как отмечает Александр Бартош, киберпространство объявлено новой оперативной средой, выпущено руководство по вариантам стратегического реагирования на киберактивность [10].

По предположениям аналитиков, самым быстрорастущим рынком в течение 2021–2026 гг. станет Азиатско-Тихоокеанский регион, в котором основное место занимает Китай.

Киберпространство Китайской Народной Республики – уже длительное время важнейшая сфера деятельности Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и других силовых структур, однако работа ведется в тесном сотрудничестве с гражданским сектором. В этом контексте стоит упомянуть и «Великий китайский файрвол» (Great Firewall of China) – «Золотой щит», одну из самых совершенных систем по ограничению интернет-контента в мире [11]. Как отмечают специалисты, китайская модель «немасштабируема», поскольку вряд ли какое-либо еще государство сумело бы разработать и претворить в реальность настолько цельный и независимый внутренний интернет, обладающий абсолютной системой управления и блокировок без нанесения ущерба собственной экономике, не говоря уже о том, что национальные версии глобальных интернет-сервисов превратились из американских копий в оригинальные интернет-платформы (Taobao, AliPay, WeChat, Weibo и др.), в результате чего национальный интернет-рынок стал самым мощным в мировом сообществе.

Несмотря на тот факт, что Южная Корея становится одной из главных мишеней кибератак из-за огромного числа подключенных устройств, использования мобильных механизмов и интеллектуальной собственности, она пребывает в положении одной из ведущих мировых держав в сфере информационных технологий и информатизации общества.

5 мая 2022 года Государственное разведывательное управление Южной Кореи заявило, что присоединилось к группе киберзащиты при Организации Североатлантического договора (НАТО) в качестве первого азиатского члена, а Национальная разведывательная служба (NIS) Южной Кореи была официально принята в Центр передового опыта совместной киберзащиты НАТО (CCDCOE), базирующийся в Таллине (Эстония) [12]. По сообщению шпионского агентства, NIS два года подряд, начиная с 2020 года, участвовала в крупнейших в мире международных учениях по киберзащите с боевыми стрельбами Locked Shields [13].

16 мая 2022 года японское агентство Nikkei Shimbun объявило, что Соединенные Штаты, Япония, Южная Корея и четыре других члена Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) согласились сделать правила передачи персональных данных независимы-

ми от нынешних рамок регионального форума, стремясь исключить Китай и Россию. В Правилах трансграничной конфиденциальности (CBPR) участвуют девять членов АТЭС: Япония, США, Южная Корея, Канада, Тайвань, Филиппины, Сингапур, Австралия и Мексика. Исключая Австралию и Мексику, остальные семь членов согласились создать новую глобальную систему CBPR. Она будет независима от АТЭС и активно примет участие стран, не входящих в АТЭС. Семь членов АТЭС будут опираться на существующую CBPR и создадут новую корпоративную систему сертификации. Если добавить Бразилию и Великобританию, это может вырасти в новую систему передачи данных, аналогичную системе Европейского союза [14].

Ответ долго ждать не пришлось. 30 июня Администрация киберпространства Китая опубликовала проект положения о стандартном контракте на трансграничную передачу личной информации, который вводит стандартные договорные положения для консультаций с общественностью.

7 июля САС дополнительно опубликовал долгожданные меры по оценке безопасности трансграничной передачи данных, которые вступают в силу с сентября [15].

Многие китайские эксперты прогнозируют, что американо-китайское противостояние в киберпространстве при наличии ряда обстоятельств может достичь «точки невозврата» и повлечь катастрофические последствия для обеих сторон. И хотя, по их мнению, «достаточно глубокое осознание этого может стать фактором взаимного сдерживания в этом противостоянии и в совместном поиске «правил поведения» в данной области» [16], такого исхода стоит ожидать с минимальной вероятностью.

На Форуме в Давосе эксперты прогнозируют, что 2023 год станет годом кибербезопасности. Тем не менее, хотя профессор кибербезопасности Оксфордского университета Сэди Криз и говорит о надвигающемся «кибер-шторме», предложения о совместных действиях для «спасения» по-прежнему не дают нужного эффекта. В вопросах поиска образа врага, однако наблюдается редкое согласие: широко распространено опасение, что правительства усилят свою поддержку или прямое участие в подрывных кибероперациях, особо изощренные кибератаки в будущем приписываются России и Северной Корее [17].

Текущая ситуация в мире не является оптимистичной. Расширение сфер военного пространства под предлогом соблюдения принципов международного права демонстрирует лишь нежелание начинать конструктивный диалог и целеустремленно приближает всех к точке невозврата. Отдельной проблемой является тот факт, что распространение норм международного гуманитарного права на действия в киберпространстве, *a priori* предполагаемое международниками, может встретить жесткое сопротивление уже на стадии квалификации кибератак как военных операций.

Библиографический список

1. Menthe Darrel C. Jurisdiction in Cyberspace: A Theory of International Spaces // *Michigan Telecommunications and Technology Law Review*. 1998. Vol. 4, issue 1. URL: <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1163&context=mttlr>.
2. Десять самых громких кибератак XXI века // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/600702d49a79473ad25c5b3e>.
3. Концепция стратегии кибербезопасности Российской Федерации. Проект. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Documents/National_Strategies_Repository/Russia_2014_Orig_Draft_41d4b3dfbdb25cea8a73.pdf.
4. Концепция не подошла по понятиям. В части кибербезопасности СФ придется синхронизироваться с ФСБ // *Коммерсантъ*. № 221 от 30.11.2013. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2357276?ysclid=lj2rjhkcuh850362884>.
5. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102417017&rdk=&firstDoc=1&lastDoc=1>.
6. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Раздел III (5) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=8&rangeSize=1>.
7. Россия разделила с Малайзией и ОАЭ пятое место в рейтинге кибербезопасности МСЭ // *D-Russia.ru*. 21.07.2021. URL: <https://d-russia.ru/rossija-razdelila-s-malajzijej-i-oaje-pjatoe-mesto-v-rejtinge-kiberbezopasnosti-msje.html?ysclid=lj2siwrt2k219834897>.
8. National Security Strategy. October 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>.
9. Стратегическая концепция НАТО 2022 года. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf.
10. Бартош А. Роботы воюют, умы атакованы, решения ускоряются // *Независимое военное обозрение*. 08.08.2022. URL: https://nvo.ng.ru/nvo/2022-08-04/1_1200_robots.html?ysclid=lj2swz76co887998600.
11. Цензура (контроль) в Интернете. Опыт Китая // *Tadviser*. Государство. Бизнес. Технологии. 21.11.2022. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цензура_\(контроль\)_в_интернете._Опыт_Китая?ysclid=lj2t3lrj9t311105910](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цензура_(контроль)_в_интернете._Опыт_Китая?ysclid=lj2t3lrj9t311105910).
12. S. Korea's spy agency joins NATO cyber defense group // *Yonhap news agency*. May 05, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220505001500315>.
13. He-rim Jo. South Korea's intelligence agency joins NATO's cyber defense center as first in Asia // *The Korea Herald*. URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20220505000162>.
14. Several countries pursue new data transfer rules to keep out China, Russia // *Caliber.Az*, 17 May 2022. URL: <https://caliber.az/en/post/79846/>.
15. Ho D., Zhu M. The Privacy Advisor. China cross-border data transfer mechanism and its implications // *IAPP*. August 23, 2022. URL: <https://iapp.org/news/a/china-cross-border-data-transfer-mechanism-and-its-implications/>.
16. Кокошин А., Кашин В. О подходах руководства КНР и китайских силовых структур к противоборству в киберпространстве // *РСДМ*. 25.07.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/opodkhodakh-rukovodstva-knr-i-kitayskikh-silovykh-struktur-k-protivoborstvu-v-kiberprostranstve/?ysclid=lj2toa3ff714159643>.
17. Experts at Davos 2023 call for a global response to the gathering «cyber storm» // *World Economic Forum*. January 18, 2023. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2023/01/cybersecurity-storm-2023-experts-davos23>.

References

1. Menthe Darrel C. Jurisdiction in Cyberspace: A Theory of International Spaces. *Michigan Telecommunications and Technology Law Review*, 1998, vol. 4, issue 1. Available at: <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1163&context=mttlr>.
2. *Desyat' samykh gromkikh kiberatak XXI veka* [Ten most sensational cyberattacks of the XXI century]. Retrieved from the official website of RBC. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/600702d49a79473ad25c5b3e> [in Russian].
3. *Kontseptsiya strategii kiberbezopasnosti Rossiiskoi Federatsii. Proekt* [Concept of the cybersecurity strategy of the Russian Federation. Project]. Available at: https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Documents/National_Strategies_Repository/Russia_2014_Orig_Draft_41d4b3dfbdb25cea8a73.pdf [in Russian].
4. *Kontseptsiya ne podoshla po ponyatilyam. V chasti kiberbezopasnosti SF pridetsya sinkhronizirovat'sya s FSB* [The concept did not fit the concepts. In terms of cybersecurity, the Federation Council will have to synchronize with the FSB]. *Kommersant*, no. 221, 30.11.2013. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2357276?ysclid=lj2rjhkcuh850362884> [in Russian].
5. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 05.12.2016 № 646 «Ob utverzhdenii Doktriny informatsionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii»* [Decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 № 646 «On

the approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation»]. Retrieved from the official Internet portal of legal information. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102417017&rdk=&firstDoc=1&lastDoc=1> [in Russian].

6. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 02.07.2021 № 400 «O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii». Razdel III (5)* [Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation». Section III (5)]. Retrieved from the official Internet portal of legal information. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=8&rangeSize=1> [in Russian].

7. *Rossiya razdelila s Malaiziei i OAE pyatoe mesto v reitinge kiberbezopasnosti MSE* [Russia shared the fifth place in the ITU cybersecurity rating with Malaysia and the UAE]. Retrieved from the official website of D-russia.ru. 21.07.2021. Available at: <https://d-russia.ru/rossija-razdelila-s-malajziej-i-oaje-pjatoe-mesto-v-rejtinge-kiberbezopasnosti-msje.html> [in Russian].

8. National Security Strategy. October 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>.

9. *Strategicheskaya kontseptsiya NATO 2022 goda* [NATO Strategic Concept of 2022]. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf [in Russian].

10. *Bartosh A. Roboty voyuyut, umy atakovany, resheniya uskoryayutsya* [Robots are at war, minds are attacked, decisions are accelerated]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, 08.08.2022. Available at: https://nvo.ng.ru/nvo/2022-08-04/1_1200_robots.html?ysclid=lj2swz76co887998600 [in Russian].

11. *Tsenzura (kontrol') v Internete. Opyt Kitaya* [Censorship (control) on the Internet. The experience of China]. *Tadviser. Gosudarstvo. Biznes. Tekhnologii* [Tadviser. Government. Business. IT], 21.11.2022. Available at: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цензура_\(контроль\)_в_интернете._Опыт_Китая?ysclid=lj2t3lrj9t311105910](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цензура_(контроль)_в_интернете._Опыт_Китая?ysclid=lj2t3lrj9t311105910) [in Russian].

12. S. Korea's spy agency joins NATO cyber defense group. *Yonhap news agency*, May 05, 2022. Available at: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220505001500315>.

13. *He-rim Jo*. South Korea's intelligence agency joins NATO's cyber defense center as first in Asia. *The Korea Herald*. Available at: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20220505000162>.

14. Several countries pursue new data transfer rules to keep out China, Russia. *Caliber.Az*, May 17, 2022. Available at: <https://caliber.az/en/post/79846/>.

15. *Ho D., Zhu M*. The Privacy Advisor. China cross-border data transfer mechanism and its implications. *IAPP*, August 23, 2022. URL: <https://iapp.org/news/a/china-cross-border-data-transfer-mechanism-and-its-implications/>.

16. *Kokoshin A., Kashin V. O podkhodakh rukovodstva KNR i kitayskikh silovykh struktur k protivoborstvu v kiberprostranstve* [On the approaches of the leadership of the People's Republic of China and Chinese law enforcement agencies to the confrontation in cyberspace]. Retrieved from the official website of RIAC, 25.07.2022. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/o-podkhodakh-rukovodstva-ksnr-i-kitayskikh-silovykh-struktur-k-protivoborstvu-v-kiberprostranstve/?ysclid=lj2toa3ffl714159643> [in Russian].

17. Experts at Davos 2023 call for a global response to the gathering «cyber storm». *World Economic Forum*, January 18, 2023. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2023/01/cybersecurity-storm-2023-experts-davos23>.

**Трибуна молодого ученого
TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST**

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-2-90-95

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.91

Дата поступления: 12.02.2023
рецензирования: 14.03.2023
принятия: 30.05.2023**Частное определение суда первой инстанции в гражданском
судопроизводстве и ответственность за его неисполнение****Э. Э. Мамедов**Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: emil-94@yandex.ru

Аннотация: В настоящей статье проанализированы общие положения и судебная практика, касающиеся вопроса частных определений, выносимых судами в порядке ст. 226 Гражданского процессуального кодекса РФ, а также рассмотрены основные проблемы, связанные с неисполнением частного определения суда. Проблематике института частных определений посвящено большое количество научных трудов российских и советских ученых. Между тем проблеме неисполнения частных определений не уделено достаточное внимание. Законодательство РФ довольно лояльно относится к вопросу неисполнения частных определений суда. Процедура привлечения к гражданско-процессуальной или административной ответственности за нарушения, связанные с частными определениями, остается непопулярной правовой процедурой. Автором выявлена неоправданная дифференциация в закреплении форм и порядка реализации ответственности за неисполнение частного определения, а также непоследовательность закона в части установления мер ответственности за рассматриваемый деликт. Путями решения указанных проблем является внесение необходимых уточнений в действующую редакцию ГПК РФ, которые будут предложены в настоящей статье.

Ключевые слова: частное определение; административная ответственность; гражданское судопроизводство; меры реагирования; суд; гражданское дело; нарушение сроков; непринятие мер; должностное лицо; органы власти; нарушение закона.

Цитирование. Мамедов Э. Э. Частное определение суда первой инстанции в гражданском судопроизводстве и ответственность за его неисполнение // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 2. С. 90–95. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-90-95>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Мамедов Э. Э., 2023

Эмиль Эльханович Мамедов – аспирант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 12.02.2023
Revised: 14.03.2023
Accepted: 30.05.2023**Private determination of the court of the first instance in civil proceedings
and responsibility for non-fulfillment of it****E. E. Mamedov**Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: emil-94@yandex.ru

Abstract: This article analyzes the general provisions and judicial practice regarding the issue of private rulings issued by the courts in accordance with Article 226 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, and also considers the main problems associated with non-execution of a private court ruling. A large number of scientific works of Russian and Soviet scientists are devoted to the problems of the institute of particular definitions. Meanwhile, the problem of non-execution of particular definitions has not been given sufficient attention. The legislation of the Russian Federation is quite

loyal to the issue of non-execution of private determination of the court. The procedure for bringing to civil procedural or administrative liability for violations related to particular definitions remains an unpopular legal procedure. The author revealed an unjustified differentiation in fixing the forms and procedure for the implementation of liability for failure to comply with a particular definition, as well as the inconsistency of the law in terms of establishing liability measures for the tort in question. The ways to solve these problems is to introduce the necessary clarifications into the current version of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, which will be proposed in this article.

Key words: private definition; administrative responsibility; civil litigation; response measures; court; civil case; deadline violation; failure to take action; executive; authorities; law violation.

Citation. Mamedov E. E. *Chastnoye opredeleniye suda pervoi instantsii v grazhdanskom sudoproizvodstve i otvetstvennost' za yego nesootvetstviye* [Private determination of the court of the first instance in civil proceedings and responsibility for non-fulfillment of it]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 2, pp. 90–95. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-90-95> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Mamedov E. E., 2023

Emil E. Mamedov – postgraduate student, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

В соответствии со ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина обеспечиваются правосудием. Правосудие в России осуществляется исключительно судом. Одним из видов судебных актов является частное определение суда.

В юридической литературе под частным определением понимают правовой способ реагирования суда на те или иные случаи, связанные с выявлениями нарушений законности, которые не могут быть устранены им самостоятельно при рассмотрении гражданского дела [1, с. 35].

Изначально норма о частном определении суда в гражданском процессуальном законодательстве появилась в России по времена СССР, а именно в ст. 38 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 08.12.1961. В то же время в советский период у каждой социалистической республики существовало внутреннее законодательство, в котором фигурировал термин «особое определение». Указанный термин, по мнению советских ученых, таких как В. А. Теплов [2, с. 96], Б. А. Протченко [3, с. 142], С. Ф. Ширинский [4, с. 81], был тождественен частному определению.

Позднее норма о частном определении была включена в ГПК РСФСР 1964 года. Уже в тот период советские юристы высказывали мнение о необходимости исключения института частного определения из ГПК РСФСР 1964 года. Так, например, советский юрист В. Н. Бибило высказывал мнение, что само вынесение судом частного определения по гражданскому делу противоречит принципу диспозитивности гражданского судопроизводства и должно быть исключено из гражданского процессуального законодательства [5, с. 55].

Тем не менее институт частного определения нашел свое закрепление как в современном гражданском процессуальном законодательстве РФ, а именно в норме ст. 226 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), так и в иных отраслях права. Например, при рассмотрении судами дела об административном правонарушении суд выносит частное определение в порядке ст. 200 Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ). Аналогичный

порядок установлен для административного судопроизводства ст. 200 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) и для экономических споров в рамках арбитражного судопроизводства ст. 188.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ).

Необходимо отметить, что вынесение судом в рамках гражданского судопроизводства частных определений представляет собой одну из гарантий, связанных с реализацией задачи по укреплению законности и правопорядка. Частное определение суда должно быть оформлено отдельным документом, который обязан соответствовать требованиям, установленным главой 20 ГПК РФ. При этом частное определение выносится судом в отношении как участников конкретного гражданского дела, так и иных лиц, которые не принимали в нем участия [6, с. 337].

В силу ч. 1 ст. 226 ГПК РФ, в случае если судом будут выявлены нарушения законности, у суда появляется право на вынесение частного определения и направление его в конкретные организации или должностным лицам, которые с момента получения частного определения обязаны в течение одного календарного месяца сообщить суду о принятых ими мерах. Законодатель не уточняет, каким образом (устно или письменно) необходимо сообщать суду о принятых мерах. Однако, как можно догадаться, речь идет прежде всего о письменной форме. Между тем можно предположить, что суд вправе сам определить порядок такого сообщения в своем частном определении.

Кроме того, необходимо отметить, что в силу ч. 3 ст. 226 ГПК РФ суд вправе также при обнаружении в действиях участников процесса по конкретному гражданскому делу признаков преступления сообщить об этом в органы дознания (органы предварительного следствия). Например, если при рассмотрении дел об усыновлении или об отмене усыновления суд обнаружит в действиях стороны, других участников процесса, должностного или иного лица признаки преступлений, предусмотренных главой 20 Уголовного кодекса РФ, либо признаки иных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетнего, он в соот-

ветствии с частью 3 статьи 226 ГПК РФ сообщает об этом в органы дознания или предварительного следствия [7].

Стоит отметить то, что законодатель не уточнил, имеют ли право суды апелляционной и кассационной инстанций выносить частные определения. В этой связи необходимо отметить, что в ранней редакции ГПК РФ в нем содержалась статья 368, которая регламентировала право кассационного суда в случаях, предусмотренных ст. 226 ГПК РФ, выносить частные определения. Действующая редакция ГПК РФ подобной нормы не содержит, поскольку законодатель посчитал, что у кассационного суда отсутствует подобное право, поскольку он не вправе рассматривать дело по существу и принимать новые доказательства по делу, а равно и проводить их анализ. Роль кассации на сегодняшний день сводится лишь к тому, чтобы выявлять отсутствие или присутствие наличия грубых нарушений материального или процессуального права судами предыдущих инстанций.

Что касается права апелляционного суда на вынесение частных определений, то подобное право у него имеется. Исходя из содержания п. 77 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16, можно прийти к выводу, что суд второй инстанции имеет полное право выносить частные определения, в том числе связанные и с установлением того, что судом первой инстанции допущены нарушения, которые привели к неправильному рассмотрению дела [8]. Аналогичная трактовка права для судов второй инстанции содержится в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 52 [9].

Необходимо обратить внимание на проблему того, что зачастую имеют место случаи неисполнения требований частных определений со стороны ответственных лиц. Подобное неисполнение остается безнаказанным, поскольку законодательство РФ довольно лояльно относится к данному вопросу.

Неисполнение частного определения может составлять несколько форм: 1) нарушение сроков рассмотрения и исполнения частного определения; 2) несообщение о мерах, принятых по частному определению; 3) несвоевременное сообщение о мерах, принятых по частному определению; 4) непринятие мер по частному определению; 5) несомнительное отклонение частного определения.

Существует неоправданная дифференциация в закреплении форм и порядка реализации ответственности за неисполнение частного определения: в гражданском процессе ответственность имеет процессуальный характер и реализуется в порядке, установленном ГПК РФ, что одновременно не исключает и административную ответственность с учетом общего характера нормы ст. 17.4 КоАП РФ; в арбитражном процессе ответственность имеет административный характер и реализуется в порядке КоАП РФ, что одновременно не исключает и процессуальную ответственность,

установленную АПК РФ, с учетом неконкретизированного характера отсылки («ответственность, установленная законодательством Российской Федерации» - ч. 3 ст. 188.1 АПК РФ).

Норма ч. 2 ст. 226 ГПК РФ предусматривает ответственность за несообщение суду о принятых мерах, которые должны были быть предприняты лицами, указанными в частном определении. Однако наложение судом штрафных санкций не освобождает ответственных лиц от своих процессуальных обязанностей, связанных с исполнением требований частного определения.

При этом ответственность за подобное несообщение установлена в рамках как гражданского процессуального законодательства, так и административного.

В гражданском процессуальном законодательстве ответственность предусмотрена статьями 105–106 ГПК РФ. В силу ч. 1 ст. 105 ГПК РФ размер судебных штрафов, в том числе за неисполнение требований по частному определению суда, складывается из следующих предельных величин:

- 1) не более пяти тысяч рублей для граждан;
- 2) не более тридцати тысяч рублей для должностных лиц;
- 3) не более ста тысяч рублей для организации.

Норма ч. 2 ст. 105 ГПК РФ предусматривает, что для ряда правовых субъектов, которые не являлись участниками по делу, в рамках которого вынесено частное определение, штрафные санкции взыскиваются из личных средств, то есть данные субъекты не могут переложить свое бремя ответственности на иных лиц в рамках тех или иных заключенных соглашений или в силу закона. К данным субъектам ГПК РФ относит:

- 1) должностных лиц государственных органов;
- 2) должностных лиц органов местного самоуправления;
- 3) должностных лиц организаций.

Однако в силу совокупности ст. 105 и ч. 2 ст. 226 ГПК РФ при неисполнении должностными лицами требований частного определения, они могут быть привлечены судом к выплате штрафа в размере 30 000 рублей. То есть речь идет лишь о виновных должностных лицах. При этом физические лица (например, если предписание касается предпринимателей) или юридические лица не могут быть привлечены к какой-либо ответственности за неисполнение требований частных определений.

В административном законодательстве ответственность за неисполнение требований частного определения суда предусмотрена нормой ст. 17.4. КоАП РФ, которая устанавливает штраф за оставление должностным лицом без рассмотрения частного определения суда, включая непринятие мер по устранению указанных в определении нарушений закона. Штрафные санкции при этом составляют от пятисот до одной тысячи рублей. Как можно заметить, административная ответственность установлена исключительно

для должностных лиц. Она не распространяется на физических или юридических лиц. Подобная ответственность применима к частным жалобам суда, вынесенным в порядке гражданского процесса, а также в порядке административного судопроизводства.

Тем самым в силу ст. 17.4 КоАП РФ субъектом указанного правонарушения является только должностное лицо. Кроме того, следует отметить и то, что ответственность за данное правонарушение установлена всего лишь на уровне от 500 до 1000 рублей.

Таким образом, процедура привлечения к гражданско-процессуальной или административной ответственности за нарушения, связанные с частными определениями, остается непопулярной правовой процедурой, поскольку не предполагают наложения наказания на физических и юридических лиц. Также норма не предполагает какого-либо наказания для органов власти, не являющихся юридическими лицами.

Кроме того, существует непоследовательность закона в части установления мер ответственности за рассматриваемый деликт:

1) декларируя применение мер ответственности за непринятие мер по частному определению (ст. 17.4 КоАП РФ), в диспозиции нормы законодатель устанавливает ответственность не только за непринятие мер по частному определению, но и за оставление должностным лицом без рассмотрения частного определения;

2) санкция в виде штрафа от 500 до 1000 рублей за неисполнение частного определения не способна служить достаточным стимулом для его исполнения;

3) осуждаемое бездействие должностного лица необязательно должно сводиться к оставлению частного определения без рассмотрения, поскольку игнорирование частного определения может иметь место и в других формах, что нацеливает на поиск более универсальной формулировки.

Помимо этого, необходимо отметить, что привлечение к ответственности судом лиц, не исполнивших предписание частного определения, является правом, а не обязанностью суда. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 226 ГПК РФ виновные должностные лица лишь могут быть привлечены к ответственности.

Кроме того, остается спорным и то, правомерно ли привлекать именно должностных лиц. Дело в том, что на практике юридические лица, желая избежать наказания, пытаются переложить вину на должностных лиц, которые могли и не отвечать за те или иные вопросы. При этом имеют место так называемые «приписки» в должностные инструкции указанных должностных лиц задним числом.

В этой связи предлагается внесение изменений в ч. 2 ст. 226 ГПК РФ. Предлагается читать ее в следующей редакции:

«2. В случае неисполнения требований частного определения суда виновные лица обязаны быть

привлечены судом к ответственности, предусмотренной статьей 105 настоящего кодекса. Суд имеет право привлечь к указанной ответственности юридических и физических лиц, а также органы государственной или муниципальной власти, не являющиеся юридическими лицами. Наложение штрафа не освобождает от ответственности виновных лиц сообщить о мерах, которые приняты по частному определению суда».

Внесение подобных изменений законодателем позволит привлекать к ответственности всех физических и юридических лиц, а также напрямую органы государственной или муниципальной власти. Привлечение же должностного лица к подобной ответственности должно носить редкий характер. Для подобных лиц должна остаться ответственность, предусмотренная ст. 17.4 КоАП РФ. Помимо этого, изменение в законодательстве обяжет суд привлекать к ответственности виновных лиц.

Кроме того, субъекты локального производства, связанного с вынесением частного определения, являются субъектами процессуальных отношений, несмотря на факультативный характер их участия в процессе. В этой связи обязанности адресов частного определения возникают именно перед судом, и их возможная ответственность за неисполнение частного определения должна иметь характер процессуальной, но не административной ответственности (статья 17.4 КоАП РФ).

Существенно повысить эффективность частных определений, на мой взгляд, позволит публикация их текстов на официальных сайтах судов. В настоящее время, согласно п. 3.7 Регламента организации размещения сведений о находящихся в суде делах и текстов судебных актов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на официальном сайте суда общей юрисдикции, размещение текстов частных определений суда остается на усмотрение судьи, вынесшего конкретное частное определение. Проведенный нами анализ сайтов судов общей юрисдикции показал, что тексты частных определений размещаются на них крайне редко. Думается, что в целях предупреждения судебных ошибок в гражданском судопроизводстве посредством частных определений необходимо размещать на сайте тексты всех частных определений.

Кроме того, установлено, что частное определение предписывающего характера не может предрешать вопросы достаточности оснований, форм, видов, степени, размера ответственности лица, а равно аналогичных мер принуждения [10, с. 211]. Отказ органа в актуализации мер ответственности и иных мер принуждения по частному определению не может быть квалифицирован как неисполнение частного определения, поскольку иное означало бы неосновательное вторжение суда в компетенцию иных органов. Вместе с тем отказ в применении мер

ответственности или иных мер принуждения должен быть мотивирован административным органом в отдельном правоприменительном акте, при этом подобный акт может явиться объектом судебной проверки при оценке судом исполнения частного определения. Его незаконность и (или) необоснованность, включая недостаточную мотивированность, могут послужить основанием для вывода о непринятии мер по частному определению.

Таким образом, ответственность за нарушения частного определения на сегодняшний день недостаточно определена законодателем в ГПК РФ. В частности можно отметить неопределенность, связанную с перечнем виновных лиц. Предложения по внесению изменений в ст. 226 ГПК РФ, регламентирующую порядок вынесения судом частного определения, позволят более эффективно использовать институт частных определений и приведут к пресечению различных правонарушений и преступлений.

Библиографический список

1. Батурина Н. А. Частное определение как процессуальное средство предупреждения судебных ошибок в гражданском судопроизводстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 7. С. 39–42. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18050452>. EDN: <https://elibrary.ru/pezynn>.
2. Теплов В. А. Определение суда первой инстанции. Саратов, 1977. 176 с.
3. Протченко Б. А. Частное (особое) определение суда по уголовному делу // Комментарий судебной практики за 1980 год / под ред. Е. В. Болдырева, А. И. Пергамент. Москва, 1981. 142 с.
4. Ширинский С. Ф. Законность и обоснованность частного определения // Советское государство и право. 1981. № 1. С. 81–86.
5. Бибило В. Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. Минск, 1976. 160 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36278659>. EDN: <https://elibrary.ru/ylcvgh>.
6. Мохов А. А. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Москва: Юридическая фирма «Контракт», 2011. 337 с. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPPrJRXIUFoewruDWRbaw0Oe38pYr1OQlir91noyT80ToLU2mDTlznKD_GXqtoDh9-JG1fIr5CsBBalgPRPDEliCj3268NidbGWXt4XwBLSwiln5aTJpqqGazKr0jt025qCSCs4U8b-EXJOA%3D%3D%3Fsign%3Dnc7NZsQ_QB_VGgepxjncCAMoR2f3aqXUVvwrK4uOIU%3D&name=Moxov_kommentarii_k_GPP.doc&nosw=1.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» (с изм. от 17.12.2013) // Российская газета. 2006. № 92. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8369/?ysclid=1j3xwetnog874358343>.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2021. № 144. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/30137/?ysclid=1j3y1culs4713793634>.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» (с изм. от 09.02.2012) // Российская газета. 2008. № 4. URL: <https://rg.ru/documents/2008/01/12/sud-sroki-dok.html?ysclid=1j3y7a70nv103800217>.
10. Афтахова А. В. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РФ (3-е изд., перераб. и доп.) (под общ. ред. д. ю. н., проф. Л. В. Тумановой). Москва: Проспект, 2020. 211 с.

References

1. Baturina N. A. *Chastnoe opredelenie kak protsessual'noe sredstvo preduprezhdeniya sudebnykh oshibok v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Private definition as a procedural means of preventing judicial errors in civil proceedings]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-government], 2012, no. 7, pp. 39–42. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18050452>. EDN: <https://elibrary.ru/pezynn> [in Russian].
2. Teplov V.A. *Opredelenie suda pervoi instantsii* [Determination of the court of first instance], Saratov, 1977, 176 p. [in Russian].
3. Protchenko B. A. *Chastnoe (osoboe) opredelenie suda po ugovolnomu delu* [Private (special) determination of the court in a criminal case]. In: *Kommentarii sudebnoi praktiki za 1980 god. Pod red. E. V. Boldyreva, A. I. Pergament* [Boldyrev E. V., Pergament A. I. (Eds.) [Commentary on judicial practice for 1980], Moscow, 1981, 142 p. [in Russian].
4. Shirinskii S. F. *Zakonnost' i obosnovannost' chastnogo opredeleniya* [Legality and validity of a private definition]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1981, no. 1, pp. 81–86 [in Russian].
5. Bibilo V. N. *Konstitutsionnye printsipy pravosudiya i ikh realizatsiya v stadii ispolneniya prigovora* [Constitutional principles of justice and their implementation at the stage of execution of the sentence]. Minsk, 1976, 160 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36278659>. EDN: <https://elibrary.ru/ylcvgh> [in Russian].

6. Mokhov A. A. *Kommentarii k Grazhdanskomu protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentaries on the Civil Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article)]. Moscow: Yuridicheskaya firma «Kontrakt», 2011, 337 p. Available at: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEP RrJRXIUFoewruDWRbaw0Oe38pYr1OQlir91noyT80ToLU2mDTlznKD_GXqtoDh9-JG1flr5CsBBalgPRPDEliCj3268NidbGWXt4XwBLSwiln5aTJpqqGazKr0jt025qCSCs4U8b-EXJOA%3D%3D%3Fsign%3Dne7NZsQ_QB__VGgepxjncCAMoR2f3aqXUVvwrK4uOIU%3D&name=Moxov_kommentarii_k_GPP.doc&nosw=1 [in Russian].
7. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 20 apreliya 2006 g. № 8 «O primenenii sudami zakonodatel'stva pri rassmotrenii del ob usynovlenii (udocherenii) detei» (s izm. ot 17.12.2013)* [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as of April 20, 2006 № 8 «On the application by the courts of legislation when considering cases of adoption of children» (as amended on December 17, 2013)]. *Rossiiskaya gazeta*, 2006, no. 92. Available at: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8369/?ysclid=lj3xwetnog874358343> [in Russian].
8. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 22 iyunya 2021 № 16 «O primenenii sudami norm grazhdanskogo protsessual'nogo zakonodatel'stva, reglamentiruyushchikh proizvodstvo v sude apellyatsionnoi instantsii»* [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as of June 22, 2021 № 16 «On the application by the courts of the norms of civil procedural legislation regulating proceedings in the court of appeal»]. *Rossiiskaya gazeta*, 2021, no. 144. Available at: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/30137/?ysclid=lj3y1cu1s4713793634> [in Russian].
9. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27 dekabrya 2007 g. № 52 «O srokakh rassmotreniya sudami Rossiiskoi Federatsii ugolovnykh, grazhdanskikh del i del ob administrativnykh pravonarusheniyakh» (s izm. ot 09.02.2012)* [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as of December 27, 2007 № 52 «On the timing of consideration by the courts of the Russian Federation of criminal, civil cases and cases of administrative offenses» (as amended on February 09, 2012)]. *Rossiiskaya gazeta*, 2008, no. 4. Available at: <https://rg.ru/documents/2008/01/12/sud-sroki-dok.html?ysclid=lj3y7a70nv103800217> [in Russian].
10. Aftakhova A.V. *Kommentarii k Grazhdanskomu protsessual'nomu kodeksu RF (3-e izd., pererab. i dop.) (pod obshch. red. d.yu.n., prof. L. V. Tumanovoi)* [Tumanova L. V. (Ed.) Comment to the Civil Procedure Code of the Russian Federation (3rd edition, revised and enlarged)]. Moscow: Prospekt, 2020, 211 p. DOI: <https://doi.org/10.31085/9785392305445-2019-656>. EDN: <https://elibrary.ru/ippnop>. [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.9

Дата поступления: 23.03.2023
рецензирования: 24.04.2023
принятия: 30.05.2023

Принцип гласности в доктрине и законодательстве о гражданском судопроизводстве

Р. А. Паверников

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: pav-rom94@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме содержания принципа гласности судебного разбирательства по гражданским делам в российском процессуальном законодательстве и в трудах ведущих ученых-процессуалистов. Охватывая период с середины XIX века по настоящее время, автор раскрывает предпосылки к нормативному закреплению принципа гласности, эволюцию содержания указанного принципа в законодательстве дореволюционного, советского и современного периодов, а также оценки и взгляды отечественных ученых касательно значения и сущности гласности в гражданском процессе. Делается вывод о существовании в доктрине гражданского процесса двух основных позиций по вопросу содержания гласности: первая позиция рассматривает гласность исключительно для неопределенного круга лиц, не связанных с процессом, как компонент их права на сбор и получение информации о правосудии. Вторая позиция определяет гласность в двух аспектах: как гласность для публики и для участников процесса. Автор считает целесообразным распространить содержание гласности на участников процесса, так как им также нужны средства и гарантии получения полной и достоверной информации по рассматриваемому делу для своевременной и эффективной защиты нарушенных прав. Актуальность вопроса обусловлена фундаментальным характером гласности судебного разбирательства для правосудия в целом и для гражданского процесса в частности.

Ключевые слова: гражданский процесс; принципы гражданского судопроизводства; гласность судебного разбирательства; публичность; открытые судебные заседания; ограничения принципа гласности; закрытые судебные заседания.

Цитирования. Паверников Р. А. Принцип гласности в доктрине и законодательстве о гражданском судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 2. С. 96–102. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-96-102>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Паверников Р.А., 2023

Роман Александрович Паверников – аспирант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 23.03.2023
Revised: 24.04.2023
Accepted: 30.05.2023

Principle of publicity in the doctrine and legislation of civil proceedings

R. A. Pavernikov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: pav-rom94@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the problem of the content of the principle of publicity of judicial proceedings in civil cases in the Russian procedural legislation and in the works of leading procedural scientists. Covering the period from the middle of the XIX century to the present, the author reveals the prerequisites for the normative consolidation of the principle of publicity, the evolution of the content of this principle in the legislation of the pre-revolutionary, Soviet and modern periods, as well as the assessments and views of domestic scientists regarding the meaning and essence of publicity in civil proceedings. It is concluded that there are two main positions in the doctrine of civil procedure on the issue of the content of publicity: the first position considers publicity exclusively for an indefinite circle of persons not related to the process as a component of their right to collect and receive information about justice. The second position considers publicity in two aspects: both publicity for the public and for the participants in the process. The author considers it expedient to extend the content of publicity to the participants in the process, since they also need the means and guarantees of obtaining complete and reliable information on the case under consideration for timely and effective protection of violated rights. The relevance of the issue is due to the fundamental nature of publicity of judicial proceedings for justice in general and for civil procedure in particular.

Key words: civil proceedings; principles of judicial proceedings; publicity of judicial proceedings; publicity; open court sessions; limitations of the principle of publicity; closed court sessions.

Citation. Pavernikov R. A. *Printsip glasnosti v doktrine i zakonodatel'stve o grazhdanskom sudoproizvodstve* [Principle of publicity in the doctrine and legislation of civil proceedings]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical

Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 2, pp. 96–102. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-2-96-102> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Pavernikov R. A., 2023

Roman A. Pavernikov – postgraduate student, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Гласность правосудия является общепризнанным неотъемлемым стандартом современного и справедливого судебного разбирательства. Ключевые международные акты, провозглашающие основные права и свободы человека, включают в их число право каждого на публичное судебное разбирательство при разрешении как уголовных, так и гражданских дел.

Российская Федерация, будучи полноправным членом мирового сообщества, также признает важность гласности как принципа, на котором основывается и функционирует государственная судебная система. Конституция Российской Федерации провозглашает принцип открытого судебного разбирательства во всех судах (статья 123) [1]. Требование о гласном характере судебного разбирательства закреплено в нормативных актах, регулирующих основы деятельности судебной системы, а также в процессуальном законодательстве.

В контексте гражданского судопроизводства важность гласности обусловлена ее основными задачами. «Правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан» [2] и другие задачи, закрепленные в гражданском процессуальном законодательстве, невозможно претворить в жизнь без гласного характера судебного разбирательства. Подавляющее большинство теоретиков и практиков, занимающихся вопросами гражданского процесса, признают ценность гласности как эффективного инструмента общественного контроля судов и судей, средства предупреждения злоупотреблений и правонарушений со стороны судов и других участников процесса, а также повышения качества правосудия и судебных решений.

Гласность как принцип судопроизводства в российском праве впервые получила нормативное закрепление в уставах гражданского и уголовного судопроизводства Российской империи, принятых в ходе судебной реформы 1864 года. Необходимость реформирования судебной системы Российской империи назрела очень давно. Дореформенные системы судостроительства и судопроизводства были объектом постоянной критики за их крайнюю неэффективность, существование большого количества судебных инстанций и высокий уровень коррупции среди судебных чиновников. Вместо гласности в судах действовал принцип канцелярской тайны. Судебное разбирательство проходило в канцеляриях судов, куда порой не допускались даже стороны. Такой порядок

рассмотрения дел негативно влиял на качество правосудия и выносимых судебных решений. Как писал российский и польский процессуалист Е. В. Васьковский, принцип канцелярской тайны «прикрывает от глаз общества непроницаемой ширмой судей и участвующих в процессе лиц, и под его покровом свободно развиваются взяточничество, подкупы судей и свидетелей, затягивание дел в угоду влиятельным ответчикам, постановление неправильных решений» [3, с. 415].

Судебная реформа существенно изменила системы судостроительства и судопроизводства в России. Судебная система была избавлена от ненужных судебных органов, остались две ветви судов: общие и мировые суды с двумя инстанциями и высшим судебным органом – Сенатом. Появился институт присяжных. Подверглись реформированию судебное следствие, прокуратура, нотариат. Появился институт присяжных поверенных (адвокатура). Судебный процесс стал гласным, устным и состязательным. К. П. Краковский пишет, что при разработке концепции судебной реформы ее авторы вдохновлялись идеями английского либерального философа и юриста Иеремии Бентама [4]. Бентам был автором и идеологом утилитаризма – концепции, определявшей моральную ценность действий или поступков лица их полезностью. В трактатах «О судопроизводстве» и «О судебных доказательствах» Бентам высказал свое мнение о том, какой должна быть правильная судебная система с точки зрения утилитаризма.

Немалое значение Бентам уделял гласности судопроизводства. В трактате «О судебных доказательствах» он пишет о важности гласного правосудия. Он называл гласность «душой правосудия» и считал, что «гласность в судах равновесна всем прочим мерам предосторожности, взятым вместе» [5, с. 74]. Идеи Бентама о суде и судопроизводстве оказали серьезное влияние на разработчиков судебной реформы, ряд членов Комиссии по преобразованию судебной части в России, занимавшейся разработкой судебной реформы, были приверженцами идей Бентама. Не все его идеи были реализованы в ходе реформы (например, была отвергнута идея о сменяемости судей), тем не менее некоторые его предложения были претворены в жизнь, в частности, в судебных уставах Российской Империи нашла отражение идея о гласности.

Содержание принципа гласности (публичности), согласно Уставу гражданского судопроизводства Российской империи, выражалось в открытом разбирательстве всех дел, кроме случаев, установленных законом. Нарушение правила об

открытом судебном разбирательстве приводило к отмене решения суда. Заинтересованные лица и публика могли свободно присутствовать в зале суда и наблюдать за ходом процесса. Судебные постановления объявлялись публично. Информация о судебных заседаниях, стенографии процессов могла быть опубликована в прессе.

Законом допускались исключения из правила о гласном рассмотрении дела, и процесс мог быть проведен за закрытыми дверями по просьбе сторон, если суд признает их причины уважительными. По инициативе прокурора или суда заседание могло быть проведено в закрытом режиме в целях обеспечения общественной пользы, если публичность при рассмотрении данного дела могла быть «предосудительна для религии, общественного порядка или нравственности» [6].

Отечественные ученые – процессуалисты дореволюционного периода положительно оценивали нормы судебных уставов о публичности процесса. К. И. Малышев писал о публичности как о «существенной гарантии правосудия. Она предупреждает кляузы, поддерживает правую сторону и, открывая заинтересованным лицам и публике возможность постоянного наблюдения за ходом производства, возбуждает энергию должностных лиц» [7, с. 353–354]. А. Х. Гольмстен считал целесообразной возможность общественности контролировать деятельность судов, наблюдая за гласным судебным процессом. К тому же, по его мнению, гласность способствует повышению доверия общества к суду, так как «правосудие совершается на его глазах» [8, с. 99–100]. И. Е. Энгельман указывал, что «публика, присутствующая в суде, влияет на судей таким образом, что последние гораздо внимательнее относятся к речам сторон, более тщательно соблюдают внешние формы процесса и обеспечивают равновесие сторон» [9, с. 124].

Е. В. Васьковский также отмечал значимость гласности для осуществления правосудия, как средства общественного контроля и защиты от злоупотреблений, а также и ее роль в правовом просвещении населения и развитии юридической науки. Благодаря гласности процесса граждане получают возможность приобрести новые знания о праве, а у ученых появляется доступ к судебной практике, что окажет помощь в теоретических исследованиях [3, с. 417–419].

В дореволюционной доктрине гражданского процесса была популярна концепция о двойственном характере гласности. По мнению Е. В. Васьковского, в зависимости от субъектного состава гласность рассматривается в узком смысле (гласность для сторон) и в широком смысле (гласность для неопределенного круга лиц). При этом гласность для сторон, по мнению Васьковского, по своей сути не является самостоятельным принципом, а представляет собой следствие, «с одной стороны, принципов непосредственности и устности, требующих, чтобы суд входил в личное общение с тяжущи-

мися, а с другой стороны – принципов состязательности и равноправности, из которых первый возлагает на самих тяжущихся подготовку процессуального материала, а второй – дает им одинаковые средства защиты и нападения» [3, с. 417].

Гласность судопроизводства как основополагающий принцип гражданского процесса была перенята советским процессуальным законодательством. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 года содержал нормы о гласности процесса в десятой главе, посвященной разбирательству дела. Согласно статье 94 ГПК РСФСР, «Разбирательство дела происходит публично и устно» [10]. Также в кодексе содержалось требование о публичном объявлении решения суда. Исключений из принципа гласности, согласно статье 95 ГПК, было два: охрана публичного интереса и если обстоятельства дела затрагивали интимную жизнь сторон. В таком случае суд мог объявить о проведении судебного заседания в закрытом порядке полностью или в части. При этом судебное решение в любом случае объявлялось публично.

Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1961 года и принятый в соответствии с ним Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 года также содержали нормы о гласности судебного разбирательства. В отличие от ГПК 1923 года, соответствующие нормы были помещены в первые главы, посвященные общим положениям процессуального законодательства. Считаем, что таким образом законодатель подчеркивал возросшее значение гласности для судопроизводства в целом и для советского гражданского процесса в частности. Если ранее гласность была принципом проведения судебного разбирательства в судах первой инстанции, то теперь она превратилась в базовый принцип, на котором основывается производство по гражданским делам в советских судах.

И Основы гражданского судопроизводства, и ГПК РСФСР закрепляли общее правило о том, что судебное разбирательство во всех судах открытое. Судебные решения провозглашались публично в любом случае, даже если дело рассматривалось в закрытом порядке. Основания для проведения закрытого разбирательства делились на обязательные (если открытое рассмотрение дела противоречит интересам охраны государственной тайны) и факкультативные (если в деле имелись сведения, затрагивающие интимную жизнь сторон или тайну усыновления). Отличия между ними заключаются в правомочиях суда: если в первом случае суд обязан провести закрытое заседание, то при наличии факкультативных оснований суд был вправе провести закрытое заседание с учетом мнения сторон. Основы гражданского судопроизводства также допускали проведение закрытого судебного заседания в части, если отсутствовало согласие участвующих лиц на исследование в открытом заседании их личной переписки и телеграфных сообщений. ГПК РСФСР так-

же предусматривал запрет для посещения судебных заседаний лиц, не достигших 16 лет, если они не являются участниками процесса или свидетелями.

Важной чертой гласности в советском судопроизводстве являлась ее воспитательная направленность. Советский процессуалист К. С. Юдельсон пишет, что «в ходе рассмотрения дел суду приходится сталкиваться с различными поступками людей, в одних случаях вызывающими осуждение, в других – одобрение. Суд оценивает эти поступки как властный государственный орган коммунистического воспитания» [11, с. 35]. И. И. Мартинович считала, что воспитательное воздействие оказывается не только на участников процесса, но и на граждан, которые присутствуют в зале суда или получают сведения о процессе из СМИ, так как, «наблюдая за ходом судебного процесса, граждане убеждаются в глубокой справедливости и гуманизме социалистического правосудия, проникаются уважением к советскому суду и советскому закону» [12, с. 207]. Воспитательная роль гласности гражданского процесса подчеркивалась требованием ГПК РСФСР 1964 г. об обязательном участии в процессе «представителей трудовых коллективов и общественных объединений» [13]. Они присутствовали в судебном заседании, даже если дело рассматривалось в закрытом порядке.

В отличие от дореволюционных процессуалистов, советские ученые отрицали двойственность содержания гласности. Например, М. С. Строгович считал, что гласность надо понимать непосредственно, как открытое для всех граждан рассмотрение дел судом. А «гласность для участников процесса» – это не гласность в прямом смысле слова, а «процессуальное право участвовать в производстве процессуальных действий» [14, с. 83]. И. И. Мартинович полагала, что гласность для сторон не нужна, так как она искажает подлинный смысл гласности. Стороны обладают правом на получение информации по делу в силу их процессуального статуса, поэтому в данном случае имеет место не гласность для сторон, а их право активно участвовать в судебном разбирательстве [12, с. 198].

Действующий Гражданский процессуальный кодекс РФ 2002 года содержит норму о гласности судебного разбирательства в первой главе ГПК РФ под названием «Общие положения» (статья 10), что говорит о стремлении законодателя продолжать признавать основополагающую роль данного принципа для всего гражданского судопроизводства. При разработке ГПК РФ содержание принципа гласности было переработано. В частности, было решено отказаться от воспитательного аспекта гласности и обязательного участия общественности в судебном заседании. Современное содержание принципа гласности судебного разбирательства включает в себя следующие элементы.

Во-первых, это открытое разбирательство всех дел во всех судах. Здесь подразумевается возможность любого лица, в том числе никак не связанного с рассматриваемым делом, присутствовать в

зале судебного заседания. Суд не может решать, каким гражданам можно посещать судебное заседание, а каким нет, отдавая предпочтение определенным лицам. Право присутствия в судебном заседании имеет целью обеспечить условия для получения информации о конкретном деле и о правосудии в целом. Прежде всего данное право затрагивает неопределенный круг лиц, имеющий заинтересованность в получении информации о судебном разбирательстве (журналисты, представители общественных и правозащитных организаций, студенты и ученые).

Важно отметить, что право свободного посещения судебных заседаний имеет очерченные законом рамки. Осуществление данного права ограничено необходимостью обеспечения безопасности суда и находящихся в нем людей. Поэтому допускается введение мер безопасности, например пропускного режима, принятия правил поведения в здании суда, присутствия судебных приставов в зале судебного заседания, и других мер. В целях обеспечения безопасности закон закрепляет право судьи удалить из зала суда участника процесса или публику, если они нарушают установленный порядок судебного заседания.

Во-вторых, это право публики наблюдать за ходом судебного разбирательства. Данное право имеет взаимосвязь с устностью и непосредственностью судебного разбирательства – двумя важными принципами гражданского процесса. Сущность данных принципов состоит в том, что в ходе судебного заседания коммуникация между судом и остальными участниками процесса происходит в устной форме. Суд опрашивает участвующих в деле лиц, оглашает содержание документов, непосредственно исследует и воспринимает все имеющиеся в деле доказательства. Это дает возможность суду, участникам процесса, а также и публике непосредственно воспринимать озвученную на заседании информацию. Как отмечает А. Ф. Воронов, «гласность и устность тесно связаны между собой. Без устности гласность теряет смысл: если человек не понимает, о чем речь, его присутствие в зале – формальность» [15, с. 98].

В-третьих, возможность фиксировать ход судебного заседания. Закон допускает фиксацию судебного процесса в письменной форме, путем аудиозаписи, фотографирования, видеосъемки, трансляции судебного заседания через радио, телевидение или через Интернет. Однако не всеми этими формами фиксации можно пользоваться в равной степени. Если фиксация хода процесса в письменной форме или путем аудиозаписи не требует разрешения судьи, то применение остальных форм фиксации процесса возможно только при наличии предварительного согласия председательствующего судьи. Данное требование вполне оправданно с точки зрения закона, так как фото- и видеосъемка, трансляция судебного заседания предполагают использование специальных технических средств, что влечет создание как физиче-

ских, так и психологических неудобств для суда и других участников процесса.

В-четвертых, это публичное объявление судебных постановлений. Сюда включается не только устное оглашение судьей в судебном заседании содержания судебного акта, но и предоставление возможности участникам процесса и неопределенному кругу лиц ознакомиться с содержанием судебных постановлений путем получения копии судебного акта в канцелярии суда, опубликования текстов процессуальных документов суда в СМИ и на официальных сайтах судов. В отношении неопределенного круга лиц действует ряд ограничений: не допускается публичное оглашение решений, затрагивающих права и интересы несовершеннолетних, перед публикацией решения на сайте суда текст подвергается процедуре деперсонализации (удаления персональных данных участников процесса). Также действует запрет на публикацию решений по определенным категориям дел.

Основания для проведения закрытого судебного заседания также были подвергнуты изменениям. Расширился перечень факультативных оснований, в частности, основанием для ограничения гласности является необходимость сохранения тайны частной жизни граждан, коммерческой или иной охраняемой законом тайны, либо имеются иные обстоятельства, которые могут помешать правильному рассмотрению дела при гласном их обсуждении.

Вопрос содержания гласности в современном гражданском процессе до сих пор остается предметом дискуссий. Е. В. Вдовина, придерживаясь позиции дореволюционных процессуалистов о двойственном понимании гласности, а также немецкой доктрины гражданского процесса, рассматривает гласность судопроизводства в двух аспектах [16, с. 9]. Первый аспект – это гласность для участников гражданского процесса, то есть гласность в узком смысле. Это совокупность процессуальных прав и обязанностей участвующих в деле лиц, направленных на получение данными лицами информации о процессе. Сюда относятся право быть извещенным о ходе движения дела; право ознакомиться с материалами дела; право непосредственно присутствовать в зале судебного заседания, фиксировать ход процесса допустимыми законом способами, участвовать в судебных прениях; право на ознакомление с текстами судебных актов. Значение гласности для участников процесса, по мнению Е. В. Вдовиной, состоит в том, что «суд создает условия для своевременного получения ими необходимой и достаточной процессуальной информации по конкретному делу» [16, с. 103].

Гласность в широком аспекте – это гласность для неопределенного круга лиц (обычных посети-

телей, представителей средств массовой информации, родственников участников процесса и других лиц). Данный круг лиц обладает правом быть информированными о возбужденных делах, ходе рассмотрения и разрешения дела, посещать судебные заседания, фиксировать ход процесса и получить доступ к текстам судебных актов.

Не все ученые разделяют идею о двойственном содержании гласности. С. В. Праскова считает излишним необходимость выделения гласности для участников процесса. По ее мнению, права участников процесса, связанные с получением информации о статусе дела, ходе рассмотрения дела и результатах процесса, существуют у них не в силу действия принципа гласности, а в силу их процессуального статуса. Лица, участвующие в деле, принимают участие в процессе, извещаются о движении дела, потому что это предписано законом, и введение дополнительных гарантий за счет расширения содержания принципа гласности не имеет смысла [17, с. 72–74]. Стоит отметить сходство данной позиции со взглядами советских процессуалистов, также отрицавших гласность для участников процесса.

Считаем, что гласность судебного разбирательства – это прежде всего право знать. Правом знать должны обладать как обычные люди, не имеющие отношения к конкретному делу, и журналисты, так и участники процесса. И если для первой группы лиц право знать является частью конституционного права на получение и распространение информации любым доступным способом, то для участников процесса право знать – это важный компонент их права на защиту и восстановление нарушенных гражданских прав в судебном порядке. Участникам процесса и заинтересованным лицам, имеющим намерение вступить в дело, должны быть предоставлены необходимые правовые средства и гарантии, обеспечивающие возможность получения указанными субъектами полной и достоверной информации по рассматриваемому гражданскому делу.

Таким образом, гласность судебного разбирательства по гражданским делам, официально появившись в отечественном процессуальном законодательстве в середине XIX века, не утратила своей значимости для законодателя и для представителей юридической науки. В настоящее время вопрос о сущности и перспективах развития гласности судопроизводства не менее актуален, чем раньше. Процесс информатизации правосудия, внедрение в практику работы судов систем веб-конференц-связи, ставшее повсеместным после эпидемии COVID-19 и вынужденного перехода на дистанционную работу, поднимает вопрос о том, как адаптировать гласность к современным реалиям.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=1j412twwey883767598.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/?ysclid=lj41dkgo69786367623
3. Васьяковский Е. В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. Москва: Статут, 2016. 624 с. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/vaskovskij_ev_kurs_grazhdanskogo_processa/?ysclid=lj41fofk9y638156690.
4. Краковский К. П. Иеремия Бентам и судебная реформа 1864 г. в России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 3. С. 9–21. DOI: <http://doi.org/10.22394/2074-7306-2020-1-3-9-21>. EDN: <https://elibrary.ru/oqitla>.
5. Бентам И. О судебных доказательствах / пер. с франц. И. Гороневич. Киев Тип. М. П. Фрица, 1876. 440 с. URL: https://vk.com/wall-102618393_1092?ysclid=lj41y70cew899195970.
6. Судебные уставы Российской империи (в сфере гражданской юрисдикции): Устав гражданского судопроизводства. Учреждение Коммерческих судов и Устав их судопроизводства. Устав гражданского судопроизводства губерний Царства Польского. Волостной судебный устав Прибалтийских губерний. Москва: Статут, 2018. 512 с. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/sudebnye_ustavy_rossijskoj_imperii_v_sfere_grazhdanskoy_yurisdikcii/?ysclid=lj41zoewk1974409106.
7. Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. Санкт-Петербург, 1876. 454 с. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=205127&ysclid=lj43hubm78919275041>.
8. Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. Изд. 5-е. Санкт-Петербург, 1913. 411 с. URL: https://vk.com/wall-163363903_20?ysclid=lj43mm8wm7383066498.
9. Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства / И. Е. Энгельман, заслуженный профессор, почетный член Императорских университетов Св. Владимира и Юрьевского. Изд. третье учебника русского гражданского судопроизводства, исправ. и доп. Юрьев: В комиссии у И. Г. Крюгера, 1912. XVI. 632 с. URL: https://vk.com/wall-157239545_189?ysclid=lj43qupf5u975823166.
10. Постановление ВЦИК от 10.07.1923 «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса РС.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом РС.Ф.С.Р.») (утратил силу) // СУ РСФСР. 1923. № 46–47. Ст. 478. URL: <http://museumreforms.ru/node/13953>.
11. Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс: Допущено Министерством высшего образования СССР в качестве учебника для юридических высших учебных заведений. Москва: Госюриздат, 1956. 439 с.
12. Мартинович И. И. Избранные труды. Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2016. 550 с. URL: https://pravo.by/upload/pdf/izbrannye-trudy/martinovich_izbrannye_trudi.pdf.
13. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (от 11.06.1964) (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. URL: <https://base.garant.ru/3961671>.
14. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Москва, 1958. 703 с. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/strogovich/Strogovich_1.pdf?ysclid=lj44hhqtp5862773049.
15. Воронов А. Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. Москва: Издательский Дом «Городец», 2009. 494 с. URL: <https://djvu.online/file/AYK8RDymdTaRO?ysclid=lj44oggsj6514193957>.
16. Вдовина Е. И. Принцип гласности в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011. 229 с.
17. Праскова С. В. Теоретические основы гласности правосудия: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 214 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16041715>. EDN: <https://elibrary.ru/mdyjudi>.

References

1. *Konstitutsiya Rossijskoj Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020)* [Constitution of the Russian Federation (adopted by a nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved by the All-Russian Vote on 01.07.2020)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lj412tww ey883767598 [in Russian].
2. *Grazhdanskii protsessual'nyi kodeks Rossijskoj Federatsii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 16.04.2022)* [Civil Procedure Code of the Russian Federation as of 14.11.2002 № 138-FZ (as amended on 16.04.2022)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/?ysclid=lj41dkgo69786367623 [in Russian].
3. *Vaskovskiy E. V. Kurs grazhdanskogo protsesssa: Sub"ekty i ob"ekty protsesssa, protsessual'nye otnosheniya i deistviya* [Course of civil procedure: Subjects and objects of the process, procedural relations and actions]. Moscow: Statut, 2016, 624 p. Available at: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/vaskovskij_ev_kurs_grazhdanskogo_processa/?ysclid=lj41fofk9y638156690 [in Russian].
4. *Krakovskiy K. P. Ieremiya Bentam i sudebnaya reforma 1864 g. v Rossii* [Jeremy Bentham and the judicial reform of 1864 in Russia]. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik* [North Caucasus Legal Vestnik], 2020, no. 3, pp. 9–21. DOI: <http://doi.org/10.22394/2074-7306-2020-1-3-9-21>. EDN: <https://elibrary.ru/oqitla> [In Russian].
5. *Bentam Y. O sudebnykh dokazatel'stvakh. Per. s frants. I. Goronovich* [About judicial evidence. Translated from French; translator I. Goronovich]. Kyiv: Tip. M. P. Fritsa, 1876, 440 p. Available at: https://vk.com/wall-102618393_1092?ysclid=lj41y70cew899195970 [in Russian].

6. *Sudebnye ustavy Rossiiskoi imperii (v sfere grazhdanskoj yurisdiktsii): Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva. Uchrezhdenie Kommercheskikh sudov i Ustav ikh sudoproizvodstva. Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva gubernii Tsarstva Pol'skogo. Volostnoi sudebnyi ustav Pribaltiiskikh gubernii* [Judicial statutes of the Russian Empire (in the sphere of civil jurisdiction): The Statute of Civil Proceedings. Establishment of Commercial Courts and the Statute of their Proceedings. The Charter of Civil Proceedings of the provinces of the Kingdom of Poland. Volost judicial Charter of the Baltic provinces]. Moscow: Statut, 2018, 512 p. Available at: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/sudebnye_ustavy_rossijskoj_imperii_v_sfere_grazhdanskoj_yurisdikcii/?ysclid=lj41zoewk1974409106 [in Russian].
7. Malyshev K. I. *Kurs grazhdanskogo sudoproizvodstva. T. 1* [Course of civil proceedings. Vol. 1]. Saint Petersburg, 1876, 454 p. Available at: <https://znanium.com/catalog/document?id=205127&ysclid=lj43hubm78919275041> [in Russian].
8. Gol'msten A. H. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva. Izd. 5-e.* [Textbook of Russian civil procedure. 5th edition]. Saint Petersburg, 1913, 411 p. Available at: https://vk.com/wall-163363903_20?ysclid=lj43mm8wm7383066498 [in Russian].
9. Engelman I. E. *Kurs russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva. I. E. Engel'man, zasluzhenniy professor, pochetny chlen Imperatorskikh universitetov Sv. Vladimira i Yur'evskogo. Izdanie tret'e uchebnika russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva ispravlennoe i dopolnennoe* [Course of Russian civil procedure. Engelman I.E., Honored Professor, Honorary Member of the Imperial Universities of St. Vladimir and Yurievsky. Third edition of the textbook of Russian Civil Procedure, revised and enlarged]. Yuriev: V komissii u I. G. Kryugera, 1912, XVI, 632 p. Available at: https://vk.com/wall-157239545_189?ysclid=lj43qpf5u975823166 [in Russian].
10. *Postanovlenie VTsIK ot 10.07.1923 «O vvedenii v deistvie Grazhdanskogo Protsessual'nogo Kodeksa R.S.F.S.R.» (vmeste s «Grazhdanskim Protsessual'nym Kodeksom R.S.F.S.R.») (utratil silu)* [Resolution of the Central Executive Committee as of 10.07.1923 «On the introduction of the Civil Procedure Code of the R.S.F.S.R.» (together with the «Civil Procedure Code of the R.S.F.S.R.») (expired)]. *SU RSFSR*, 1923, no. 46–47, Article 478. Available at <http://museumreforms.ru/node/13953> [in Russian].
11. *Yudelson K. S. Sovetskii grazhdanskii protsess: Dopushcheno Ministerstvom vysshego obrazovaniya SSSR v kachestve uchebnika dlya yuridicheskikh vysshikh uchebnykh zavedenii* [Soviet civil procedure: Approved by the Ministry of Higher Education of the USSR as a textbook for legal higher educational institutions]. Moscow: Gosyurizdat, 1956, 439 p. [in Russian].
12. Martinovich I. I. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Minsk: Redaktsiya zhurnala «Promyshlenno–torgovoe pravo», 2016, 550 p. Available at: https://pravo.by/upload/pdf/izbrannye-trudy/martinovich_izbrannie_trudi.pdf [in Russian].
13. *Grazhdanskii protsessual'nyi kodeks RSFSR (ot 11.06.1964) (utratil silu)* [Civil Procedure Code of the Russian Federation (as of 11.06.1964) (expired)]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR* [Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR], 1964, no. 24. Available at: <https://base.garant.ru/3961671/> [in Russian].
14. Strogovich M. S. *Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa* [Course of Soviet criminal process]. Moscow, 1956, 703 p. Available at: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/strogovich/Strogovich_1.pdf?ysclid=lj44hhqtp5862773049 [in Russian].
15. Voronov A. F. *Printsipy grazhdanskogo protsessa: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Principles of civil procedure: past, present, future]. Moscow: Izdatel'skii Dom «Gorodets», 2009, 494 p. Available at: <https://djvu.online/file/AYK8RDymdTARo?ysclid=lj44oggsj6514193957> [in Russian].
16. Vdovina E. I. *Printsip glasnosti v grazhdanskom protsesse: dis. ... kand. yurid. nauk* [Principle of publicity in civil proceedings: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2011, 229 p. [in Russian].
17. Praskova S. V. *Teoreticheskie osnovy glasnosti pravosudiya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Theoretical foundations of the transparency of justice: dissertation of the Candidate of Legal Sciences]. Moscow, 2004, 214 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16041715>. EDN: <https://elibrary.ru/mdyjdi> [in Russian].

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в журнале «Юридический вестник Самарского университета» принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (по эл. почте) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список, названия таблиц и рисунков должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 25 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20–30 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.
- References оформляется в соответствии с *American Psychological Association (APA) Style*.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

ШАБЛОН ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-X-XX-XX

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.13

Дата поступления XX.XX.2023
рецензирования: XX.XX.2023
принятия: XX.XX.2022

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

В. В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: smy@samaradom.ru

Аннотация – не менее 250–300 слов: В статье дан краткий исторический экскурс правовой институционализации гражданского общества в США. Делается вывод, что существующие организационные формы и практики деятельности некоммерческого сектора – результат совмещения укорененной в американском обществе традиции филантропии и гражданского участия с государственной политикой по поддержке определенных направлений деятельности некоммерческого сектора. В разные периоды американское государство использовало различные инструменты для направления добровольческой активности и благотворительных капиталов в публично важные сферы деятельности. В настоящий момент американское общество находится в процессе постоянного экспериментирования с правовой формой и статусом организаций некоммерческого сектора, которые были бы способны вобрать в себя преимущества всех трех главных секторов: государства, бизнеса и общества.

Ключевые слова: гражданское общество; некоммерческая организация; налоговые льготы; публичные социальные услуги; благотворительный фонд; государство всеобщего благосостояния.

Благодарности. Статья подготовлена...

Цитирование. Иванов В. В. Название статьи // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № X. С. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-X-XX-XX>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Иванов В. В., 2023**

Виктор Валерьевич Иванов – звание, должность, кафедра, место работы, адрес места работы в формате: 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

Тема кандидатской диссертации: «Структуры гражданского общества ...», тема докторской диссертации: «Структура права...». Автор более 50 научных работ, в т. ч. монографий: «Название» (год), «Название» (год).

Область научных интересов: история теории гражданского общества, современное состояние данной теории, право некоммерческих организаций.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: XX.XX.2023
Revised: XX.XX.2023
Accepted: XX.XX.2023

ARTICLE TITLES

V. V. Ivanov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: smy@samaradom.ru

Abstract: The article offers the brief historical excursion of legal institutionalization of civil society in USA. The article concludes that existent organizational forms and practices of activity of noncommercial sector are the result of combination between embedded traditions of philanthropy and civil engagement in American society and the state policy to support some directions of activity of non-profit sector. The American government made use of different tools to turn voluntary activity and philanthropy funds to major public spheres in various ages. Now the American society is in the process of permanent experimentation with the legal form and status of non-profit sector's organizations which would able to absorb advantages of all three major sectors: the state, the business and the society.

Key words: civil society, non-profit organization, tax privileges, public social services, charity foundation, welfare state.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Ivanov V. V. *Pravovaia institutsionalizatsiia grazhdanskogo obshchestva v SShA (istoricheskii aspekt)* [Legal institutionalization of civil society in the USA (historical aspect)]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, Vol. 9, no. X, pp. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-X-XX-XX> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© **Ivanov V. V., 2023**

Viktor V. Ivanov – senior lecturer of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of future Candidate's thesis: «Structures of civil society and their regulation: foreign and Russian experience (comparative legal analysis)». Author more 50 works.

Research interests: history of theory of civil society, current state of this theory, right of non-profit organizations.

ТЕКСТ СТАТЬИ Ссылки в тексте [1; 4] или [1–6; 16, с. 12–14].

Библиографический список по порядку цитирования (с указанием DOI, URL)